

Александр Олейников

ИЗБРАННОЕ
2009 – 2018

Москва
2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора.....	12
-------------------------	----

СТИХИ

2009

Когда уже заряд верлибра.....	17
Кошельки из натуральной кожи.....	18
С ранних лет внушайте детям:.....	19
Франция.....	20
Никогда не шёл на компромиссы.....	21
Прогноз погоды.....	22
Совет себе.....	23
Переживаю я за нацию.....	24

2010

Сколько лет жене толкую.....	25
Пускай цветы растут из сора.....	26
Живот растёт. Живу в надежде.....	27
Я рождён был позвоночным.....	28
Баллада о грибном супе.....	29

2011

Она была мне как сестра.....	31
Убирает снег таджик.....	33
Оказала мне почёт.....	34
Проспал я сколько-то подряд.....	35
Всё остаётся статус-кво:.....	36
Чтобы мне не кануть в Лету.....	37
В целом я горжусь не слишком.....	38
Скоморохом быть неплохо.....	39
Некролог или некрóлог.....	40
Он молод был душою.....	41
Страдания.....	42
Я почему-то суше море.....	43
Если б Блок прекрасной даме.....	44

С каждым днём теперь мы ближе, ближе.....	45
Слабый пол! Всегда к нему был слабым!.....	46
Я был гуляка и повеса.....	47
Я давно уже не денди.....	48
То угрюм, то хохочу!.....	49
Дыхание Чейн-Стокса.....	50

2012

С бюстом пятого размера.....	52
Когда горит пожар в груди.....	53
Песенка интеллигента об инновациях и нанотехнологиях.....	54
Скажу всю правду голую.....	55
У меня амбиций нету!.....	56
Варю я кашу «геркулес».....	57
На дворе у нас весна.....	58
Конечно, в этом мире брэнном.....	59
Мечтаю стать овечкой Долли.....	60
Над деревнею повисла.....	61
Майское утро.....	62
Известный зодчий Иофан.....	63
Я с псом своим накоротке.....	64
Я умру под утро, на рассвете.....	65
Отчего я проявляю.....	66
Я ей так понравиться стараюсь!.....	67
Национальная русская идея.....	68
Я не Гамлет, не Отелло.....	69
О, мани, мани, мани!.....	70
Да, я побывал на Камчатке!.....	71
И на приличном расстоянии.....	72

2013

Султан завёл себе гарем.....	73
У нас сосед — большой алкаш.....	74
Идёт как на заклатие.....	75
Кто я есть? Вопросы и сомнения!.....	76
Песах.....	77
Шестидесятникам.....	79

Иду по улице родной.....	80
Горят дубовые поленья.....	81
К принятию закона о запрещении курения.....	82
Русский север! Русский Север!.....	83
Он не затмил, хотя хотел.....	84
После победы.....	85
Времена года.....	87
Случайная попутчица.....	89
А мы лицеев не кончали.....	90
Русская интеллигенция.....	91

2014

Эпитафия.....	92
Гложет горькая обида.....	93
Дорогой внучке Кате.....	94
Чуть на фигуру Лиссажу.....	95
Жил у нас в подъезде кот.....	96
Сижу ли я сытый, икая.....	97
Я стал настолько креативен.....	98
Нет людей в библиотеке.....	99
Как известно, от любви глупеют.....	100
Станный дух внутри избы.....	101
Если спросите Пилата.....	102
Когда мы брали Перекоп.....	103
В общении, в целом приятный.....	104
Новый Год в СИЗО.....	105

2015

Памяти Николая Гумилёва.....	106
Ода бахилам.....	107
На Руси мы тары-бары.....	108
Изучали мы с женой.....	109
Завтра праздник всех влюблённых.....	110
Если бы с материков.....	111
Прощёное воскресенье.....	112
К встрече однокурсников.....	113
Над моей дорогой одинокой.....	115

Менуэт	116
Я горжусь великою державой,.....	117

2016

К годовщине полёта Гагарина.....	118
Прокрустово ложе.....	119
Масленая неделя в Веретее.....	120
Деньги все хранят в офшоре.....	122
Ода дружбе.....	123
Опять идёт похолодание.....	124
Кой-кому тирамису.....	125
В этой жизни распроклятой.....	126
Снится мне седьмые сутки.....	127
Считаю я, что молодежав,.....	128
Бурлаки.....	129
Нет силёнок! Вот расстройство!.....	130
Я не сошёл с ума пока.....	131
Я живу зажиточно и сыто,.....	132
Раз уже отказывают ноги,.....	133
Мне сыновья давно уж не звонят,.....	134
Я давно уж ни чём не думаю.....	135
Я давно о женской ласке.....	136
Монолог низложенного короля.....	137
Я мог бы слыть аристократом.....	138
В том возрасте, когда пороки.....	139
Чем нам дороги грибы?.....	140
Сегодня мне концептуальный.....	142
Товарищ Сталин генералов.....	143
Обожаю в выходной.....	144
Я б обойтись был очень рад.....	145
Раз не сажали многократно.....	146
Задаю себе обидный.....	147
Морская дисциплина.....	148

2017

Мы отбили все ладони,.....	149
Стойкий оловянный солдатик.....	150

Баллада о Ленине, броневике, кепке и котелке к 100-летию Октября.....	151
Забудь о женщинах и пьянке!.....	154
Как такой мог выйти случай.....	155
Раньше, чтобы Крым стал наш,.....	156
Позволь мне дать тебе совет:.....	158
Как-то раз случайный встречный.....	159
Кто прожил жизнь холостяком,.....	160
Хоть и дождик проливной,.....	161
Раз нету прока от жены,.....	163
Надо бы предусмотреть.....	164
О криптовалюте, биткоинах и др.....	165
Выбирать умеет цели.....	167
Моему айпаду.....	168
Вот вы тут, «секьюрити»,.....	169
К 100-летию А. Солженицына.....	170

2018

Мы – люди традиционные.....	171
Раньше жили без фейсбука!.....	172
Чем меньше есть своих зубов,.....	173
Слыхал я, что Наполеон.....	174
Люблю я кофе растворимый.....	175
По каналам федеральным.....	176
Вижу: барышни и тётки.....	177
Кириллу и Мефодию.....	178
О дроне.....	180
Снова нефть подешевела.....	181

РАССКАЗЫ

В раннем детстве	184
Посадка деревьев в МГУ.....	184
Как я не стал великим русским писателем.....	185
Мой Серебряный Бор.....	186
Большой концертный рояль Мясковского.....	188
4 фунта лиха.....	189
Соловки.....	190

Картина «Макаров и Попов».....	192
Самогоноварение.....	194
Журнал «Звезда».....	195
Лекция в Борке.....	197
На геологическом конгрессе.....	198
Встреча с родственниками.....	199
Наркомовские 100 граммов.....	200
Банкет по поводу защиты кандидатской диссертации.....	202
Враги сожгли родную хату.....	203
Докторская диссертация Т.М. Лифшица.....	205
Китайская тушёнка.....	207
Нина Ивановна Знаменская.....	208
Газета к 50-летию Революции.....	210
Как Юр.Мех решил вступить в комсомол.....	212
Михаил Федорович. Калистово.....	213
Света Расщепкина.....	214
Сухая колбаса за границу.....	216
Порай. Хэппи.....	217
Дядя Юра Зорин.....	219
Кожаные регланы.....	220
Энциклопедия Брокгауза и Ефрона.....	221
Мой друг Саша Ждан и его «Победа».....	222
Как надо дамам целовать ручку.....	224
Как я сделал свою сестру Лену известным скульптором.....	225
Княгиня из Некоуза.....	225
Ленин и Сталин. Место в истории.....	227
Летающая лодка.....	228
Метро: редиска-мальчик.....	229
Младший брат.....	230
Мои первые шорты.....	231
На спектакле «Дубровский».....	233
Рассказ Аркадия Ивановича (О социалистическом реализме).....	234
Учите языки.....	236
Бассет.....	237

На балете «Ромео и Джульетта».....	238
Сухари на случай войны.....	239
Фефины воротнички.....	240
Как я не стал поэтом-песенником.....	241
Крест с Преображенского кладбища.....	242

ПУБЛИЦИСТИКА

Моя семья во время войны.....	247
Блокада.....	248
Эвакуация.....	252
Новиково.....	257
Грузовик. Бальцер.....	258
Отъезд в Буинск.....	261
Новый Год.....	262
Последнее лето.....	263
Конец войне.....	264
Дальнейшая судьба.....	266
Любимым внукам Сашке и Мишке.....	268
Из воспоминаний о Марианне Викторовне Борисовой-Мусатовой.....	270
Марианна Викторовна Борисова-Мусатова. Её судьба и окружение.....	270
Поездка в Красноармейск.....	275
Тройная дата Тройницкого. О первом советском директоре Эрмитажа.....	277
До 1917 года.....	278
После 1917 года.....	279
Избрание С.Н. Тройницкого директором Эрмитажа.....	280
«Кировское дело». Ссылка в Уфу.....	285

Предисловие автора

Когда я готовил эту книгу, всё чаще вспоминал свою выпускную школьную характеристику, где было написано: «Имеет склонности к гуманитарным наукам. Труднее даются физика и математика». За этой деликатной формулировкой скрывались четвёрка по физике и тройка по математике в аттестате зрелости. Тем не менее я поступил на физфак МГУ, закончил его в 1962 г. и был распределён в академический Институт радиотехники и электроники, ныне имени академика В.А. Котельникова, где и проработал всю жизнь. Сказалось, видимо, и тогдашняя атмосфера в обществе, отражённая в знаковом стихотворении Б. Слуцкого (1959 г.):

Что-то физики в почёте,
 Что-то лирики в загоне.
 Дело не в сухом расчёте,
 Дело в мировом законе...

В Институте я последовательно прошёл все канонические ступени: младший научный сотрудник, научный сотрудник, кандидат наук, старший научный сотрудник, доктор наук, заведующий лабораторией. Я был на хорошем счету у начальства, моя лаборатория стала победителем соцсоревнования в 12-й пятилетке, и дирекция мне выделила «шестерку» — «Жигули» шестой модели, очень престижную. Однажды меня остановил гаишник за какое-то мелкое нарушение. В те времена гаишники всегда спрашивали: «Кем работаете?» Вдруг я работаю директором комиссионки или заведующим мясным отделом в гастрономе? Я с гордостью ответил: «Заведующим лабораторией!» Гаишник говорит: «А, заведующим амбулаторией! Ну, поезжайте!». Видимо, тогда я немного усомнился в научной карьере и подумал, не вернуться ли к школьной характеристике? Тем более, что все годы я писал стихи - притом с юмористическим или даже сатирическим уклоном. Даже в 60-м году в альманахе «День поэзии» была напечатана моя пародия «Сибирские бани» на Андрея Вознесенского. Дальше

с публикациями был большой перерыв, и вот к моему 70-летию я собрал большинство из написанного за жизнь и издал книгу «Стихи», (411 страниц!). И на основе этой книги был принят в Союз литераторов Российской Федерации. Дальше - пошло, я выпустил 6 книжечек стихов и рассказиков, и вот перед вами вторая «толстая» книга автора. В эту книгу вошли избранные вещи, написанные за последние 10 лет. Правда, это не значит, что я бросил заниматься наукой, но, как всем известно, наука у нас в стране последнее время в большом загоне.

В книге три части. Первая часть — стихи. О, как трудно их отбирать из большого количества! Пишущие знают, что стихи, как дети — сам понимаешь, что одни лучше, другие хуже, но все — родные. Стихи — то весёлые, то грустные и, к сожалению, последних становится всё больше, что и понятно.

Вторая часть — рассказы. Они больше о прошлой жизни. По-моему, прозу писать гораздо труднее, чем стихи, которые рождаются часто спонтанно, в результате «пойманной» рифмы, или при виде встречной женщины, или во время бессонницы.

И, наконец, третью часть я назвал «публицистика». В первоначальном замысле были мемуары, но пока «не хватило пороха». Так что напечатанное в этой части можно считать заготовкой к мемуарам.

С «избранным» и остальными вещами можно ознакомиться на сайте aoleynikov.ru.

Спасибо всем-всем за подаренное вдохновение, оказанную помощь и уделённое внимание!

Ваш А. Олейников

СТИХИ

2009

* * *

Верлибр – это нарушение всех правил стихосложения. Это бунтарь среди стихов, имеющий своё мнение и даже отвоёвавший себе звание поэзии.

Когда уже заряд верлибра
Поизрасходован тобой,
Тогда из главного калибра.
Огонь шрапнельными открой.

Читатель, прячься поскорее!
Беги от ямба и хорея.

Пусть слушатель трясётся в страхе!
Его накроет амфибрахий.

Пускай себе поищет место -
Укрытие от анапеста.

Но беспощаден неприятель!
Добьют гекзаметр и дактиль!

Но каждый искушённый знает,
И учит всякая война:
Покой тогда лишь наступает,
Когда приходит тишина.

* * *

Кошельки из натуральной кожи
Продают по сниженной цене.
Я такой купил себе бы тоже —
Жаль, что нету денежек при мне.

Если же сказать вам откровенно,
Есть одна поганая напасть:
Я его купил бы непременно,
Если б было что мне внутрь класть.

* * *

С ранних лет внушайте детям:
Кто мечтает сладко жить,
Пусть научатся маркетинг
И рекламу проводить.

Понимаем же мы с вами:
В этой жизни никогда
Под лежащий серый камень
Не течёт сама вода.

Франция

Я потерял, должно быть, шанс
Тем, что так поздно я приехал.
Ах, где ты старый дилижанс —
Былого сгинувшая веха?

Но даже из-за двух веков
Ко мне доносятся донныне
Шуршанье юбочных шелков
И запахи сыров в корзине.

И если женское бедро
Прижмётся вдруг на повороте,
Как будто терпкого «бордо»
Глоток пьянящий отопьёте.

* * *

Никогда не шёл на компромиссы,
И с трудом держался на плаву.
Потому бедней церковной крысы
Я в согласие с совестью живу.

Скажут: «Крыса — старая воровка».
И положат сыра ей кусок.
Но она-то знает — крысоловка
Сделает убийственный щелчок.

Ей не надо сыра дармового.
Далеко уже не первый год
Без приманки этой крыса снова,
Как и раньше, дальше проживёт.

Прогноз погоды

Нынче было плюс двенадцать.
Завтра будет двадцать пять.
Как же надо одеваться?
Что же завтра надевать?

Может быть, надеть футболку?
Может — майку и жилет?
Что же тут гадать без толку?
Всё равно ответа нет.

Обещают нам осадки
На различных «голосах».
Очень странные порядки
Где-то там, на небесах.

Хорошо б с небес повестку
Накануне получать,
Чтобы знать — надеть зюйдвестку?
Чем макушку прикрывать?

И, хотя на горизонте
Нету туч, как погляжу,
Всё же лучше, если зонтик
В рюкзабочек положу.

Совет себе

Не жди, когда «Уйди со сцены!»
С галёрки зритель прокричит.
Не надо только резать вены
И делать оскорблённый вид.

Уйди достойно и прилично
И гордо голову носи.
Друзей, не только закадычных,
Как и начальство, пригласи.

Купи вина, проси салату
Нарезать приближённых дам.
А главное, что эту дату
Обязан ты назначить сам.

Сходи за пенсией в сберкассу.
Закончив свой отходный пир.
И перейди, пускай не сразу,
С неё, родимой, на кефир.

* * *

Переживаю я за нацию
И мой возлюбленный народ.
А вдруг придёт к нам лидер нации
И сразу полный курс санации
Над нацией произведёт?

Страна! Народ! Слова все ласковые
Готовы с уст сойти всегда.
Но всё-таки конюшни авгиевы
Полезно чистить иногда.

Среди других ходячих мифов,
Как сделать лучше мой народ,
Считаю миф про труд сизифов
Пока всех лучше подойдёт.

2010

* * *

Сколько лет жене толкую,
Десять лет уже почти:
«Ты про рыбку золотую
Сказку снова перечти».

Эта истина избита
Даже в век суровый наш.
Знай: разбитое корыто —
К сожаленью, не мираж.

* * *

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

А. Ахматова

Пускай цветы растут из сора.
Ну, что же нам поделаться тут?
Такая уж, как видно, флора.
Как пышно многие цветут!

Такие яркие растенья
И ароматами полны!
Не на полях ли орошения
Они любовно возвращены?

* * *

Живот растёт. Живу в надежде,
Что похудею я опять.
Себя так хочется, как прежде,
Мне тонким лириком считать.

Я мог бы жить анахоретом,
Из дома б я не выходил,
Когда б бесплатным Интернетом
Провайдер добренький снабдил!

Я б поднимался утром рано,
Ещё до первых петухов.
Весь день за «клавой» у экрана
Сидеть безвылазно готов.

Бродить по сайтам и по чатам
Я б до изнеможения мог.
И я б завёл, пускай чревато,
Наверное, свой личный блог.

Не стал бы я обзаводиться
Ненужным скарбом и женой
И предпочёл бы всем девицам
Лишь только доступ скоростной.

Но иногда, когда я в «аське»
Весь, погрузившись с головой,
Мне не хватает женской ласки,
Не виртуальной, а живой.

* * *

Я рождён был позвоночным.
 Позвоночник стал непрочным.
 Ортопедический матрас
 Подошёл мне в самый раз.

Отчего он искривлён?
 Может, от обилья жён?

Не порол бы ерунду!
 Всё — совсем иначе!
 Образ жизни я веду
 Много лет сидячий.

Если двигаться ползком
 Стал я в годы эти,
 Значит, просто червяком
 Я живу на свете.

Заглянул сегодня в Брэм,
 Стало горестно совсем.

Я, по данным точным,
 Стал беспозвоночным.

Баллада о грибном супе

Осень выдалась грибной
 Раз в средневековье.
 С кузовками шло гурьбой
 Всякое сословье.

Пекарь шёл, и шёл купец
 С верной половиной.
 Даже нации отец —
 Шёл король с корзиной.

Поднабрал король грибков,
 Королеве снёс в альков.

Невзирая на мольбы,
 Чистят фрейлины грибы.

После камеристки
 Вынесут очистки.

Надо шёлковую нить
 Взять, да попрочнее,
 И грибочков засушить
 Хоть в оранжерее.

Если повар наш не глуп,
 Не пустоголовый,
 Он отличный сварит суп
 Нам с крупой перловой.

Королевичам иным —
 Малость шизанутым —
 Лестно. Супчиком грибным
 Угостят их тута.

Из кастрюли есть слабо –
 Не из этикета,
 А мешается жабо,
 И скребёт манжета.

Охраняет мост цепной,
 И ещё отважней,
 Если скушал суп грибной,
 Станет храбрый стражник.

Не поверите, шериф
 Сел каким-то чудом,
 Супа вкусного налив,
 Рядом с Робин Гудом.

Похлебав грибной бульон,
 Положив сметанки,
 Все танцуют котильон –
 Принцы и служанки.

Только сам король-старик,
 Побродив по залам,
 Ищет в парке боровик
 Вместе с кардиналом.

Я и сам бы был не прочь
 Супчика отведать.
 Королевскую же дочь
 После попроведать.

2011

* * *

- Все люди похожи на каких-нибудь животных.
- А я на кого?
- Вы – на рыбу осетровых пород.
из разговора с А.В.

Она была мне как сестра,
 И вдруг она сказала,
 Что я похож на осетра.
 Ещё мне не хватало!

Такое мне, как в сердце нож,
 Как дьявола объятья.
 Пусть буду лучше я похож
 Хоть на бычка в томате.

Стоять в кругу среди друзей
 С бутылкою початой
 И слышать возгласы: Налей!
 Давай ещё! По пятой!

И как приятно видеть мне,
 Что близок я к народу.
 И то, что истина в вине,
 Понятней год от году.

И как все тянутся к тебе
 С беззубой вилкой гнутой.
 И благодарен я судьбе
 За счастья минуты.

И банки рваные края
Уже мне не преграда.
Знать, такова стезя моя.
И мне другой не надо.

Зачем мне образ осетра?!
Я этого не стою.
Уж ты сравни меня, сестра,
С рыбёшкою простою.

* * *

Убирает снег таджик.
Шкрябает лопата.
Он к морозам не привык,
Да нужна зарплата.

Пять детишек и жена
В дворницкой ютятся —
Одежонка всем нужна!
Надо постараться.

С тротуара снег соскрёб.
Проходи, прохожий!
И стоит теперь сугроб,
На Тянь-Шань похожий!

* * *

Скоро масленица —
 Нету маслица,
 Нету беленькой муки.
 Спасибо вам, большевики!

Частушка от тёщи

Оказала мне почёт
 Тёща на неделе.
 Тёща сырники печёт —
 Вы таких не ели!

Не отведали еды,
 Значит, настоящей!
 Прямо со сковороды,
 На газу скворчащей,
 Проглотил я их с пяток
 Быстрее крокодила.
 Больше съесть уже не смог —
 Места не хватило!

Напечёт теперь блинков.
 Дело лишь за малым —
 Больше нет большевиков,
 А муки — навалом!

* * *

Проспал я сколько-то подряд
 Часов и видел сон,
 Где был здоров я и богат,
 Талантлив и умён.

Ещё привиделось во сне,
 Должно быть, крепко дрых:
 Стояла очередь ко мне
 Красоток молодых.

Проснувшись, целый день глотал
 Таблеток разных горсть.
 Уж лучше бы ещё поспал.
 Как жаль, что не пришлось!

* * *

Всё остаётся статус-кво:
Царит в России воровство.

Уж если так хотите,
Коррупцией зовите.

И две беды, как знамя:
Дороги с дураками.

Мы верим в доброго царя,
Хотя боюсь, что даром,
Всё зло приписывая зря
Его плохим боярам.

Мы любим водку и подруг,
Но каждый день со скуки
Проводим больше свой досуг
Мы в скайпе и в фейсбуке.

Вот так мы на Руси живём
Привольно и вольготно
И так же в рай и в ад пойдём
Повзводно и поротно.

* * *

Чтобы мне не кануть в Лету,
А подольше мне пожить,
Прописали мне диету —
Что мне есть и что мне пить.

Доктор мне сказал впервые:
«Беспокоимся за вас!»
Есть котлеты паровые
А не жарить — дал наказ.

Доктор дал наказ мне чёткий:
Чтобы мне сберечь живот,
Перца — даже ни щепотки,
Ни горчицы, ни селёдки.
Лучше даже сковородки
Бросить в мусоропровод.

И полезней для кишок
Не бекон, а творожок.

Позабыть мне про бифштексы
И подобную еду.
Кушать каши, и корнфлекссы,
И другую ерунду.

Позабыть про изобилье,
Есть помалу. Что ж, изволь!
Только, к счастью, позабыли
(постеснялись? не спросили)
Объяснить про алкоголь!

* * *

В целом я горжусь не слишком
Жизнью прожитой своей —
Так, профессор, докторишка,
Многожёнец, не еврей...

Но надеюсь лишь, что внуки,
На подъём пока легки,
Полистают вдруг от скуки
Эти глупые стишки.

* * *

Скоморохом быть неплохо —
Всё веселье да гульба.
Видим мы — у скомороха
Презавидная судьба!

Но, когда он ближе к ночи
Скомороший свой наряд
Скинёт, видим, что не очень
У него весёлый взгляд.

По его плечам усталым
Видим мы, чего он ждёт:
«Завтра надо с видом шалым
Вновь смешить честной народ.
Плясок ждут и прибауток —
Всё, чего не миновать.
Дайте хоть с исходом суток
Мне немножечко поспать!»

Некролог или некрóлог

Сочинял я некролог
О своей кончине.
Сочинить никак не мог
По простой причине:
Так извилист жизни путь
И довольно долог,
Что непросто всё воткнуть
В небольшой некрóлог.

* * *

Он молод был душою
До самых поздних лет.
Писал стишки, не скрою,
Любовные, поэт.

Вот новый цикл начат
Вчера был ночью им.
Но это всё не значит,
Что кем-то он любим!

Он молод был душою
До челюсти вставной.
Жалел порой, не скрою,
О юности лихой.

Когда всю ночь красотку
Он жарко обнимал.
Когда пивную пробку
Зубами открывал.

Беззубым ртом он шамкал —
Отнюдь не крокодил, —
Тянул зачем-то ляжку,
В присутствие ходил.

С подобьем лёгкой прыти
Хромал себе, спеша.
Так, где она, скажите,
Таится в нас — душа?

Страдания

Жизнь похожа на пасьянс.
Иногда случается
Брак неравный — мезальянс
Это называется.

Я женат почти пять раз.
Начал я тревожиться —
Почему-то мой пасьянс
Всё никак не сложится.

Подскажите, как мне быть —
Изменить природу?
Или, может быть, открыть
Новую колоду?

* * *

Я почему-то суше море
Всё больше стал предпочитать,
Поскольку в нём на светофоре
Не надо времени терять.

На море пробки очень редки,
Не надо в них терять часы,
Ну и, конечно, нет разметки,
И нету встречной полосы.

Пожалуй, хижину построю
Теперь себе на берегу,
Прощусь с постылюю Москвою,
Себе здоровье сберегу.

* * *

Если б Блок прекрасной даме
Предложил бы отрубей,
То питаться отрубями
Дама стала б? Хоть убей!

Ну, а нынешние дуры,
Например моя сноха,
Могут кушать для фигуры
Утром кашку из жмыха.

Если дама пожелала
Стать поджарой, как Кощей,
Надо кушать ей помалу,
И всё больше — овощей.

Вы с такими не знакомы?
А придётся вам дружить,
Так попробуйте соломы
Этой даме предложить.

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать...

С. Есенин

С каждым днём теперь мы ближе, ближе
К той стране, где тишь и благодать.
Иногда мне кажется, что вижу
К храму путь, а чаще — не видать.

Завершая жизненную драму,
Праздников и буден череду,
Всё-таки надеюсь я, что к храму
Путь, пока не найденный, найду.

* * *

Слабый пол! Всегда к нему был слабым!
Кто ж слабее — я иль слабый пол?
Были б силы, завтра я по бабам
Снова б с удовольствием пошёл!

Так что вас предупреждаю, люди,
Можете считать за ерунду:
Если ветра сильного не будет,
Я по бабам с утречка пойду.

* * *

Я был гуляка и повеса,
Но всё ушло на задний план.
И над тарелкой «геркулеса»
Сидит поникший бонвиван.

Забросил женщин я и пьянку
И ежедневно по утрам
Варю в кастрюлечке овсянку,
Слегка помешивая, сам.

Подвержен прежде женским чарам,
Галантен, ловок и умён,
Пойду сейчас, склонюсь к мемуарам,
Перебирая бывших жён.

Невкусно что-то! Соли мало?
Весь день сижу я взаперти.
Ах, если б дали мне сначала
Весь этот путь опять пройти!

* * *

Я давно уже не денди,
Хоть и с тросточкой хожу.
И умом немного сбрендил —
Это ясно и ежу!

Вот зачем-то на работу
Я в троллейбусе трясусь.
Может, я забыл там что-то?
Для чего туда я прусь?

Может, ради профсоюза?
Возразить тебе позволь:
Это — лишняя обуза,
Да и толку — полный ноль!

Дома всё тебе знакомо:
Тёща, телик и клозет.
Посидел бы лучше дома,
Старичок, на склоне лет!

* * *

Циклотимия — это значительные
колебания настроения от приподнятого
до подавленного, лёгкая форма
маниакально-депрессивного психоза.

То угрюм, то хохочу!
Это не годится!
Обратиться бы к врачу
Надо в психбольницу.

Мамма mia! Мамма mia!
У меня циклотимия!

Но сказал мне добрый врач:
«Преждевременно не плачь!
Если руки не дрожат,
Пальцы растопыря,
По стенам не шарит взгляд,
Нет на сердце гири,
Не томит тебя корысть
И не душит жаба,
Лучше чем-нибудь займись —
Творчеством хотя бы!»

Вот сижу, пишу стихи я
В состоянье эйфории,
А когда она пройдёт,
Поменяю позу —
И, упрямый, словно крот,
Перейду на прозу!

Дыхание Чейн-Стокса

Владимиру Глянцу

Я старые газеты
Нечаянно нашёл.
Как времени приметы,
Запрятанные в стол.

Товарищ Сталин спёкся,
Рыдала вся страна —
Впервые про Чейн-Стокса
Услышала она.

И голос Левитана,
Обычно глуховат,
Дрожал, как стёкла в рамах
В ненастие дрожат.

Рыдали в голос люди —
Ужасное стряслось!
Что с нами дальше будет?! —
Измучил всех вопрос.

Застыв в Колонном зале
И пятя животы,
Соратнички стояли
С утра до темноты.

Сестра, придя из школы,
Садилась на кровать:
Зачем теперь глаголы,
Раз нет его, спрягать?

Ушёл товарищ Сталин!
Неужто быть войне?
И стёклышки сверкали
У Берии в пенсне.

И я давно зарёкся
Наивным быть, как лох.
Дыхание Чейн-Стокса —
Граница двух эпох.

2012

* * *

С бюстом пятого размера
Хорошо на свете жить.
Можно мужа, для примера,
От ненастия укрыть.

С бюстом первого размера
Всё совсем наоборот,
Но на блузке, для примера,
Бюстик пуговок не рвёт.

Дорогие кавалеры!
Утверждать я не берусь,
Но прекрасно, что размеры
На любой найдутся вкус!

* * *

Когда горит пожар в груди,
Я это знаю сам,
Его скорее остуди
И хлопни сотню грамм.

Но, если вдруг пожар таков,
Что требует вина,
Налей стакан свой до краёв
И выпей всё до дна!

Песенка интеллигента об инновациях и нанотехнологиях

Вот сижу за столом я в прострации.
А начальник, как коршун, кружит.
подавай, мол, ему инновации,
А не то он надбавки лишит.

Технологию наукоёмкую
Напрягусь я и скоро создам.
И её с голубою каёмкою
Поднесу я на блюдечке вам.

Проку нет от неё — тем не менее,
Чтобы двигать прогресс, так сказать,
Подпишите мне акт о внедрении
И на подпись поставьте печать.

Вы простите за мнение дерзкое.
Знаю сам, что играю с огнём.
Ах, пространство моё постсоветское,
Нанослоем живём мы на нём!

* * *

Национальная ассамблея Франции
утвердила первую статью законопроекта
«Брак для всех», согласно которой
люди одного пола могут заключать
браки. 2 февраля 2013 г.

Скажу всю правду голую,
Когда на то пошло:
«Мне браки однополые
Не нравятся зело!»

Поскольку цель конечная
Бессмысленно пуста —
Исчезнут подвенечные
И платье, и фата.

Ужасное сознание!
Нам непонятно, ведь,
С букетом на свидание
К кому теперь лететь?!

И подлежат изъятию —
Сознание готовь —
Привычные понятия:
И «тёща», и «свекровь».

Какой теперь невесте
Колечко подарить?
С каким, скажите, тестем
Бутылочку распить?

Нет! Мне революционный
Не нравится сей шаг!
И я за традиционный,
Пусть незаконный, брак!

* * *

У меня амбиций нету!
Всё, что мог, уже достиг.
И сижу, полураздетый,
Посреди любимых книг.

Расширяю понемногу
Свой убогий кругозор.
Ближе к пушкинскому слогу
Пробираюсь, словно вор.

Ну, а если вдруг мне встретится
С этим слогом наряду,
Я у гения сюжетец
Подходящий украду.

* * *

Варю я кашу «геркулес»,
Непризнанный пиит!
Душа, не то что как протез,
Поёт, а не скрипит.

Ведь на дворе — уже весна!
И кошки, и коты
Спешат без всякого вина
Переходить на «ты».

Процесс «на ты переходить»
Отложим на потом.
Боюсь сравненья получить
Я с мартовским котом!

* * *

На дворе у нас весна.
Снег под солнцем тает.
Много всякого г...а
По весне всплывает.

И замечено давно
Странное уродство:
Всё отмёрзшее г...о
Лезет в руководство.

В испражнениях кишок
Что-то есть родное.
И приятный запахок
Веет над странною.

Я на выборы пришёл
И под взглядом камер,
Чуя этот запахок,
Перед урной замер.

* * *

Конечно, в этом мире бренном
Жить нелегко олигофреном.

Но, видно, такова эпоха:
Быть вундеркиндом тоже плохо.

Предписано мне, видно, веком —
Жить неприметным человеком.

* * *

Мечтаю стать овечкой Долли,
Мне это будет по плечу.
Мечтаю о такой же доле.
Я стать овечкою хочу.

TV работает, как надо,
И так зомбирует народ,
Что скоро всех в баранье стадо
Послушных зрителей собьёт.

Ну что же? Всё прекрасно вроде?
По всем вопросам — заодно!
Хотя бы мнение о погоде
Иметь своё разрешено?

* * *

Над деревнею повисла
Покрывалом тишина,
И таинственного смысла
Ночь притихшая полна.

На селе не слышно песен.
Знать, кому-то лифчик тесен.

Обнимаю молчаливо
Я девчоночку одну
И, погладив шаловливо,
Два крючочка расстегну.

Пусть она вздохнёт всей грудью!
И тогда, летя в зенит,
Над селом — ратуйте, люди, —
Снова песня зазвенит.

Майское утро

Опосля вчерашнего
В голове гудёж.
Тропкою всегдашнею
Вдоль кустов идёшь.

Боковой аллеюкою —
Очень деловит —
Глянь-ка, под скамейкою
Горлышко блестит.

Маленькая толика
Жидкости на дне,
Но для алкоголика
Достаточно вполне.

Из бутылок найденных
Капельки сцедив,
Ликом стал, как праведник —
Потому что жив.

С радостными чувствами
Ты встречаешь день.
А в округе буйствует
Персидская сирень.

* * *

Известный зодчий Иофан
Любил с утра принять стакан.
Как, впрочем, и все прочие
Известные нам зодчие.

И все Гельфрейхи, и Щуко —
Всех называть не стану —
Всегда могли с утра легко
Хлопнуть по стакану.

А если зодчий вдруг не пьёт,
Преодолев натуру,
Уж и не знаю я, что ждёт
Тогда архитектуру.

И потому позволю
Спеть славу алкоголю.

* * *

Я с псом своим накоротке —
вожу его на поводке.

Когда справляет он нужду,
Здрав повыше лапу,
Стою и терпеливо жду,
Надвинув глубже шляпу.

Когда мне хочется пивка,
То в сторону бочонка
Меня посредством поводка
Притащит собачонка.

И, как нам приказал домком,
Я каждым вечерочком
И утром выхожу с совком
И маленьким мешочком.

Страной советскою, как мог,
Я искренне гордился.
И вот, глядите-ка, совок
Теперь и пригодился

Так замечательно живём
Мы с этим очень милым псом
И зря не лезем в драки.
И часто видят нас вдвоём
Прохожие зеваки.

Спросил противный дворник:
«А где у вас намордник?»

* * *

Я умру под утро, на рассвете,
Около, наверное, пяти —
В час, когда проснувшиеся дети
К материнской тянутся груди.

Пусть не завтра! Но всё может случиться!
Наше пресловутое «авось».
Только жаль, с роднею повидаться
Мне перед уходом не пришлось.

Никогда своих не знаешь сроков,
Ничего не знаешь наперёд.
А дитя, тихонечко почмокав,
На руках у матери заснёт.

Нам, согласно высшему велению,
Надо постепенно уходить,
Надо молодому поколению
В этой жизни место уступить.

* * *

Отчего я проявляю
К алкоголю интерес?
Оттого, что им снимаю
Весь возникший за день стресс.

Врач сказал вполне резонно,
Наступая на мозоль:
«Исключить из рациона
Вам придётся алкоголь!»

Дорогой ты мой уролог,
Показанья измени.
Путь остался мне недолог —
Так что, братец, извини!

* * *

Я ей так понравиться стараюсь!
Я уже предпринял всё что мог!
Только я по-прежнему болтаюсь,
Как, примерно, в проруби — цветок.

Думаю, всего одна причина.
Зря ты выбиваешься из сил!
Лучше бы ты, старый дурачина,
Утречком за пенсией сходил.

Национальная русская идея

Я стараюсь и потею,
То воскликну, то молчу,
Нашу русскую идею
Сформулировать хочу.

О высоком не умею
Рассуждать и говорить.
У меня одна идея:
Надо б нам поменьше пить.

Но любой младенец знает:
Наше счастье – питие.
А пока определяет
Нам сознание бытие.

* * *

Я не Гамлет, не Отелло,
Не Чапаев, не герой!
Боже, как же надоело
Заниматься мне мурой!

Я хочу на пенсии
Выращивать гортензии.

Я хочу водить внучат
В Зоопарк за ручку
И не ждать, когда вручат
Жалкую получку.

* * *

О, мани, мани, мани!
Без денежек тоска!
И вошь лишь на аркане
Беснуется слегка.

О, мани, мани, мани!
Будь милостив к нам, рок!
Люблю, когда в кармане
Набитый кошелёк.

* * *

Да, я побывал на Камчатке!
В один не объедешь присест
Россию! Бывал я, ребята,
Конечно, и в городе Брест.

Ещё побывал я на Кушке,
Где бродят верблюды и зной.
А также на самой макушке
Страны необъятной родной.

Страна похудела, похоже,
За счёт революций и драк.
Подобно шагреновой коже,
Как это поведал Бальзак.

Мне жаль расставаться с державой!
Вот так мы хороним мечту!
И только на родине малой
Я вечный покой обрету.

* * *

И на приличном расстоянии,
И разглядев себя в упор,
Национальным достоянием
Признать не смею до сих пор.

Сие явление печальное,
Видать, приходится признать,
А значит, что-то эпохальное
Придётся вскоре написать.

2013

* * *

Султан завёл себе гарем
И много с ним имел проблем.

Утром – сделай переключку.
Пресекай любую стычку.

Каждый вечер – поединок
Меж брюнеток и блондинок.

И на всякого евнуха
Вдруг случается проруха.

А визирь – вези потом
Эту барышню в роддом.

Вот ещё сынок пришёл!
Претендует на престол.

Все султановы заботы
Мало нравятся мне что-то!

И единственной жене
Верен я всю жизнь. Вчерне.

* * *

У нас сосед — большой алкаш
 Всё вспоминал, как брал Сиваш.

«Вот — брод! Вперёд! — велел комдив —
 Оружия не замочив!»

«Устроим белым шухер!» —
 Напутствовал нас Блюхер.

Рванули залпы. Стлался дым.
 И нами взят с похмелья Крым.

Крепка рабочая рука!
 И нету крепче длани!
 И комендантом был в Чека
 В Крыму Иван Папанин.

Таврида. Ялта. Коктебель!
 Волошин! Бухты! Колыбель
 Поэтов разных и писак.
 Рассвет на море! Карадаг!

А вот Хрущёв! Позор и срам!
 Зачем наш Крым отдал хохлам?!

Но я Сиваш не буду брать —
 Мне проще в Турцию слетать.

Считаю, лучше даром
 Отдать наш Крым татарам!

* * *

Идёт как на заклятие,
 Понурившись, поэт.
 Былого обаяния
 Давно в помине нет.

Он не обходит лужи,
 Задумчиво бредёт.
 И рифмы неукложи,
 И слог уже не тот.

Но вот идёт красотка!
 Надеяться могу,
 Что строчки лягут чётко,
 Заискрившись в мозгу.

* * *

Моей маме —
Наталии Оскаровне Мунц

Кто я есть? Вопросы и сомнения!
На одну восьмую — иудей!
Я, крещённый в третьем поколении,
И своих крестивший сыновей.

Кто же я? Мне непонятно, право,
Если с достопамятных времён
Орденом Святого Станислава
Был еврей-прапрадед награждён?

Но скажу вам искренне и прямо,
Доживая век свой стариком:
«Ты меня, Россия, как и мама,
Сызмальства вскормила молоком».

Разделил все радости и горе,
Что тебе послали небеса,
Всем твоим, страна, молитвам вторя,
Все, что можно, жертвы принеся.

И ещё скажу, о чём мечтаю:
Чтобы после смерти мне лежать
Всё под тем же камнем, рядом, с краю,
Где лежит моя родная мать.

Песах

Памяти Маргариты Алигер

И, в чужом жилище руки грея,
Старца я осмелилась спросить:
— Кто же мы такие?
— Мы — евреи!
Как ты смела это позабыть?!

М. Алигер 1945 г.

Главный праздник нашего народа
Начертал Господь на небесах —
Это Песах, это День Исхода,
Что в весеннем месяце нисан.

И, конечно, в наших интересах
Знать, что, очевидно, неспроста
Это слово на иврите — Песах —
Значит «говорящие уста».

Никакой надёжный самый панцирь
Никого от смерти не спасёт.
Только кровь зарезанного агнца
Посланная гибель обойдёт.

И, когда с гостями в седеp сяду,
Умастясь, за праздничным столом,
Мы тогда Пасхальную Агаду,
Обращаясь к небу, вознесём.

Чашу я к соседу пододвину
И, взглянув затем в глаза ему,
За Неопалимую Купину
Свой сосуд повыше подниму.

Мы не даром сорок лет блуждали,
Ведь небогоизбранный народ
Моисей, я думаю, едва ли
За собой в пустыню поведёт.

Скорбен путь еврейского народа —
Слишком много казней и печей.
Но сыны Великого Исхода.
В этот день прощают палачей!

Шестидесятникам

Я снова о шестидесятниках!
Интеллектуал и книгочей,
Опять служить тебе в запятниках
Уже у новых богачей.

У тех, что стали нуворишами
И не читают умных книг.
А нам опять трудиться рикшами
И бегать высунув язык.

Ты раньше в разговорах кухонных,
В кармане фигу крепко сжав,
Среди друзей полуиспуганных
Всю ночь доказывал, что прав!

Мы призывали к конвергенции,
Клеймя генсека-подлеца.
Простим тебя, интеллигенция, —
Вечно заблудшая овца.

Скрепят уключины над озером
И проникает в душу Блок.
... А власть всё прёт и прёт бульдозером,
Не разбираючи дорог.

* * *

Иду по улице родной.
Здесь был когда-то зал пивной.

Теперь в стране другой уклон.
Вон, вижу — красоты салон.

Да, времена уже не те!
Мне чёрта ль в этой красоте?

Когда я в зеркало гляжу,
Приятного не нахожу.

А есть мечта у старика —
Попить на уголке пивка.

Да только нет солёных сушек,
А больше «роллы» всё да «суши»

* * *

Горят дубовые поленья.
Гудит валторною камин.
А я в усталой позе гения
Сижу задумчиво один.

Сейчас творенья брошу в топку —
Мне классиков не превзойти.
Легко ль нехоженую тропку
В наш век в поэзии найти?

Любовь — буржуйская отрывка
Опять находится в чести,
Легко ли — думаю, не слишком —
Здесь рифму свежую найти?

Вон соловей выводит трели,
Его воспеть хватило б сил.
Но без меня и тут успели —
Романс Алябьев сочинил.

«Поэт и царь» — проблема эта
Извечна, что ни говори.
Но жаль, что лучшие поэты
Живут поменьше, чем цари.

Нет, я листочки брошу в топку!
Мне классиков не превзойти.
Легко ль нехоженую тропку
В наш век в поэзии найти?

К принятию закона о запрещении курения

Цари меняются и троны,
Но я с законами в ладу
И все российские законы
С большим почтением блюду.

Не может быть другого мнения!
Решеньем Думы восхищён:
В общественных местах куренья
Не разрешает нам закон!

Закон я свято соблюдаю!
Он принят был не с кондачка!
Но с ощущеньем пребываю
Раздавленного «бычка».

* * *

Русский север! Русский Север!
Здесь селились испокон
На заимках староверы —
Гнали мёд, растили лён.

Рыбу вялили на солнце,
Хоть не сильно и палит.
И всего в одно оконце
Под тесовой крышей скит.

Толстостенные избышки.
Поднимали на столбах
Все припасы, что в кадушках,
Берегли от росомах.

Здесь, где царствует морошка,
И черники здесь в навал,
Ностальгию лишь немножко
По столице испытал.

Здесь туристы собирали
Всё предметы старины.
И одно лишь не забрали —
Вон, седые валуны.

Острова и ели, ели,
Пни, коряги, чешуя.
Вы ещё не захотели
В эти дивные края?

Мне о здешнем пребыванье
В мире дивной красоты
Служит пусть напоминаньем
Тусок из бересты.

* * *

Он не затмил, хотя хотел,
Известных нам светил
И лишь прославился он тем,
Что лихо водку пил.

Всему находится конец.
А жизнь так коротка!
И вот дождался молодец
Последнего глотка.

Сопrotивляться он не стал,
А просто тихо лёг
И душу Боженьке отдал
За сделанный глоток.

После победы

Сестре Лене

Вот бог войны уже притих,
Не слышно больше гула.
А шла война без выходных,
Тем паче без отгулов.

Пока далёкая Москва
Ему салютовала,
Его лихая голова
Пробитая упала.

И Сталин наш народ привёл
К заслуженной победе.
Садись за накрытый стол
Счастливые соседи.

Тащили каждый всё что мог —
Кто водку, кто тушёнку.
И убирали в уголок
От взглядов похоронку.

И каждый выпить был готов
За мирные приметы,
И прятали глаза от вдов,
Уткнувшись в винегреты.

И кто-то стал в дымину пьян,
И закурилась злоба.
И тут сосед принёс баян,
Доставши с гардероба.

И тут пустились люди в пляс,
К дивану стол придвинув.
Играл он польку или вальс —
Или наполовину?

И вдруг поникшая вдова,
Не обретя румянец,
А повея плечом едва,
Одна пустилась в танец.

Баян помалу затихал,
Всё тише и душевней,
А танец был, как ритуал,
Какой-то очень древний.

Времена года

Зима

А мне напомнила вдруг детство
К нам возвращённая зима.
Она — как память, как наследство!
Дворы в сугробах и дома.

И дворник под окном лопатой
Скребёт тротуары — вжик да вжик!
Но только он не русопятый,
А к нам приехавший таджик.

Куда-то спряталось светило,
И вьюга бесится весь день.
Она сугробы покосила.
Застыли с шапкой набекрень.

Весна

Уже чернеет старый снег,
И истоньшился лёд.
И оттого разлива рек
Опять природа ждёт.

Наверно, это просто рок,
И будет так всегда,
И вновь подступит под порог
К нам вешняя вода.

Но снова будет, как всегда:
Тепло своё возьмёт,
И ошалевшая вода
Куда-то утечёт.

И мы покинем тёплый дом.
 Нам комнаты тесны.
 Вот потому прихода ждём
 Мы девицы-весны.

Лето

Как лето прекрасно в июле!
 Какой от цветов аромат!
 И дождик, надевший ходули,
 Шагнул через наш палисад!

И пахнут душистые травы,
 И солнце восходит в зенит.
 Чирикают птички лукаво,
 И ползает жук-паразит.

Земля жарким солнцем согрета
 И зёрна — в объятых плевел.
 И я это жаркое лето
 Вам самозабвенно воспел.

Осень

Хотя о ней мы не мечтали,
 Её прихода не хотим,
 Она минует нас едва ли
 С её убранством золотым.

И, разрывая паутинку,
 Шурша листвой, войдём в лесок,
 Зайдём в заветную лощинку,
 Отыщем крепенький грибок,

Ещё опушкою походим,
 И, уходя, прощаясь с ней,
 Мы взглядом с завистью проводим
 Летящих к югу журавлей.

Случайная попутчица

Пронизана маршрутками
 Огромная страна.
 Попутчиками чуткими
 Ты всё-таки бедна.

А я с весёлой Ксюшей
 Легко проделал путь.
 То я её послушаю,
 То вру чего-нибудь.

Ты служишь в парикмахерской.
 За твой нелёгкий труд,
 Когда исполнен мастерски,
 На чай, глядишь, дадут.

Случайная попутчица,
 Спеши, лови момент:
 Вот в кресле вдруг очутится
 Из сказочки клиент.

Ты сделанной причёскою
 Довольна и горда.
 Любимою расчёскою
 Пройдёшься, как всегда.

Рукой своей прохладною
 По шее проведёшь
 И счастье долгожданное
 Навеки обретёшь.

Прощай, моя попутчица —
 Случайный спутник мой!
 А вдруг ещё получится
 Нам встретиться с тобой.

* * *

А мы лицеев не кончали,
А мы, частенько, – ПТУ.
Качали пресс в спортивном зале,
Играли в «чижик» и в лапту.

И нас Державин не приметил,
Тем паче – не благословил,
А то б иначе строчки эти
Других бы стоили чернил.

И не ходил вдоль наших парт
Глава лицея – Энгельгарт.

Сейчас кругом полно лицеев,
Страну заполнили они,
Но гениев, сказать посмею,
Не видно что-то в наши дни.

Русская интеллигенция

Её гнобили и гноили
И изводили до нуля.
Она бессмертна просто или
Рождает вновь её земля?

А может быть, она как плесень –
Та, что заводится в углах?
Вопрос, конечно, интересен.
Ответ лишь ведает Аллах.

И сколько мы ни пылесосим,
И сколько Vanisha ни лей,
Но остается под вопросом:
Откуда снова взяться ей?

И жду я внятного ответа,
Заканчивая жизни путь.
Мне потому так важно это,
Что к ней причастен я чуть-чуть.

2014

Эпитафия

Позвольте дать совет не новый:
Кто образ жизни вёл здоровый,
Кто избегал красоток страстных
И не курил, что тоже ясно,
Ни разу не ушёл в запой —
Тот тоже обретёт покой
Здесь, где-то рядышком со мной.

Надеюсь, понял мой совет?
Бери от жизни всё!
Привет!

* * *

Гложет горькая обида,
Даже челюсти свело!
Ты куда, моё либидо,
Окончательно ушло?

Покорили мы немало
Вместе девичьих сердец.
...Ничего мне не сказало,
Хлопнув дверью под конец.

Дорогой внучке Кате

Дело было на закате,
Очень солнечный был день!
Обнаружила вдруг Катя
Рядом собственную тень.

Тень то спит с ней на кровати.
То легла у самых ног.
И теперь садится Катя
Вместе с тенью на горшок.

Совершенно сбита с толку
Ошарашенная мать
И не знает, чью же попку
Надо первой вытирать.

Если Кате нужно в садик,
Ждёт там Катю логопед,
Тут же тень за Катей сзади
Отправляется вослед.

Собрались мы для серёжек
Ушки Катеньке проткнуть.
И придётся тени – тоже.
Будет больно, но чуть-чуть.

А сегодня день туманный,
За окошком дождь и грязь.
Нету тени! Очень странно!
Может, в гости подалась?

* * *

Чуть на фигуру Лиссажу
История похожа,
И потому я вам скажу,
Что власть ругать негоже.

Всегда идёт борьба за власть –
Уж такова природа!
И будет власть с прибором класть
На чайня народ.

* * *

Жил у нас в подъезде кот,
Соблюдал всегда dress-code —

Весь был чёрный, даже слишком,
Только белая манишка.

Просто ослепительная!
Для кисок соблазнительная!

Но жильцы по простоте
Плохо понимали —
Бедных кошек в темноте
Веником гоняли.

* * *

Сижу ли я сытый, икая,
Влезаю ли утром в трамвай,
Планшет неизменно включаю,
Где есть вездесущий вай-фай.

И времени эта примета —
Весьма подходящий предлог
«Спасибо» сказать Интернету.
Я жить без него бы не смог!

И если его мне отключат,
Случится такая напасть,
Наверное, было бы лучше
Мне в кому немедленно впасть.

И мне не понять той беседы,
Бросая на прошлое взгляд,
Когда на завалинке деды
Сидели, смоля самосад.

Цигарки мерцали в потёмках,
Как лампочки пульта святась.
Деды рассуждали негромко
О жизни, чуток матерясь.

Мол, засуха нынче такая,
Что может сгореть урожай
И будем, мол, жить, голодая.
А что тут поделывать? Вай-фай!

* * *

Я стал настолько креативен,
Что сам себе уже противен.

Но не иду на компромисс,
Не говорю себе: «Уймись!»

Всё шире, шире интересы!
Пишу рассказы я и пьесы.

Творец — от пяток до макушки —
Пишу похабные частушки.

Имею также в жизни план
Я сочинить большой роман.

Пишу о сём, пишу о том.
Ну, а мемуары — на потом.

Когда уже иссякнут темы,
Что нам подкидывает быт,
И все все вселенские проблемы —
Тут память и заговорит.

* * *

Нет людей в библиотеке,
Клуб пустует на селе.
Где любовные утехы
Вечерком навеселе?

Всё — спасибо Интернету,
Он доступен стал уже!
Ничего прекрасней нету,
Если он — 4G!

И у нас — сигнал неслабый.
Всё нам нынче нипочём.
Не судачат больше бабы
У колодца ни о чём.

И на ферме, на колхозной,
Где по щиколотку порой
Жижи озеро навозной, —
А сигнал здесь неплохой.

Не поёт уже гармошка
За околицей села.
Жалко всё-таки немножко —
Жизнь хорошая была.

И пустует танцплощадка.
В сисадмины всяк полез.
Почему-то мне несладко
Видеть этакий прогресс.

* * *

Поэзия должна быть глуповата...

А.Пушкин

Как известно, от любви глупеют.
 Я не помню, кто это сказал,
 Только сам, когда увлёкся ею,
 На своём примере доказал.

Увлеченье женщиной чревато,
 Уверяю, милые друзья.
 Вижу сам, насколько глуповата
 Стала вдруг поэзия моя.

Так что, дорогие кавалеры,
 Если дамой мы увлечены,
 Всё-таки, считаю, чувство меры
 С вами мы испытывать должны.

Должен я, как это ни печально,
 Но при этом искренне сказать:
 Надо, полагаю, не буквально
 Те слова поэта понимать.

* * *

Странный дух внутри избы —
 Нет, он не зловонный,
 Просто сушатся грибы
 Этого сезона.

Ах, грибочки — добрый знак,
 Если не поганки.
 Только пахнут точно так
 Мокрые портянки.

А зимой или весной
 Мы, дождавшись часа,
 Сварим вкусный суп грибной,
 Обойдись без мяса.

Позовём на суп гостей.
 Коль обед — так званый:
 К супу рюмочку налей,
 Предложи сметаны.

Суп грибной — он чем хорош?
 Верная примета —
 Ложку в рот когда несёшь,
 Вспоминаешь лето.

* * *

Если спросите Пилата:
 «Кем же был Иисус распятый?»,
 То услышать бы пришлось:
 «Да он был колонной пятой —
 Ваш юродивый Христос!»

Понтий дал потомкам знать,
 Как им надо поступать
 С пятою колонною —
 Чтите власть законную!

* * *

Когда мы брали Перекоп
 И шли через Сиваш,
 Мы совершали это, чтоб
 Крым был навеки наш.

Подозреваю я, что Хрущ
 Тогда был пьяным в хлам,
 Когда всё, вплоть до крымских куш,
 Решил отдать хохлам.

Аннексий я не признаю —
 А только абордаж.
 И горд за Родину свою —
 Ведь Крым обратно наш.

В Крыму ещё так много дел:
 Где свет и где вода?
 Я батарейки «дюрасел»
 Решил послать туда.

Пускай не я, а мой двойник,
 Что тоже подавал,
 Хотя бы хитростью проник
 В Массандровский подвал.

И это будет наш оплот.
 Его мы отстоим,
 Хотя потоплен будет флот
 И отдан туркам Крым.

С тем, чтобы вице-адмирал
 Великий Ушаков
 Своих потомков не считал
 За полных дураков.

* * *

В общении, в целом приятный,
Люблю соблюдать этикет.
Но в молодость, жаль, что обратный
Никто не предложит билет.

Её преимуществ исконных
Нам вновь испытать не дано —
Сидеть босиком на газонах,
Прогуливать школу в кино.

Не слушать бабусиных сказок,
Не верить в прекрасную ложь.
Бывало, уставший от ласок,
Под утро счастливым уснёшь.

Вот берег — пока ещё в дымке,
Деталей не видно пока...
Хотя бы «косая» ужимки
Свои придержала слегка.

Новый Год в СИЗО

Вот часы двенадцать бьют!
Всем желаю счастья!
Пусть наручники не трут
Никому запыстья.

И не будут кандалы
Для лодыжек тяжелы.

Передачу раздари,
Поделись с соседом.
Никогда не чифири
Днём, перед обедом.

Я желаю, чтобы шмон
Не нанёс большой урон.

Совершить побег не жди —
Никакого толку.
И не делай на груди
Лишнюю наколку.

В головах на шконку
Приспособь иконку.

Извлеките, кто сидит,
Нужные уроки,
И начальство вам скостит
Вполовину сроки.

Счастья пожелаем
Даже вертухаям.

А придётся до конца
Выпить эту чашу,
То не сетуй на Творца,
Вынося парашу.

2015

Памяти Николая Гумилёва

Нету дома Гумилёва,
В древнем городе Кронштадт —
Негде нам промолвить слова!
Почитатели стоят.

И хотя ты был расстрелян,
В этом — грех большевиков,
Но для нас ты не потерян,
Не потерян для веков.

Чтя великого поэта,
Будут люди приезжать
Разыскать здесь место это,
Чтобы почести воздать.

И тогда пойду я прямо
Через площадь, где собор.
Я войду под своды храма,
Головной стянув убор.

Свечку тонкую поставлю
Многогрешною рукой,
На алтарь свой взор направлю,
Прошепчу: «За упокой!»

Прихожу всё ближе к мыслям
И всё больше верю в них —
Скоро мы тебя причислим
К лику праведных святых!

Ода бахилам

Познакомился я с милой,
Получается — не зря,
Исключительно бахилам
Синим, честно говоря.

Ни о чём не попросила,
Только я надеть помог,
Подыскав сперва, бахилы
Для её изящных ног.

Словно искра пробежала.
Разожгла во мне огонь.
А она же ощущала
Мою жаркую ладонь.

Сдали мы анализ крови,
И мою родную мать
После этого свекровью
Стала вскоре называть.

Я законы уважаю.
И всегда порядки чтил.
В кабинеты, призываю,
Не входите без бахил.

* * *

На Руси мы тары-бары
Очень любим разводиться.
Тут нагрянули татары,
Проявив большую прыть.

И за счёт российской дани
Триста лет почти подряд
Гужевались басурмане —
Так историки твердят.

Предоставим лучше слово,
Дабы снять с себя вину,
Мы сначала Соловьёву,
А потом Карамзину.

Эти признанные доки
Толковали нам не зря:
На Руси извечно склоки
И вера в доброго царя.

* * *

Изучали мы с женой
Весь мой список послужной,
И сказала мне жена,
Списком тем поражена:
«Если б меньше пил слегка,
Спал со мной одною,
Ты б тогда наверняка
Получил героя».

* * *

Завтра праздник всех влюблённых,
Надо будет не забыть
Обо всех любимых жёнах,
В том числе и незаконных,
И живых и погребённых,
О благах приобретённых,
Об уронах понесённых...
В общем, что там говорить.
Надо будет, в самом деле,
Вспомнить тех, что не хотели
Также замуж выходить.

Речь идёт ведь не о жёнах,
А вообще о всех влюблённых.
Ну а им, помимо жён,
Будет имя «легион».

Для меня вы все равны —
От подружек до жены.
Я во всех, помимо жён,
С безграничностью влюблён.

Правда, кое-кто остался,
С кем ещё не целовался.
Но, немного погоди,
Это будет впереди!
И тогда уйду в отрыв —
Если только буду жив.

* * *

Если бы с материков
Расселить всех дураков,
А оставить только умных,
Всех усидчивых, нешумных,
То скажу вам неспроста:
«Дорогие дети, ах, какая скукота
Воцарится в свете!»

Прощёное воскресенье

Сегодня воскресенье!
Сегодня день такой,
Что я хочу прощения
Просить перед тобой.

Хочу просить прощения —
Не надо! Не перечь!
За это упущение —
Количество невстреч!

К встрече однокурсников

Пока что ходим мы сюда
Ещё приличной кучей,
Но, как учили нас тогда, —
Возьмём предельный случай.

И кто-то лишь придёт один
В такое заведение.
Давайте же ему дадим
Такое наставленье:

Вели подать себе сто грамм,
А также винегретик
И обратись душою к нам,
Которых нет на свете.

Пожалуй, можешь заказать
Ещё и чахохбили
И должен тост за нас поднять,
Что жили и любили.

А дети те, что нету тут,
И в этом мы повинны,
Из Силиконовой прищлют
Букетики долины.

Был жив великий наш Союз,
Он был, а не казалось.
А что от этих крепких уз
Теперь уже осталось?

Сюда, к нам в Университет,
Съезжались человеки.
Кого среди студентов нет —
Якуты и узбеки.

Весьма обширный контингент,
И вам ещё открою,
Что был повышенный процент
Лиц с пятою графюю.

Но вот скукожилась страна
Шагреновою кожей.
И наша в этом есть вина,
Как понимаю, тоже.

Но если всех нас посчитать,
То нас не так уж мало.
И предлагаю я поднять
За нас за всех бокалы.

* * *

Над моей дорогой одинокой,
Где всё ближе к краю колея,
Где-то светит звёздочка Востока
С именем прекрасным Шадия.

И теперь из жизни уходящей,
Лишь глаза прикрою, мне всегда
Вспыхивает ярче всё и чаще
Эта негасимая звезда.

Менуэт

Эпоха позднего барокко —
 Пришлось когда-то нам учить, —
 Тогда галантность от порока
 Бывало трудно отличить.

Носили дамы кринолины.
 Корсет подчёркивал их стать.
 Насколько же они невинны,
 Мы можем лишь предполагать.

И господа, и дамы эти,
 Ну, как бы нам спросить у них:
 Сходились только в менуэте
 Иль в ситуациях иных?

Те реверансы и поклоны
 К себе приковывают взгляд.
 А были ль дамы непреклонны,
 О том предания молчат.

И те разученные позы,
 Па, отработанные те.
 И как сдержать непросто слёзы,
 Коль капнет воск на декольте.

Что нам известно? Только крохи
 Про все их тайны и дела.
 И как спросить нам у эпохи,
 Которая давно прошла?

* * *

Я горжусь великою державой,
 Той, в которой все мы рождены,
 И горжусь, конечно же, по праву —
 Малый сын своей большой страны.

Только не бряцанием, заметьте!
 Для меня всё это — звук пустой.
 Имена мне дороги вот эти:
 Пушкин, Менделеев и Толстой.

Всех имён я здесь не перечислю,
 Звёзды разной есть величины,
 Но ко всем я обращаюсь мыслью,
 О величье думая страны.

И не этот грохот барабанный —
 Им я почему-то не горжусь.
 Он не только служит нам обманом,
 А тебя он унижает, Русь.

Много ты страдала и терпела.
 Вынесла всё с горем пополам.
 И твоё истерзанное тело
 Гениев ещё подарит нам.

2016

К годовщине полёта Гагарина

Разрешите молвить слово
С приближеньем важных дат.
Снова гений Королёва
Возвеличить буду рад!

Был, конечно, не бездарен,
Только что увидеть мог,
Облетев весь шар Гагарин
За один всего виток?

Он привёз тогда землянам
Окончательный ответ.
Рассказал всем честно нам он,
Что на небе Бога нет.

Что-то вроде ангелочка
Там, бывало, пролетит,
Наподобие крючочка,
Или так — метеорит.

И тогда решили люди:
Нам на космос наплевать.
Лучше мы друг с другом будем
Долго злобно воевать.

И тогда уж, извините,
Возникает интерес:
Для чего тогда, скажите,
Нам технический прогресс?

Прокрустово ложе

Ложе углое Прокруста!
Надо что-то выбирать:
Что тебе с противным хрустом
Надо будет обрубать?

То ли пятки, то ли бошку?
Весь твой ум заложен в ней!
Так что жаль её немножко —
Только ноги поважней.

Я слышал уже от многих,
Ведь недаром говорят
То, что волка кормят ноги,
А про голову молчат.

Масленица в Веретее

Мы от бабушек слышали
То, как встарь перед постом
Веретейские гуляли –
Только дым стоял столбом!

Возрождение традиций –
Замечательный почин!
Но не с тем, чтобы напиться,
А отведать первый блин!

Блин горячий, маслянистый!
Съешь один, потом второй!
Пусть он будет не с зернистой –
С баклажанною икрой.

Третий съешь, и станет жарко!
Песни слышатся и смех.
Под горячий блин и чарку
Опрокинуть нам не грех.

Раскрасневшиеся дамы
Перед клубом тут как тут,
И частушки, скажем прямо,
Ну, не детские поют.

Парни кучкою в сторонке
Сigaretами дымят.
Веретейские девчонки
Краше всех других девчат.

Мне б с такою прогуляться
За деревню вечерком!
Завтра будем поправляться
Мы, как водится, пивком.

Возрождение традиций –
Замечательный почин!
Шесть недель потом поститься?
Вряд ли сможет хоть один!

* * *

Деньги все хранят в офшоре –
Уверяет Интернет.
У меня же, как на горе,
Почему-то денег нет.

Если мне своей картошки
Хватит до весны дожить,
Я смогу в офшор немножко
Мелких клубней положить.

И хранимая в офшоре –
Шансы очень велики –
Может дать картошка вскоре
Там прекрасные ростки.

Ода дружбе

О дружба! Как всегда, ты дорога!
Ты мне была надёжей, и опорой,
И верною защитой от врага,
И неотложной помощью мне скорой!

Ты подлинна, в отличие от дружков,
Которые при первом же аврале
В ответ на мой довольно громкий зов
Меня трусливо сразу предавали.

Когда сидел на хлебе и воде,
А это, к сожалению, бывало,
Как мне тебя и в горе, и в беде
В такие дни всегда недоставало.

О дружба! Я предать тебя не мог!
Я с юных лет согрет одной тобою.
Что значит – дружба! Плавленый сырок,
Обёрнутый серебряной фольгою.

* * *

Опять идёт похолодание.
Опять черёмуха цветёт.
Должно быть, людям в назидание.
И так бывает каждый год.

Опять идёт похолодание
И дело делает своё.
И, как всегда, опять сознание
Определяет бытиё.

* * *

Кой-кому тирамису
Я с цветочками несу.

А жене домой несу
Упаковку путассу.

Видно всё-таки склероз
Или бес попутал,
И кому, и что я нёс,
Напрочь перепутал.

Но, куда бы ни пришёл,
Знаем мы все трое,
Что живём мы хорошо,
В мире и в покое.

* * *

В этой жизни распроклятой
Я не слишком преуспел.
Мир мой внутренний, богатый,
Как же ты мне надоел.

И живу я хреновато.
Всё по жизни кувырком
С этим внутренним, богатым,
Незадачливым мирком.

* * *

Снится мне седьмые сутки
Тот же сон, довольно жуткий:
Что восстали сразу оба
Сталин с Лениным из гроба.

Что бы на ночь мне принять,
Чтоб спокойней было спать?

* * *

Считаю я, что моложав,
И быть таким стараюсь,
Когда, от боли зубы сжав,
По лестнице взбираюсь.

Но это всё – самообман,
Под внешнею личиной –
Довольно злобный старикан,
Считавшийся мужчиной.

Бурлаки

Через отмели, овраги
Встреч течению реки
Шли бурлацкие ватаги,
Надрывались бурлаки.

Баржи полные тягали
Просмолённой бечевой.
И пузырь опорожняли
Прямо в Волгу мочевой.

Похлебав артельной каши,
Слаще нет для мужичка,
Шли поспать герои наши
После трубки табачка.

Ночевали на рогоже
На песочке, кое-как.
И пугали эти рожки
Подобравшихся собак.

Нынче всё совсем иначе,
Откровенно говоря.
Эти шлюзы, эти дачи,
Рукотворные моря.

Проплывают теплоходы,
Светят бакены в ночи.
И теперь содержат воды
Предостаточно мочи.

Это шутка! Волги воды
Ждут, когда же их спасут.
А пока сюда отходы
Все промышленные льют.

* * *

Нет силёнок! Вот расстройство!
Будем прямо говорить:
Мне б зарядное устройство
Не мешало подключить.

Видно, села батарейка —
Скажем прямо: это зря!
Нет устройства? Так налей-ка
Мне, пожалуй, стопаря.

* * *

Я не сошёл с ума пока
И буду вас просить,
Чтобы анализ ДНК
Скорей осуществить.

И как я и предполагал,
И то, чему я рад,
Анализ точно показал,
Что мне сам чёрт не брат.

* * *

Я живу зажиточно и сыто,
И свою зажиточность ценя.
Даже есть шуруповёрт «Макита»,
Очень дорогуший, у меня.

Это вещь такая, кто не знает,
Как его попросишь: «Помоги!» —
Он всегда мне очень помогает
Руководству вкручивать мозги.

* * *

Раз уже отказывают ноги,
И уже я больше не ходок,
Подводить приходится итоги,
Вспомнить всё, что смог я и не смог.

И среди всех выводов печальных
Выделить приходится один:
Мало в мире женщин идеальных —
Точно так же, впрочем, как мужчин.

Но зато среди прогнозов точных
Есть один. Примерно он таков:
Если б женщин не было порочных,
Вот тоска была б для мужиков.

* * *

Мне сыновья давно уж не звонят,
И не звонят тем более мне внуки.
Я понимаю сам, что виноват,
И совести испытываю муки.

Я мало им вниманья уделял,
И не водил в театры и музеи,
И слишком часто жён своих менял,
О чём теперь немножечко жалею.

Но я надеюсь, что они простят
И сильно упрекать меня не станут.
И, возвратившись с кладбища назад,
Меня прощальной рюмкою помянут.

* * *

О чём вы думаете?

Окошко в фейсбуке

Я давно уж ни о чём не думаю.
Да и что мне думать? На хрена?
Пенсия мала, но с этой суммою,
Может быть, не выгонит жена?

Но о чём же всё-таки я думаю,
Раз ещё работают мозги?
Вспоминаю долгую судьбу мою
И прошу: «Спаси и помоги!»

* * *

Я давно о женской ласке
Настоящей позабыл,
Но вчера я в парикмахерской
Снова ласку ощутил.

Ничего на свете лучше
Ощутить не довелось
Этих нежных женских ручек,
Что стригут под полубокс.

А она в халате белом,
Отстригая прядь волос,
Прижималась крепким телом.
Сердце бедное зашлось.

Эту шустрюю девчонку,
Ощувив такую стать,
Попросил я бородёнку
Покрасивей подравнять.

На прощание сказала:
«Можно наголо постричь» —
Если женской ласки мало.
Заходи мол, старый хрыч!

Монолог низложенного короля

Я уходящая фигура.
И боль сжимает мне виски,
Когда, преодолев натуру,
Схожу я с шахматной доски.

Уже бок о бок с королевой
Не должен оставаться я.
И больше не пойду налево,
Как ходит каждая ладья.

И даже делать мне неловко —
Забиться в угол, семеня, —
Спасительную рокировку,
Когда все бросили меня.

И мне кругом твердят: «Не мешкай!
Покинуть нас скорей изволь!
Не должен оставаться пешкой
Уже низложенный король!»

* * *

Я мог бы слыть аристократом
Преблагороднейших кровей,
Но, к сожаленью, пунктом пятым
Подвёл прадедушка еврей.

Я мог бы жить себе в неведении,
Как граф какой-нибудь живёт.
Но признак вероисповедания
Нас часто в бане выдаёт.

* * *

В том возрасте, когда пороки
Нам о себе не дали знать,
Ах, я бы мог другие строки
Про милых женщин написать.

Теперь же, находясь на склоне
Уже весьма преклонных лет,
Слова другие в лексиконе,
Совсем другой менталитет.

Мне после стольких обстоятельств,
Через которые прошёл,
Уже не надо доказательств,
Как он коварен, женский пол.

* * *

Чем нам дороги грибы?
Пусть они из леса,
Лучше них для голытьбы
Нет деликатеса.

Впрочем, тот же средний класс,
В средствах СМИ воспетый,
Пусть откажется хоть раз
От закуски этой.

Отказаться кто бы мог
Выпить по рюмашке,
Подцепив один грибок,
Взяв кусок черняшки?

Позабудешь о беде,
Коль грибы с картошкой
На большой сковороде
Поворочать ложкой.

Выплывают из трубы
С запахом колечки —
Это сушатся грибы
В неостывшей печке.

Это значит, что зимой
Можно не журиться,
А сварганить суп грибной
Просто научиться.

А придётся голодать,
На таком этапе
Можешь ниточку продать
Господину в шляпе.

Так что, братец, не ленись,
А бери корзину.
К перелесочку пройдишь,
За грибочком наклонись
И кормильцу поклонись,
Не жалея спину.

* * *

Сегодня мне концептуальный
 Приснился на рассвете сон.
 Приснилось, что в меня повально
 Уже влюблён весь женский пол.

Проснулся я в поту холодном,
 Не находя столь нужных слов.
 Ну, если так судьбе угодно,
 Так что же делать? Я готов!

Но как действительность жестока!
 Когда же, наконец, пойму,
 Что я давно по воле рока
 Уже не нужен никому?

Снедаемый тоской вселенской
 Уйду в монахи налегке.
 Тем более, что где-то женский
 Есть монастырь невдалеке.

* * *

Товарищ Сталин генералов
 Всегда не очень обожал.
 Перед войной он их немало
 Успешно поуничтожал.

Но после взятия Рейхстага,
 А может, вследствие сего,
 Но к генералам нашим тяга
 Вдруг проявилась у него.

Давал им званья и машины,
 Настроил трёхэтажных дач,
 Устроил сердцу именины
 Для генералов наш усач.

Потом опять пошли лишенья
 Высоких званий и наград,
 И лишь по недоразуменью
 Кого-то звали на парад.

Вот, будоража память внуков
 О тех далёких временах,
 Наш легендарный маршал Жуков
 Застыл, привстав на стременах.

Ты поступил не так, как надо.
 Хотя теперь другая власть,
 Но, к Спасской башне стоя задом,
 Легко опять в немилость впасть.

* * *

Обожаю в выходной
По Москве гулять с женой.

Ходим, в целом, налегке,
Но от вас не скрою,
Что таскаем в рюкзаке
Кое-что с собою.

Глупо здесь перечислять,
Что с собою надо взять.

В местах общественных вино
Хоть пить и запрещено,
Но для чего тогда оно
Вообще изобретено?

Шуршит опавшая листва
Под нашими ногами.
И также высится Москва
Любимая над нами.

Когда усталые домой
Приходим издалече,
Не давит рюкзачок пустой
Уже на наши плечи.

* * *

Я б обойтись был очень рад
Без разных аллегорий,
На что похож, не знаю, ад,
А рай — на санаторий.

Неважно — в ад попасть иль в рай,
Но важно тем не менее
Попасть, где дармовой Wi-Fi,
Как в метрополитене.

* * *

Раз не сажали многократно
Меня в Бутырскую тюрьму,
Слова, пожалуй что, обратно
Про власть советскую возьму.

И раз не гнали эшелонам
Меня в далёкие края,
И со столыпинским вагоном
Судьба не связана моя,
То что, скажите, обижаться
На власть, раз в жизни так везёт?
Но только мне обидно, братцы,
За измороженный народ.

И горечь я свою, пожалуй,
Сейчас ещё усугблю.
Прошу тебя, народ: «Не балуй!
Хоть сам не суй башку в петлю».

* * *

Задаю себе обидный
Я порой один вопрос:
«Вид имею я солидный —
Значит, что-то не срослось?»

Если верить всем сберкнижкам,
Виден повод для тоски:
Накопления не слишком,
Скажем прямо, велики.

Вызывает удивление,
Даже малость разозля,
Эта сумма накопления —
Где-то около нуля.

Морская дисциплина

Перед тем, как прыгнуть за борт,
Напиши сначала рапорт.

В гальюне — один, в тиши —
Чёткий рапорт напиши.

По начальству передай,
А потом уже сигай.

2017

* * *

Мы отбили все ладони,
Друга милого любя.
Все сто сорок миллионов
В подтанцовке у тебя.

Что тебе, приятель, снится
В рукоплещущей стране?
Может, памятник в столице?
Сам на вздыбленном коне?

Или же на самом деле
Видишь ты в прекрасных снах,
Что ты — статуя в шинели,
При фуражке и усах?

И под грохот барабанов —
Дробь, бросающую в дрожь, —
Ждём, что поздно или рано,
Наконец-то, ты уйдёшь.

И на выжженном том поле,
Что ты нам оставить смог,
Вновь пробьётся поневоле
Демократии росток.

Стойкий оловянный солдатик

Так мечтал солдатик стойкий
Отдохнуть с устатку в койке.

Пусть не дома, на лежанке,
А хотя бы снять портянки.

Но мешал ему дурацкий
Нерушимый долг солдатский.

Верен он присяге данной,
И стоит он, оловянный,

На доверенном посту.
Сразу виден за версту.

Баллада о Ленине, броневике, кепке и котелке к 100-летию Октября

Слышал, Ильич был в котелке,
Когда он на броневике
Стоял, взывал, смущал народ
Посулами, всё звал: «Вперёд!»

Сперва он на броневике
Стоял в добротном котелке,
Прибыв из-за границы.
Попробуй взгромоздиться!

Тут кто-то вдруг сообразил,
Что это буржуазно,
И кепочку ему всучил
Моменту сообразно.

А он твердил, прижав к груди
Простецкую кепчонку,
Что ждёт нас счастье впереди —
Понятно и ребёнку:
«Крестьянам землю отдадим,
А фабрики — рабочим.
Что до царя — что делать с ним,
Решим мы между прочим».

Ну, а внизу шумел народ,
Забитый Николашкой,
И мы ему глядели в рот —
Вождю с простой фуражкой.

Потом «Аврора» залп дала.
Мы помним эту дату!
И буржуазия все дела
Сдала пролетариату!

Потом мы царскую семью
В ипатьевском подвале,
Презрев историю свою,
Бессудно расстреляли.

Потом пытались строить рай
Забывая о народе.
Но, видно, наш родимый край
Для рая мало годен.

Мы пели про свободный труд,
Частенько подневольный,
Но если лозунги цветут,
То, значит, все довольны.

Весёлый смех сквозь горький плач.
Не греет рваный ватник.
А над страной царит усач —
Преемник и соратник.

Потом настал тридцать седьмой.
В стольпинских вагонах
Нас провожал в Сибирь конвой
Для отдыха на зонах.

Росли, росли по всей стране
Заводы, гэсы, домны.
И я, побыв на целине,
Свой вклад оставил скромный.

Все были в нищете равны:
Грузин, казах, татарин.
И — общий сын большой страны —
Прославил нас Гагарин.

Мы верили, что прямиком,
Чтя Ильича харизму,

Вслед за его броневиком
Прибудем к коммунизму.

Но вот прошел известный срок.
Опять буржуи правят.
А значит, снова котелок
На Ленина напялят.

Так ленинская кепка
Нам насолила крепко.

Когда же Ельцин речь держал
На танке возле башни,
Он Ильича изображал
И образ тот всегдашний.

Нам прошлого почти не жаль,
Мы безмятежны ныне.
Но диалектики спираль,
Глядишь, опять спружинит.

Снаряд матросик поднесёт
К открытому затвору.
И вновь услышит наш народ
Молчавшую «Аврору».

О том, что ждёт нас вдалеке,
Мозги себе не парим,
И, может, в битом котелке
На Колыме, на костерке
Опять чифирь заварим.

Я б рассказать вам больше мог.
Сегодня я в ударе.
Вот только жаль, что котелок
Почти уже не варит.

* * *

Забудь о женщинах и пьянке!
Тогда значительный доход
Храненье денежек в Сбербанке
Довольно быстро принесёт.

Забыв свою былую удаль,
Я взялся, наконец, за ум
И в магазине фирмы «Сударь»
Я справил праздничный костюм.

Висит в шкафу костюмчик модный,
Напрасно мнётся. Так что знать,
Поймите, стало мне угодно,
Куда костюмчик надевать?

Листаю книжку записную
Хочу найти себе ответ:
Где взять бы даму молодую,
Которая не скажет «Нет!»?

Но устарел, похоже, список,
И не могу найти ответ.
Почти что нет в нём одалисок,
А больше — дам преклонных лет.

И, просмотрев весь список длинный,
Я стал немножечко угрюм.
Схожу-ка в магазинчик винный,
Надев свой праздничный костюм.

* * *

Как такой мог выйти случай,
Не пойму я, хоть убей!
Олигарху до полочки
Не хватило ста рублей.

Олигарх сидит издёрган,
Одолжаться не горазд.
Неизвестно, даст ли Морган,
И Рокфеллер вряд ли даст.

Мне подобные порядки
Совершенно не понять.
У соседа по площадке
Можно сотенку занять.

* * *

Раньше, чтобы Крым стал наш,
Нужно было лезть в Сиваш.

Потому что Перекоп
Не возьмёшь атакой в лоб.

А теперь всё будет просто:
Можно не мочить портков,
А поехать в Крым по мосту
Хоть на несколько днейков.

Можно съездить на Ай-Петри
Оглядеть морскую гладь.
При попутном тёплом ветре
На баркасе пробежать.

Взгромоздиться в кои веки
На Никитский перевал.
Съесть такие чебуреки,
Что вкуснее не едал!

Только вечная болячка —
Захватив офицерню,
Им устроила Землячка
Здесь кровавую резню.

Но не будем будоражить
Историческую память.

Вырастает мост-красавец
И в длину, и в высоту.
Если он кому не нравится,
Провокацией сочту.

Сколько денежек украли,
Знает только Ротенберг.
Но, когда ему сказали,
Клевету он опроверг.

Только что мы всё о мосте?
Надо совесть же иметь!
Съезжу в Крым я, чтобы кости
Там на солнышке погреть.

* * *

Позволь мне дать тебе совет:
 Свой завтрак скушай сам,
 Потом ты раздели обед
 В кругу друзей и дам.

И напоследок дать могу
 Совет ещё один:
 Свой ужин ты отдай врагу
 И всыпь туда стрихнин.

* * *

Как-то раз случайный встречный
 «Фе!» решил сказать царю.
 Царь расстроился, конечно,
 Но сказал: «Благодарю
 Вас за это замечание.
 Только всё-таки я — царь!
 У меня величья мания,
 И, когда любая тварь,
 Нарушая все приличия,
 Может «фе» царю сказать,
 Будет манию величия
 Он тем самым разрушать.
 И на этом основании
 Я решил издать указ:
 Кто снаружи или в здании
 На пуги стоит у нас,
 Если царь пешком в уборную,
 Как положено, идёт,
 Я велю своим придворным:
 Вызывайте вертолет.
 И в течение полёта
 Всем стоять, закрывши рот,
 А не то вам с неба что-то
 Вдруг случайно упадёт».

А прохожий задаётся
 Вновь вопросом каждый раз:
 Ну, когда ж она привьётся,
 Демократия у нас?

* * *

Кто прожил жизнь холостяком,
Кому семья — обуза,
Того сравню с грузовиком,
Идущим порожняком,
Не захватившим груза.

Зачем напрасно жжёшь бензин,
Изнашиваешь шины?
Естественнее для мужчин
Иметь жену и сына.

А если есть ещё и дочь
По божьему велению,
То, значит, ты сумел помочь
Народонаселению.

Но как приятно без забот
Жить жизнью холостячкой!
Другой пусть кто-нибудь идёт
С женою и с коляской.

И слышать каждодневный рёв
И грохот погремушки,
И думать: «Вдруг он нездоров?
Животик или ушки?»

Но только в случае беды,
Болезни, при недуге
Кто принесёт тебе воды
Без преданной подруги?

Прошу учесть судьбу мою,
Не слушать эти враки.
Поскольку сам я состою
Уже в четвёртом браке.

* * *

Хоть и дождик проливной,
Ради интереса
Задержался в выходной
У киоска «Пресса».

Рассмотрев обложки, взял
Самый глянцевый журнал.

Чем журнальчик интересен?
Очень много светских сплетен!
Всё узнал про высший свет —
Кто развёлся, а кто нет.

И пока в деревне чах ты,
Кто-то сигал в море с яхты.
И с красоткою в бикини
На Мальдивах пил «Мартини».

Я прийти домой спешу,
Обругав погоду,
На журнале потрошу
Жирную селёдку.

Разложить пришлось молоки
Меж красавиц волооких.

Пригодился мне журнал
Глянцевый сегодняшний.
Я из шкафчика достал
Бабушкин селёдочник.

Накрошу теперь лучка
И налью-ка маслица!
А картошечка пока
На конфорке варится.

У кого какой доход,
Не нужны мне знания.
Брошу в мусоропровод
Данное издание.

* * *

Раз нету прока от жены,
То вот вам и ответ:
Такие жёны не нужны
Мужьям сто тысяч лет!

Жена, напрямую не виня,
Мне сделала намёк:
Что нету прока от меня,
Хотя бы — шерсти клочок!

* * *

Надо бы предусмотреть
 Вариант возможный -
 Мне собрать и запереть
 Чемодан тревожный.

Положить туда белья,
 Хорошо б с начёсом -
 Мало тёплого жилья
 Ближе к эскимосам.

Не узнаешь наперёд,
 Даже и отчасти,
 Что там в голову взбрѣдѣт
 Нашей доброй власти.

Что нам в жизни предстоит,
 Не узнать, похоже!
 Чемоданчик пусть стоит
 У меня в прихожей.

О криптовалюте, биткоинах и др.

Мы жили в мире чистогана,
 Но Бог ещё нас наказал
 И, по имеющимся данным,
 Криптовалюту нам послал.

Криптовалюта — это круто!
 О ней так много говорят!
 Где б мне достать криптовалюты?
 В каком чулке её хранят?

Я б разложил её на кучки,
 Преодолев родную лень,
 Чтобы хватило до получки,
 И отложил на чёрный день.

Недаром президент желает
 Нам позабыть скорей про нал.
 Похоже, в сейфы не влезает
 Нажитый честно капитал.

И Улюкаева мильтоны
 Не доставляли б нынче в суд —
 С криптовалютою мильоны
 В тяжѣлых сумках не несут.

Криптовалюту не пометить
 Незримой краской — так что вор
 Вполне сумеет не ответить
 За то, что у кого-то спѣр.

Вчера сказал мне жалкий нищий,
 Продрогший, стоя на ветру:
 «Не надо мне хоть даже тыщи!
 Криптовалюты не беру!»

Путь нищий будет недоволен.
Хотя я очень дорожу,
Ему последний свой биткоин
В ладонь со вздохом положу.

Купи себе стакан портвейна
И выпей, поминая мать.
А я методику блокчейна
Пока что буду изучать.

* * *

Выбирать умеет цели
Очень правильно Зураб.
Выбирает Церетели
Очень правильно масштаб.

На 180 румбов
Курс сменил. И вот «Ура!»:
Делал памятник Колумбу –
Вышла статуя Петра.

Поступайте, люди, смело!
Всё пойдёт тогда на лад!
Полагали – каравелла,
Оказалось, что фрегат.

Пошумел наш пипл и схавал,
О всеядный мой народ!
А Зурабу снова слава,
Куча денег и почёт.

Моему айпаду

Пусть за окном то дождь, то град,
Пусть то жара, то вьюга,
Но заменяет мой айпад
Мне и жену, и друга.

С ним ходим в душ, едим и пьём,
И даже я не скрою,
С ним спим в обнимочку вдвоём —
Живём одной семьёю!

Моя модель, мне говорят,
Давно уж устарела.
Пускай берут слова назад!
Кому какое дело?

Я потерял тебя! Прости!
И я совсем не верю,
Что я смогу перенести
Ужасную потерю.

* * *

Вот вы тут, «секьюрити»,
У подъезда курите —
А тем временем ИГИЛ,
Может, бомбу заложил?

А когда она рванёт,
С воплями и криками
Побежит вокруг народ,
Вот тогда уликами
И займётся комитет
Дорогой наш следственный
И виновника найдёт,
Скажет: «Непосредственный!»

А потом нам долго врут
Дикторы из ящика,
Что когда-нибудь найдут
Так же и заказчика.

К 100-летию А. Солженицына

Светятся по-прежнему огнями
И растут всё выше этажи.
И опять беда всё та же с нами —
Жить не научились не по лжи.

Даже в редкий час исповедальный,
В час, когда нас совесть сторожит,
В час причастья, светлый, предпасхальный,
Всё не отрешимся ото лжи.

Самому себе я почему-то
Постоянно изощрённо вру
И всё жду последнюю минуту:
Вот скажу всю правду — и умру!

2018

* * *

Мы — люди традиционные,
Простой советский сброд.
И в списки санкционные
Никто нас не внесёт.

Раз не попали в списочки,
То можно вечерком
Поесть с женой сосисочки
С горошком и пивком.

Советская эпоха!
Когда взгляну назад,
Не всё так было плохо,
Как часто нам твердят.

И как её «проклятой»
Эпохой называть,
Когда перед зарплатой,
Бутылки можно сдать?

* * *

Раньше жили без фейсбука!
Как могли так раньше жить?
На фейсбук теперь без стука
Можем смело заходить.

Я живу теперь вольготно.
Ни к кому я не стучусь,
Подноготною охотно
С незнакомцами делюсь.

Целовать себе позволю
Всех знакомых и родных
Так, что запах алкоголя
Не доносится до них.

* * *

Чем меньше есть своих зубов,
Тем меньше ты рассчитывай
На бескорыстную любовь —
Пожалуйста, учитывай.

И то, что ждёт нас впереди,
Прими за аксиому.
И с юных лет всегда ходи,
Чуть что, к врачу зубному.

* * *

Слышал я, что Наполеон
Спал, не снимая панталон.

Он гений был и, кроме,
Жил, время экономя.

Но, как и каждый человек,
И он не чужд был лени.
Когда заканчивал свой век
Он на Святой Елене,
Стоял в походном сюртуке
Над гладью океана,
И билась жилка на виске
Былого великана.

Он думал: «Всякая чужда
Давно уже интрига.
Зачем спешил я так всегда,
Несчастный торопыга?»

* * *

Люблю я кофе растворимый,
Ему оказываю честь,
Поскольку плюс неоспоримый
У этого напитка есть.

Конечно, не такой пахучий,
Как натуральный кофеёк,
Но пригодится он на случай,
Когда вас поджигает срок.

Когда вам надо торопиться
И мчаться, не жалея ног,
В воде горячей растворится
Мгновенно этот порошок.

Включать не надо кофемолку,
За электричество платить,
Когда гораздо больше толку
Ты можешь быстро получить.

Могу вам дать ещё вдогонку
Доброжелательный совет:
Добавьте к кофею сгущёнку,
Коль молока и сливок нет.

Кладите сахару по вкусу,
Не больше, чем два-три куска.
А можно к названному плюсу
Добавить малость коньяка.

Но только не переборщите,
Когда садитесь кофе пить,
А то, боюсь, не захотите
Из дома нынче выходить.

* * *

По каналам федеральным
Я прошелся, словно лось.
К сожалению, с Навальным
Пообщаться не пришлось.

Дорогой товарищ Лёша,
Вот такой у нас дурдом!
Обличитель ты хороший,
Но, к несчастью, под судом.

Но надеются в народе,
Что лишь только до поры
Погуляют на свободе
Настоящие воры.

* * *

Вижу: барышни и тётки.
Ну, куда не бросишь взгляд,
Носят чёрные колготки.
Прямо скажем, все подряд.

Удивительно мне даже:
Это сколько же должны
Изготовить чёрной пряжи
Нам в масштабах всей страны?

Но вообще-то понимаю,
У меня орлиный глаз,
Что промышленность Китая
Выручает в этом нас.

Так что возят нам колготки
Из-за тысячи морей.
Простирнувши, их красотки
Сушат возле батарей.

Кириллу и Мефодию

Очень чтят у нас в народе,
Что когда-то брат Кирилл
Равно, как и брат Мефодий,
Нас каракулям учил.

Да, давненько это было!
Больше тыщи лет назад.
Братья письменность внедрили
Нам, славянам, всем подряд.

При тогдашнем изобилье
Дров решили братья те —
Наших предков научили
Текст писать на бересте.

Но потом, когда деревьев
Стало меньше, как и дров,
Слышим скрип гусиных перьев
Через толщу всех веков.

Развивался дальше рынок
И товаров, и услуг.
Слышим пишущих машинок
Равномерный громкий стук.

А теперь, глядите, принтер
На столе моём стоит.
Вот прогресс какой, прикиньте!
Лишь листами шелестит.

И теперь могу признаться,
Каждый день страниц по пять,
А не то и по пятнадцать,
Я строчу! А вам — читать.

Писанины, вон, в излишке!
Килограмм на двадцать пять!
Эх, напрасно вы, братишки,
Научили нас писать.

Оставаясь в том же русле,
Наш неграмотный народ
Пил бы, пел, играл на гусях.
Правда, он и нынче пьёт.

О дроне

Смотрят люди из окон.
Видят — в небе реет дрон,
Привлекая всех ворон.
Что же получается?
Получается, что дрон
Презавидным женихом
У ворон считается.

Дело в том, что испокон
Для невест, а позже жён
Результат желаемый:
Был бы муж, как этот дрон,
Ею управляемый.

* * *

Снова нефть подешевела.
Это значит, мы один
Можем вывод сделать смело:
Взмоют цены на бензин.

А ещё американцы
— Хитрованы, что с них взять, —
Научились газ из сланцев
Как-то ловко добывать.

Улыбаемся натужно.
Нам урвать бы шерсти клок —
То надемся на Южный,
То на Северный поток.

Повторяю раз за разом
Мы, дай бог, не прогорим,
Лучше нам ходить «под газом»,
Чем трястись всю жизнь над ним.

РАССКАЗЫ

В раннем детстве

Мама любила рассказывать случай, который произошёл, когда мы ещё жили до войны в Ленинграде и мне было года два. Зима, мама ведёт меня по улице, сильно закутанного, за ручку. Останавливается какая-то согбенная бабуся, пристально рассматривает меня и спрашивает: «Это кто-же, мальчик или девочка?» Мама, немного обиженная, с гордостью отвечает: «Мальчик!» И тут бабуся неожиданно начинает причитать: «И миленький, и несчастенький...». Мама страшно оскорбляется и говорит: «Это почему же несчастенький?» Бабушка отвечает: «Алименты замучают!»

Как в воду глядела, старая.

Посадка деревьев в МГУ

Когда мы учились на первом курсе физфака МГУ, нас однажды послали сажать парк за нынешним метро «Университет». Тогда, в 1956-м, этой станции ещё не было. Задача была весьма простая: надо было выкопать ямку, посадить саженец, рядом вбить грубо обтёсанный кол, привязать саженец к колу пеньковой верёвочкой и полить водой. Мы справились с этим достаточно быстро и отправились по домам. Через год мне почему-то стало интересно посмотреть, как там наши посадки. Приехав, я обнаружил, что все саженцы засохли, а все кольца дали ростки с листочками. На ум пришли разные народные мудрости типа: «Не знаешь, где найдёшь, где потеряешь» С тех пор я всегда, задумав какое-нибудь начинание, мучаюсь: что-то из этого вырастет?

Впрочем, жизнь мало чему меня учит.

Как я не стал великим русским писателем

В молодости я хотел стать писателем — конечно, лучше знаменитым. И я знал, что знаменитые писатели обязательно ведут записные книжки, куда заносят короткие зарисовки и отдельные мысли. К этому времени я прочёл записные книжки Чехова и Ильфа. Осталось завести свою книжку. Наиболее подходящими для этой цели были блокнотики карманного формата в клеёнчатой обложке с одной скрепкой. И вот я купил такой блокнотик и носил его всегда с собой во внутреннем кармане куртки или пальто. И даже начал заносить туда отдельные мысли, заполнив несколько страничек. Но тут произошёл такой печальный случай. У меня ужасно прихватило живот. Это стало со мной случаться после целины, когда я испортил желудок местной пищей. И произошло это на станции «Химки» Октябрьской железной дороги. Естественно, я отправился в станционный туалет. Туалет был устроен так, что имелись кабинки с «очком», притом стенки кабинок были в половину человеческого роста. Таким образом, заняв позицию «орлом», ты видел головы соседей слева и справа.

Когда я избавился от страданий, мне, естественно, понадобилась бумажка, и мне ничего не оставалось, как достать сокровенный блокнот и вырвать из середины пару чистых листочков. Но тут из кабинки слева ко мне обратился мужичок: «Брат, бумажки не дашь?» Я, естественно, вырвал и для него. Тут потянулась рука справа с той же просьбой, и я опять пошёл навстречу, хотя стал понимать, что неисписанные листки скоро кончатся. Тут же последовали просьбы и из более дальних кабинок. Что делать? Я встал перед выбором: что мне дороже — люди, народ, для которых пишут великие писатели, или свои замечательные мысли. И я выбрал народ. И через минуту я держал в руках клеёнчатую обложку с разогнутой скрепкой посередине. Ничего не оставалось, как спустить эту обложку в «очко».

Больше почему-то я не заводил записных книжек и, видимо, поэтому не стал великим русским писателем.

Мой Серебряный Бор

В Серебряном Бору мы поселились с женой и двухлетним сыном Алёшей в 1965 или 1966 году. Мы снимали полдомика в кооперативе старых большевиков у семьи Николая Подвойского. Как известно, Подвойский — один из очень немногих представителей «ленинской гвардии», умерший в своей постели в 1948 году. Кооператив старых большевиков был организован в 1924-м на месте сожжённого крестьянами во время революции имения. Мне всегда казалось симптоматичной эта дата — не успел Ленин помереть, и тут же соратнички создали кооператив. Правильно писал философ Эрнест Радлов ещё в 1912 г. о том, что построить общество на коммунистических началах нельзя. На месте барского дома построили большой двухэтажный дом типа «вороньей слободки», а в уцелевшем домике садовника поселились две семьи, одна из которых и была семьёй Подвойского. Жизнь этого кооператива частично описана в романе Ю. Трифонова «Старик». Я застал в живых двух дочерей Подвойского — типичных белотелых поповен. Ведь Подвойский родился в семье сельского священника-учителя и учился в духовном училище, затем в духовной семинарии. Одна из дочерей была замужем за Андреем Яковлевичем Свердловым, в те годы сотрудником Института Маркса-Энгельса, а до дела Берии — следователем по особо важным делам МГБ. После ареста Берии А. Свердлова тоже посадили, но через полгода выпустили. После отсидки в этой семье появился ещё сын, естественно, Яша, который был лет на 15 младше своей сестры. Наблюдать эту семейку было очень интересно.

Кооператив был обнесён зелёным забором, а внутри поделён какими-то заборчиками на участки странной формы и непонятных размеров. К нашему домику прилегал самый большой участок — соток, наверное, в десять. Изначально внутренних заборчиков не было, но оказалось,

что Н. Подвойский, кроме всех прочих дарований, ещё был и нудистом. Когда он вылезал из малинника в чём мать родила, большевички разбегались с визгом, готовые к мировой революции, но не к такому зрелищу. И поставили вопрос на собрании кооператива. Тогда Н. Подвойский взял да и огородил большой участок, прилегающий к его домику, и стал ходить голым по этому участку. Этот поступок окончательно возмутил кооператоров, и общее собрание потребовало от Подвойского снести забор. Но заставить его не смогли. Всё-таки он был среди них самой крупной фигурой. Как гласят энциклопедии — «одним из организаторов Октябрьской революции, членом Военно-революционного комитета, его бюро и оперативной тройки по руководству Октябрьским вооружённым восстанием, а в дни восстания — зампреда военно-революционного комитета и одним из руководителей штурма Зимнего дворца». И тогда остальные бросились устанавливать свои заборчики на еще не поделённой земле. Кому досталась грядка, кому полклубы — отсюда и странные формы участков. Но некоторые пункты Устава кооператива семья Подвойского соблюдала свято. Согласно Уставу, сдавать помещение посторонним лицам — таким, как я, — было запрещено. Но было одно исключение. В домике садовника находился водомер, который измерял расход всей воды, использованной кооперативом. В силу этого исключения на зимний период семье Подвойского разрешалось пускать посторонних, но бесплатно, за одну только оплату коммунальных услуг. Такие расходы я мог себе позволить, даже будучи младшим научным сотрудником.

Жизнь в Серебряном Бору не в дачный сезон была сущим раем: дом с котельным отоплением, холодильник, газовая плита, телефон, сад. О чём ещё можно мечтать? На работу я ездил на троллейбусе № 20, который и сейчас ходит от «круга» в Серебряном Бору до гостиницы «Националь». Единственное — троллейбус шёл около часа. Зимой, бывало, промёрзнешь, и мама, пожалев меня, купила мне шофёрский полушубок на белой овчине с брезентовым покрытием.

Всё давно уже кануло, описанные люди давно умерли, строй сменился, а этот полшубок, весьма сильно потрёпанный, до сих пор живёт в моём деревенском доме. Порой думается, что пора от него избавиться, но он — моя память о Серебряном Боре.

Большой концертный рояль Мясковского

Хирург, который заменял мне оба тазобедренных сустава, говорил: «Первопричиной вашего заболевания служит позвоночник. Все беды от него». И я стал задумываться: с чего же всё началось? Конечно, работа у меня сидячая, но у большинства моих сослуживцев и друзей она тоже сидячая, однако они так не страдают! Перебирая события молодости, я вспомнил, что впервые радикулит прихватил меня после байдарочного похода. Действительно, когда проводишь байдарку на перекатах, долго находишься в холодной воде в согнутом состоянии. Но ведь не я же один! Роясь дальше в памяти, я вспомнил такой случай. Когда мне было лет тридцать, я ещё с двумя приятелями проводил майские праздники на Николиной горе, на даче, которую снимали родители моей жены. Кроме нас, на даче в то время никто не жил. Развлечений, кроме выпивки, было мало, и мы додумались до следующего. На даче стоял большой концертный рояль, по преданию, принадлежавший знаменитому композитору Николаю Яковлевичу Мясковскому. Не исключено, что за этим роялем он сочинил свою бессмертную 6-ю симфонию. И вот мы придумали соревнование: кто подлезет под рояль и постарается, упёршись ногами в пол, а «горбушкой» — в дно рояля, оторвать все три ножки от пола. Про «поднять» — не могло быть и речи. Но и эта задача была непростая. Не знаю, сколько весит такой рояль, но немало, раз его перекачивают по сцене два человека. Трудность задачи — оторвать от

пола — в том, что очень непросто «поймать» центр тяжести и одновременно приподнять все три ножки. Интересно, кто придумал это ласковое слово «ножки», учитывая их толщину. Так же ласково говорят пациенту «ножки» врачи, какие бы опухшими ноги ни были. Победивший в соревновании получал в награду четвертинку, которую, конечно, распивали все трое, и продолжали дружно соревноваться. Вот здоровье было немереное! Сейчас страшно подумать!

Не тогда ли я и повредил спину?

4 фунта лиха

С конца 60-х годов мы часто ездили отдыхать на Валдай, в деревушку с замечательным названием Нелюшка. Что это название означает, так нам и не удалось узнать. Нелюшка стоит на высоком месте и окружена тремя озёрами. С неё открывается прекрасный вид на озеро Ужин, соединённое с Валдайским озером протокой, которую прорыли монахи в незапамятные времена. Колхоз, в который входила Нелюшка, был льноводческим, притом колхозом-миллионером, хотя на благосостоянии жителей это никак не сказывалось. Мы заставали время, когда лён цвёл красивыми голубыми цветочками. Первая жительница, с которой мы познакомились, звалась Наталья Ивановна, оставшаяся у нас в воспоминаниях как «бабка-Наташка». Сколько ей было в то время лет, сказать не могу, но зимой 41-42 гг. была она кормящей матерью-одиночкой. Женщин гоняли по разнарядке на лесоповал, и выпало ей работать за 50 км. Каждую ночь она добиралась на попутках покормить грудью сына и сцедить молоко на дневное кормление, а к утру снова попевала на работу. А за опоздание в военное время давали срок. Картина, видимо, для войны типичная, если вспомнить знаменитую повесть и фильм «А зори здесь тихие». Всего у бабки-Наташки было трое детей. Старшая жила в Таллине, Миша, ради которого

она моталась с лесоповала, жил где-то в соседнем районе. Младшая дочь Катя жила с мужем и детьми на другом конце Нелюшки. Все рассказы бабки-Наташки о колхозном житье и как ей удалось поднять троих детей, достойны всей «деревенской прозы», включая «Матрёнин двор» Солженицына. Эти рассказы я мог слушать часами. Бабка-Наташка рассказывала, что горела дотла 3 раза. Единственным неподвластным огню предметом прежнего быта всякий раз оказывался коромысловый безмен. Порывшись в золе и пепле, бабка-Наташка трижды находила его в целости и сохранности. Я давно, ещё в первый раз, когда мы покупали у бабки-Наташки творог, заметил, что на коромысловом безмене всего четыре фунтовые насечки, и спросил её — почему, мол, так? «И-и, миленький! Муж-то мой сидел в воскресенье 22 июня 41-го года на крыльце и ладил безмен. Как он четвертую насечку сделал, прискакал верховой из центральной усадьбы и вручил мужу повестку. Отложил муж безмен, встал, собрала я его, и ушёл он в военкомат. А больше - только похоронка».

Летом 2018 г. я, находясь на экскурсии в г. Валдай, взял такси и съездил в Нелюшку. И проехал её из конца в конец. К моему счастью, в деревне мало что изменилось. Коттеджи не исказили общего пейзажа.

Но дома бабки-Наташки я не нашёл. Бурьян.

Соловки

Мы попали на Соловки в 60-е годы. Музей и турбаза были только что организованы. Перед этим в монастыре размещалась воинская часть и туристов возил на острова с материка военный катер. Говорили, что во времена, когда на островах находился СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения, — настенные росписи в монастыре сохранялись, а когда отдали все помещения военным, они первым делом побелили все стены. Мы жили в монастырских кельях, путешествовали

по окрестностям. «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына ещё не читали, поскольку он ещё не был написан, но видели кирпичные здания с сорванными с петель дверями. Хорошо сохранились только решётки на окнах. Местный народ занимался в основном добычей агар-агара — водорослей, из которых делают мармелад, пастилу и другие вкусные вещи. Ещё нас очень интересовала знаменитая соловецкая селёдка, о которой мы много слышали и которую, конечно, хотели отведать. Никто из нас соловецкой селёдки не пробовал, считалось, что довести её до Москвы невозможно — испортится. Как уж её доставляли к царскому столу, не знаю. Решено было откомандировать меня, как человека, любящего «работать с народом». Я постучался в одну из изб и, получив разрешение, вошёл. Очки с улицы сразу в тепле избы запотели, я, толком их не протерев, поздоровавшись с хозяевами, сказал: «Хозяева, как насчёт селёдки?» — «Сколько тебе?» В моём представлении соловецкая селёдка была очень больших размеров, благодаря своей знаменитости, и я сказал: «Штуки две». — «Две штуки, — разочарованно сказал хозяин. — Может, возьмешь хоть два килограмма?» Я радостно согласился. Знаменитая соловецкая селёдка оказалась размером чуть больше крупной салаки. Так же примерно мы бываем разочарованы, когда видим вблизи знаменитого человека, а он оказывается маленького роста. Большую часть купленной селёдки — нежнейшего вкуса — мы благополучно съели под водку, а часть пытались довести до Москвы. Но народ, как всегда, прав — пришлось выбросить.

В качестве одного из главных экспонатов посреди монастыря на небольшой высоте был подвешен на перекладине колокол, подаренный Иваном Грозным монастырю в честь того, что монахи отбили нашествие шведов. Около колокола сидела, как водится, старушка-смотрительница и даже разрешала легонько брякнуть языком колокола о край, отчего шёл очень низкий и приятный гул. Так вот, однажды утром вся турбаза была разбужена необычайно громким колокольным звоном, наполнявшим весь монастырь и округу. Мы бросились к узким окнам и увидели,

что вокруг колокола стоит толпа людей с блаженными лицами и они по очереди со всей силы бьют в колокол. Старушка бегает вокруг, кудахчет, а сделать ничего не может. Я наскоро зашнуровал кеды и помчался во двор, чтобы понять, в чём дело. Оказалось, что из Архангельска приехала группа глухонемых, и они обнаружили, что удары колокола через пятки доходят до их чувств — то есть они впервые в жизни почувствовали звуковую связь с внешним миром.

Пока все не назвонились, они не успокоились.

Картина «Макаров и Попов»

В нашем институте в конференц-зале висит картина, на которой изображено, как изобретатель радио А.С. Попов показывает адмиралу Макарову действие изобретённого им аппарата. Я смотрю на эту картину уже скоро 50 лет. В целом всё понятно. Наш институт — радиотехники и электроники, и такой картине именно здесь место. Понятно так же, почему Попов показывает своё изобретение Макарову. Радио как новый вид связи больше всего было нужно морякам. На суше вполне можно обойтись проволочным телеграфом. Совершенно ясно и то, что для развития работ нужны денежные средства. Их-то и надеется Попов получить у адмирала Макарова. Поэтому, пользуясь современным языком, я называю эту картину: «Попов испрашивает целевое финансирование у военно-промышленного комплекса». Так я смотрел на эту картину много лет, и мне всё было ясно до тех пор, пока я не прочёл книгу А. Солженицына «В круге первом». В этой книге, как вы, может быть, помните, описывается, что в «шарашке», где происходит действие, среди прочих «сидит» художник. И сказано, что он пишет названную выше картину. У меня сразу возник вопрос: как эта картина

попала в наш институт? Я построил для себя такую логическую цепочку: наш институт был создан в 1955 г. как раз в то время, когда началась амнистия, стали выпускать политзаключённых, шарашки стали закрывать, и, естественно, что оставшиеся без работы начальники режима, начальники отделов кадров и как они там ещё назывались искали себе работу. Было известно, что начальник нашего отдела кадров Геннадий Михайлович как раз пришёл из лагерной системы. Кстати, человек он был неплохой, но он был твёрдо уверен, что приходить на работу всем научным сотрудникам надо ровно к 10-00. Вылавливая опоздавших, он стоял около проходной, ревностно следил за приходящими, и не дай бог было опоздать. Сейчас, когда научные сотрудники приходят и уходят, когда им заблагорассудится, странно вспоминать те времена. Так что я решил, что кто-нибудь из режимщиков, уйдя со старой работы, прихватил на память названную картину. Надо бы мне было расспросить кого-нибудь из ветеранов института, но я по молодости стеснялся, а когда набрался смелости, и спросить-то стало некого. Вся ситуация усложнилась, когда я узнал, что наш директор, академик В.А. Котельников, тоже работал в той же шарашке. То есть в системе МГБ, подведомственной Берии, и Берия хотел, чтобы и после закрытия шарашки Котельников продолжал работать в его системе. Котельников же хотел уйти от этих дел, он, можно сказать, вырос как учёный в МЭИ и поэтому обратился за помощью к ректору МЭИ Голубцовой, очень энергичной и авторитетной даме, которая к тому же была женой Г.М. Маленкова. В результате Котельников пришёл в наш институт сначала заместителем директора — А.И. Берга, — а затем сам стал директором. Неужели Котельников принёс с собой картину или привёл с собой того режимщика?

Когда преемник В.А. Котельникова на посту директора, академик Юрий Васильевич Гуляев, услышал этот рассказ, он подтвердил, что В.А. ему рассказывал, это — его рук дело!

Самогоноварение

Опыт с самогоноварением начался у меня с того, что муж моей первой жены Алексей Акимов подарил мне стеклянный самогонный аппарат. Кто не знает, самогонный аппарат состоит из двух основных предметов — колбы литра на 3, куда наливается брага, и рефрижератора — трубки, в которую встроены змеевик. В саму же трубку подается через шланг от клизмы холодная вода из крана и сливается в раковину. Колба ставится на газовую конфорку, пускается вода, и на малом газу начинается подогрев. Через некоторое время брага начинает булькать, и вскорости начинает капать вождеденная жидкость. Пробуй! Это самая приятная часть процесса. А для получения браги надо взять 3 кг сахарного песка и три палочки дрожжей, залить водой в 10-литровую бутылку и перемешать. Бутылку надо поставить в тёплое место, и через несколько дней брага готова.

Мы в те годы жили на Преображенке в кооперативной однокомнатной квартире, и у нас был маленький сын. Процессом перегонки я обычно занимался вечером, сын и жена уже спали. Я усаживался на кухне, ставил колбу на конфорку, подставлял под капающий самогон бутылку и занимался «умственным трудом» — писал кандидатскую диссертацию. Приятным было сознание, что, даже если ничего не напишешь, нужная жидкость накапает. Правда, имелись две трудности: в процессе получения браги распространялся характерный запах, да и во время перегонки запах был весьма характерный, который чувствовался и на лестничной площадке. Могли настучать. Вторая трудность состояла в том, что не было воспроизводимости — вроде всё делаешь одинаково, пропорцию и режим выдерживаешь, а получается то божественная влага, а то — «пить нельзя». Жена высказывала недовольство. В те годы мужчины всё мерили на бутылки, а женщины — на колготки. И мой основной аргумент состоял в том, сколько ты сможешь купить пар колготок, если мы для приёма гостей не будем покупать водки, а угостим самогоном. Жена вняла этому аргументу, но сказала: «Ты что-то

делаешь не так! Дай-ка, я займусь этим сама!» Надо сказать, что у неё имелись «технические» наклонности, она занималась фотографией — всякие там проявители-закрепители. Отстранила меня от процесса, и воспроизводимость значительно повысилась. Жена даже дошла до того, что, начав процесс перегонки, уезжала в свой техникум преподавать, и, когда через положенное время возвращалась, бутылка была уже почти полной. Так дело и шло, в семье царил мир и согласие, укрепленные новыми парами колготок. Всё было хорошо до одного дня, когда её попросили заменить заболевшего преподавателя. У преподавателей замена — дело святое: сегодня ты, а завтра тебя. Не могла же она сказать: «Извините, у меня перегоняется самогон». Одним словом, она вернулась домой на два часа позже и вовремя: по линолеумному полу кухни уже побежали голубоватые огоньки. Это самогон переполнил бутылку и вспыхнул от конфорки (надо сказать, что сначала идёт самогон градусов в 60). В общем, приди она чуть позже — и сгорела бы наша кооперативная квартира, а то и весь кооперативный дом. На этом наши опыты с самогоноварением закончились.

А вообще должен сказать, что под брюки в то время редкие женщины надевали целые колготки.

Журнал «Звезда»

Как-то, в 80-е годы, я поехал в командировку в Ленинград, и мой отчим попросил взять из редакции журнала «Звезда» авторские экземпляры с его мемуарами. Я вышел из метро «Невский проспект» с тем, чтобы спросить у кого-нибудь из прохожих, как проехать на улицу, где находилась редакция. Немного постояв, я обратился к одному пожилому гражданину с интересующим меня вопросом. «А что вам там нужно?» — спросил он. Я мысленно ответил ему «Не твоё собачье дело!», а вслух сказал «Редакция журнала Звезда», — «А кто

вам там нужен?» Тут я начал кое-что понимать, мол, прохожий — не случайный и говорю: «Мария Васильевна». Это была зав. редакцией, которая, собственно, и должна была передать мне экземпляры журнала. «Передавайте ей от меня привет», — сказал старичок. Журналы я благополучно получил и несколько дней ходил, раздувшись от гордости. Почти взлетал к потолку, как «Карлсон, который живёт на крыше». Действительно, представьте себе: многомиллионный город, густая спящая толпа на Невском в конце рабочего дня, и я обращаюсь к первому встречному, который оказывается сотрудником журнала «Звезда»! Вероятность ничтожная! Какой всё-таки у меня орлиный глаз!

Однако по прошествии некоторого времени моё чувство самовосхищения стало меркнуть. Я стал рассуждать так: к кому мы обращаемся на улице в первую очередь? К пожилым людям, поскольку они идут медленно. Выражаясь научным языком, у них большее «сечение захвата». Не будете же вы останавливать четырнадцатилетнего пацана,двигающегося вприпрыжку. Ну, какой процент пожилых людей в конце рабочего дня? Положим, 10%. Если в Ленинграде население 5 млн. человек, то считай, что выбор мне надо было сделать из 500 тысяч. Далее, второй признак, по которому мы инстинктивно обращаемся к прохожим, — интеллигентное лицо. Ведь медленно могут идти и бомж, и поддатый работяга — тут можно и на грубость нарваться, а то и по морде получить.

Ну, сколько у нас интеллигенции? Как говорится, тонкий слой. Будем считать 1%. Получается, 5 тысяч. Тут уже выбрать гораздо легче! А что значит пожилой интеллигентный гражданин в нашей стране? Это скорее всего старый еврей — а значит, очень может быть, «русский литератор». Видимо, проведя подспудно в уме все эти выкладки, я и выбрал нужного человека. И ни о какой вероятности, равной одной миллионной, и о моём орлином взгляде говорить не приходится. Кстати, фамилия моего отчима была Волькенштейн, а мемуары вышли под фамилией Крандиевский.

Всё это произошло 30 лет назад, Теперь-то у нас, куда ни плюнь, все — интеллигенты!

Лекция в Борке

В начале 90-ых, когда мы купили дом в селе Веретее, возле посёлка Борок Ярославской области, я как раз стал апологетом «открытых систем» и продвигал эту идею где только можно. Учитывая, что Борок — маленький наукоград, я предложил прочитать лекцию на любимую мной тему. В Веретее мы поселились, можно сказать, благодаря знакомству с В. Цельмовичем — человеком, замечательным во многих отношениях, и он предложил прочитать мне лекцию в конференц-зале Института биологии внутренних вод РАН. Когда я вошёл в конференц-зал, я про себя ахнул: зал был заполнен весь, вплоть до последнего кресла, что в девяностые годы было большой редкостью для научных лекций. Пока я шёл к трибуне, я отметил, что преобладали женщины в возрасте 25-30 лет, т.е. в самом расцвете. Цельмович как ведущий, объявил мою лекцию, перечислив все мои регалии. Вдохновлённый такой аудиторией, я очень старался сделать презентацию как можно лучше, доходчивей — то есть я «распустил хвост» как можно пышнее. Мне казалось, что зал сидел, затаив дыхание. Когда прошёл последний слайд «Спасибо за внимание», я сказал, что с удовольствием отвечу на все вопросы. «Пожалуйста, вопросы», — сказал Цельмович. Вопросов не оказалось. Как известно, вопросов не бывает в двух случаях: или всем слушающим всё совершенно понятно, или никто ничего не понял. Ещё не совсем остыв от своей вдохновенной речи, я истолковал отсутствие вопросов «в свою пользу», решив, что моё выступление было блестящим. Сходя с трибуны, я услышал, как Цельмович сказал: «Ну, раз вопросов нет, поблагодарим докладчика и переходим ко второму вопросу нашего заседания: О выплате пособий матерям-одиночкам».

На геологическом конгрессе

Как я уже говорил, мой отец Яков Алексеевич Олейников был геологом. И вот до войны с ним произошёл такой случай. Он участвовал как-то летом в работе геологического конгресса, проходившего в Ленинграде. Во время перерыва, когда он стоял и курил, к нему подходит одна довольно симпатичная дама и говорит: «Серж! Почему же ты вернулся и никак не объявился?» Отец говорит: «Гражданочка, вы видно обознались и с кем-то меня перепутали». Дамочка приближается на опасно близкое расстояние и говорит с придыханием: «Серж! Как ты можешь такое говорить? Тем более после всего, что у нас с тобой было!» Отец говорит: «Гражданочка, я вам никакой не Серж, а Олейников Яков Алексеевич! Хотите, я вам паспорт покажу?» И лезет в карман за паспортом. Дамочка говорит: «Не надо мне твоего поддельного паспорта! Неужели ты думаешь, что я тебя выдам? И наш сынок — вылитый ты!» Тут, на счастье, объявляют конец перерыва, и отец, быстро извинившись, уходит на заседание. Во время заседания он соображает, что у дамочки был роман с этим Сержем, видимо, белогвардейцем, который потом эмигрировал, и теперь она решила, что он нелегально вернулся из-за границы. Как заядлому курильщику, в следующем перерыве отцу не терпится покурить, и он уходит на дальнюю лестницу. Не успел он затянуться папиросой, как дамочка, обойдя все курилки, снова подходит к нему с той же песней: «Серж! Я клянусь, что не выдам тебя, но я не могу без тебя жить, я никого больше не любила и т.д.». Отец всячески отнекивается, но дамочка никаких аргументов слушать не хочет. Тут опять звонок об окончании перерыва, и отец ускользает от настойчивой дамочки в зал. Но слушать докладчиков он уж не может, думая, как бы отделаться от дамы. Ему и смешно, и надоело, и немножко жалко её. Тут заседание заканчивается, отец выходит в фойе и норовит скрыться в туалете, но дама тут как тут. И тут отца осеняет

одна мысль. Он спрашивает: «Скажите, а у вашего Сержа были на теле какие-нибудь особые приметы?» Дамочка закатывает глаза и говорит: «А как же! Разве я могу забыть родимое пятно у тебя под левой лопаткой, которое я так любила целовать, уставшая от объятий!» Тогда отец крепко берёт её под руку и говорит: «Пойдёмте со мной» — и увлекает её в парк, прилегающий к зданию, где проходил конгресс. Уже стемнело, и отец, подойдя под свет фонаря, задирает на спине рубашку до самой шеи. Дама взглянула и говорит упавшим голосом:

«Извините, ошиблась! Так похожи!»

Встреча с родственниками

Моя мама, находясь ещё до моего рождения в составе геологической экспедиции на Дальнем Востоке, решила разыскать своего дядю по материнской линии. Она его не видела со времён революции, но было известно, что он после скитаний во время гражданской войны живёт в Хабаровске вместе с женой. Мама их разыскала — оказалось, что они живут в «китайском» районе. Они несказанно обрадовались, в глаза маме бросилась их нищета, им даже нечем было маму угостить. Но была у них очень весёлая и ласковая собачка, которая маму всю облизала, и мама, очень любившая собак, тоже её приласкала. Дядя с женой, извинившись, что нечем угостить, очень просили маму прийти завтра. Мама, конечно, согласилась. Назавтра, когда она пришла, все уселись за вполне богатый стол и предались разговорам и тостам за родню. В какой-то момент мама спохватилась, что не видит собачки, и спросила, где же она. Хозяева засмутились, и мама, в конце концов, поняла, что им пришлось продать собачку, чтобы накрыть стол для дорогой племянницы. Для китайцев собаки — деликатес.

А у мамы кусок стал поперёк горла.

Наркомовские 100 граммов

Как известно, наркомовские 100 грамм — норма водки, выдававшаяся во время войны бойцам Красной Армии. В изложении моего тестя, генерал-майора Сафира Михаила Павловича, воевавшего ещё в первую мировую войну, история этого термина звучала следующим образом. В царской армии нижним чинам даже в мирное время полагалась в день чарка водки. Причём, если ты по каким-то соображениям — например религиозным — не пил, мог получить деньгами. Потом разразились революция и гражданская война, и по этой части у красных был полный беспредел — экспроприировали спиртное в первую очередь. Действительно, в знаменитом фильме «Ленин в Октябре» запомнились кадры, когда Антонов-Овсеенко в Зимнем препятствует атаковавшим прорваться вниз по лестнице к винным подвалам, а направляет их наверх, где заседают Временное правительство.

После окончания гражданской войны было принято решение, что бойцам Красной Армии выпивка ни к чему, и запрет действовал довольно строго до Финской кампании. В Финскую кампанию стало ясно, что русскому солдату в трескучие морозы без этого никак нельзя, и в войска стали завозить спиртное, но в виду отсутствия норм и контроля за выдачей кому-то доставалось много, кому-то ничего. Финскую кампанию мы, как известно, «позорно выиграла», и был поставлен вопрос о норме, и поручили это дело соответствующему институту РККА. Опять же, как известно, такого рода работа занимает обычно два года и состоит из двух стадий: НИР — научно-исследовательской работы и ОКР — опытно-конструкторской работы. Так вот, Финская кампания закончилась, как известно, в 1939 г., а ВОВ началась 22 июня 1941 г., т.е. НИР уже закончилась, а ОКР — нет. А вопрос надо решать, и нарком обороны, маршал Тимошенко, позвонил начальнику института и спросил о результатах. Начальник института,

стоя навтыяжку с трубкой в руке, как положено при разговоре с наркомом, ответил: «Товарищ нарком! Так ОКР ещё не закончена. Пока ясно, что пол-литра — много, а рюмка — мало». Тут, якобы, Тимошенко и произнёс ключевую фразу: «Ну, думаю, 100 граммов будет нормально». Так эти «наркомовские 100 грамм» и остались в истории. Недавно, правда, я проверял эту историю по Интернету, там есть отличия. Но для меня версия такого очевидца, как Михаил Павлович, гораздо весомей, тем более, что дальнейшую историю уж никак нельзя подвергнуть сомнению. В декабре 1941 года Михаил Павлович, тогда ещё полковник, участвовал в обороне Москвы на линии Наро-Фоминск — Кубинка. Так вот, он рассказывал: «Еду я вдоль передовой и вижу: лежат через пятьдесят метров в вырытых мелких окопчиках наши бойцы, все в ватничках, в ватных штанах, валеночках и ушанках. И все мёртвые, да не убитые — а замёрзшие. А дело в чём? В войсках была специальная должность — спиртоносы. Спирт тащить легче в два раза, чем водку. И как только вражеский обстрел заканчивался, первыми ползли на передовую спиртоносы, а не разносчики борща да каши — поскольку русскому человеку сначала надо выпить, а потом уже поесть. А принесёшь сначала еду, можно и по морде получить, хорошо валенком, а то и прикладом! Вот дополз спиртонос, налил двух, а то и трёхдневную норму спиртяшки и пополз дальше. А боец хлопнет неразведённого, закусит снежком, а тут и немец опять начнёт мины кидать — вот горячего и не доставят. И засыпал боец захмелевший, а дальше мороз делал своё дело».

Сейчас продают водку «Наркомовские 100 грамм», и в комплект сверху приделан стакан с этой надписью. Тут-то я эту историю и вспоминаю.

Банкет по поводу защиты кандидатской диссертации

Кандидатскую диссертацию я защищал в 1969 году. И успешно. В те времена такие события обязательно отмечались банкетом. В ресторане или в кафе. Во-первых, считалось, что ты вступаешь в большую науку. Перед тобой открываются перспективы и это — важное событие жизни. Во-вторых, достать продукты на большую компанию было проблемой, а надо было позвать всю лабораторию, в которой ты делал диссертацию и все тебе содействовали. Но, кроме коллег, надо было пригласить ближайших родственников, которые соперничали. Ну, и ближайших друзей. В общем, набиралось человек 30. Это «удовольствие» было достаточно дорогим — помогли «папа с мамой». Но позволялось спиртное не заказывать в ресторане, а приносить с собой явно или тайно от администрации заведения. Я помню случай, когда на одном банкете водку принесли для конспирации в чехле от аккордеона. Поэтому мысль сэкономить на этом деле у меня теплилась. Решено было заказать банкет в ресторане «Лабиринт», расположенном на углу Нового Арбата и Садовой — в доме, где теперь «Казино». В поддержку себе я пригласил друга Салима — кабардинца, умеющего разговаривать с нужными людьми. К нам вышел метрдотель, в просторечии «мэтр». Мы согласовали с ним меню, и тут он задаёт канонический вопрос: «Что будем пить?» Тут Салим берёт инициативу на себя и говорит «Мне с родины прислали коньяк. Вы не будете возражать, если поставим на стол?» Мэтр легко согласился: «Конечно, приносите». Мы, радостные, поехали на площадь Восстания, где в «высотке» жили мои родители и находился гастроном. Потом мы купили ящик болгарского коньяка «Плиски» стоимостью 5 руб. бутылка (очень дешево!), я попер этот ящик в подъезд, где жили родители. Тащить довольно тяжёлый ящик приходилось, естественно, двумя руками, прижимая к животу. Тут я замешкался, поскольку с таким грузом открыть тяжеленную дверь затруднительно. Вдруг она сама открывается. Из неё выходит

живущая в нашем подъезде Элина Быстрицкая — знаменитая актриса, сыгравшая Аксинью в «Тихом Доне». Быстрицкая, видя мои трудности, вежливо придерживает открытую дверь, пока я пройду с драгоценным грузом. Я говорю «Спасибо большое!», а про себя думаю: «Да, всё-таки не любому знаменитая актриса придерживает дверь!» Поднимаюсь к родителям, снимаю в кухне со шкафчика плетёную десятилитровую бутылку. Кажется, она всегда там стояла, да о том и слой пыли красноречиво свидетельствовал. Переливаю в неё купленную «Плиску». К началу банкета привожу бутылку в ресторан. Салим ставит её перед мэтром и вежливо спрашивает: «Попробовать не хотите?» — «С удовольствием!» Наливаем мэтру полбокала «Плиски», он, расширив ноздри, вдыхает её аромат. С видом большущего знатока отпивает и, наконец, произносит вердикт: «Да! Настоящий коньяк сразу чувствуется. Он пахнет солнцем и лозой! Не то что у нас тут подают!» Счастливый, иду встречать гостей и, когда вхожу в банкетный зал, прихожу в ужас: я думал, что коньяк разольют по графинам, а оказалось, что весь стол уставлен бутылками с этикетками от самых дорогих коньяков — «КВ», «КВВК», «Арагат», «Тбилиси»... Что тут скажешь? Мэтр из каких-то соображений — видимо, из лучших — решил так поступить. Банкет прошёл успешно, но я попал, выражаясь на «шахматном языке», «в вилку»! Кто разобрался в коньяке, решил: какой я дурак, как меня ресторан обманул. Те, кто не разобрался, решил: какой я дурак, потратив такие деньги! В общем, с какой стороны ни гляди, я выглядел дураком.

Зато воспоминание о Быстрицкой грело душу.

Враги сожгли родную хату

В советское время существовали такие понятия: «выездной» и «невыездной». Этими понятиями обозначали человека, которого пускают за границу или не пускают. Для того, чтобы человек стал выездным, основным условием было

членство в КПСС. Я был невыездным, а например мой начальник А.Н. Выставкин — выездным. И вот как-то он должен был поехать в Западную Германию на какую-то конференцию. Одной из главных задач при выезде в капстрану была экономия валюты, выданной на оплату гостиницы и на питание (суточные) с тем, чтобы купить что-нибудь, чего в нашей стране купить среднему человеку было не по карману. Долгое время символом такого товара были кассетные магнитофоны. Были два основных способа экономии: первый способ — привезти с собой консервы или копчёную колбасу и второй способ — так исхитриться, чтобы тебя пригласили в гости местные профессора. Они, как правило, и были инициаторами твоего приглашения на конференцию. А когда тебя зовут в гости, с пустыми руками идти неприлично. Мы жили с Выставкиным в одном доме, и он просил отвезти его в Шереметьево на машине. Только тронулись, а он говорит: «Давайте на минутку заедем в магазин “Мелодия” на Новом Арбате. Хочу купить в подарок пластиночки». Останавливаемся возле «Мелодии», я остаюсь в машине, а А.Н. поднимается в магазин. Выходит он что-то очень быстро и показывает пластинки. Я обратил внимание на одну из них, с изображением женского хора в русских сарафанах и кокошниках. Я спрашиваю: «А вы послушали?» - «Да некогда! Видите — русский стиль!» Ну, мы доехали до Шереметьева, и А.Н. улетел. Через неделю после возвращения А.Н. из Германии я спрашиваю его: «Ну, как пластинка? Понравилась немцу?» — «Мог выйти большой конфуз, но, к счастью, обошлось». Дальше А.Н. рассказал следующее. Действительно немец пригласил А.Н. и ещё несколько участников конференции из других стран в гости. План сбывался, открывалась возможность поесть не в сухомятку и достичь экономии — и идёшь не с пустыми руками, слава богу! А.Н. надел свежую рубашку, завернул пластинку в газетку и отправился в гости. По прибытии в коттедж А.Н. был представлен хозяином жене, расшаркался, как умел, и поцеловал ей ручку, т.е. выполнил светскую процедуру, непривычную для советского человека.

После чего развернул газету и вручил принесённый презент. «О, русская музыка, — сказала, естественно, по-немецки фрау. — Послушаем после ужина!» После небольшого аперитива гости были приглашены за стол, и А.Н. с чувством законной гордости ел и пил, поддерживая беседу на английском и выполняя тайную задачу экономии. Когда отужинали, хозяйка пригласила всех в гостиную и сказала: «А теперь мы с удовольствием послушаем пластинку, которую подарил наш дорогой гость из России!» Мужчины расселись по мягким кожаным креслам, им были предложены сигары, и приготовились слушать. А.Н., находящийся в центре внимания, тоже закурил непривычную ему сигару, хотя вообще был человеком некурящим. И вдруг из проигрывателя понеслось «Враги сожгли родную хату! Убили всю его семью!» А.Н. вжался в кресло, стараясь, чтобы его не было видно, сильно надеясь, что никто из хозяев и гостей не понимает по-русски. «Прекрасная песня! О чём в ней поётся?» — светски спросил хозяин. «О русской природе, о любви!» — не растерялся А.Н., понимая, что рано или поздно найдётся кто-нибудь из знакомых хозяина, который откроет ему глаза на смысл песни.

Выставкин сказал: «В общем, слава богу, обошлось!»

Докторская диссертация Т.М. Лифшица

После окончания физфака МГУ я попал по распределению в Институт радиотехники и электроники АН СССР, в лабораторию Теодора Моисеевича Лифшица, которая занималась полупроводниками. Т.М. был очень хорошим экспериментатором, в то время кандидатом технических наук, соавтором двух открытий, и вскоре он подготовил прекрасную докторскую диссертацию страниц на 400 и собирался её защищать. Надо сказать, что Т.М. был фронтовик, но в конце сороковых — начале пятидесятых

годов попал под молотилку кампании с безродными космополитами, чуть-чуть не был уволен, спасла смерть Сталина, и этот страх, видимо, был Т.М. не изжит. Поэтому к защите он готовился весьма тщательно: достаточно сказать, что в качестве первого оппонента согласился выступить академик И.К. Кикоин (один из создателей атомной бомбы, лауреат четырёх Сталинских премий, Ленинской премии и двух Государственных премий СССР). Защита прошла блестяще. Мне запомнилось, что И.К. Кикоин сразу после своего выступления ушёл с заседания Ученого совета, давая понять, что он не сомневается в её исходе. После защиты Т.М. оформил все необходимые документы, отредактировал стенограмму и «в установленном порядке» диссертация была направлена в Высшую аттестационную комиссию для утверждения. При поступлении к ней диссертации ВАК посылал открытку с уведомлением, что диссертация получена. Вскоре такая открытка пришла, и Т.М. стал ждать следующего шага. Обычно после прохождения рецензентов и соответствующего совета ВАКа его Президиум в случае положительного решения утверждал решение о присуждении искомой степени, о чём приходила следующая вожделенная открытка. Как правило, на это уходило несколько месяцев, около полугода, и поэтому Т.М. сначала ждал спокойно, потом, по прошествии 6 месяцев, начал беспокоиться и, наконец, отважился позвонить в ВАК и справиться о судьбе своей диссертации. И тут ему ответили, что его диссертация... утеряна! Случай небывалый! Что делать? Т.М. решил, что все разговоры о том, что антисемитизм как государственная политика изжит, остаются пропагандой и решил плюнуть и доживать свой век в кандидатах наук. Каково же было его изумление, когда ещё через несколько месяцев пришла открытка с уведомлением об утверждении диссертации. Тут он, уже повеселевший, снова позвонил в ВАК, чтобы понять, в чём дело, тем более, что, судя по газетам, ничего в политике нашей страны не изменилось. Оказалось, что одна из машинисток ушла в декретный отпуск, и на

стуле, на котором она сидела, обнаружили диссертацию Т.М., завернутую в газету. Как известно, в те времена, так называемых офисных кресел не было, машинистки сидели на обычных стульях и, чтобы было удобней печатать, подкладывали под попу что-нибудь пообъёмней — в данном случае это была диссертация Т.М.

Я всегда говорил, что антисемитизм в нашей стране — наветы врагов!

Китайская тушёнка

В советские времена при поездке в командировку за границу — конечно, наряду с научными контактами — главной задачей была экономия выдаваемой валюты с тем, чтобы можно было купить то, чего в стране не достать. А это значило, что питаться надо было всухомятку, и лучшим средством была сухая колбаса. Но вот в 1989 г. мы с А.Н. Выставкиным поехали, то есть, конечно, полетели, в Пекин на большую международную конференцию «КАМАК-1989». Станным образом Китай считался капстраной, и гостиничные и суточные выдавали долларами! Когда мы, получив паспорта и имея билеты, бросились за вышеназванной сухой колбасой, оказалось, что достать её вообще невозможно. Единственное, что было доступно, являлась китайская тушёнка «Великая стена». И, когда мы распаковали в гостинице чемоданы, оказалось, что каждый из нас привёз по пять банок «Китайской стены». Ну и, конечно, по две разрешенных бутылки водки. Конференция проходила в том же отеле, была очень представительной, приехали специалисты из многих стран. В программе было написано «Перерыв на обед» (по-английски — Launch). Опасаясь, что за обед придётся платить, мы с А.Н., когда объявили перерыв, поднялись в номер, открыли банку тушёнки, налили, естественно, по 50 граммов и приготовились чокнуться.

Вдруг звонит телефон, и нам говорят по-английски: «Просим русских гостей спуститься в ресторан на обед». Мы, сославшись на разницу во времени, отвечаем, что для нас ещё слишком рано обедать. Кладем трубку, выпиваем за успехи и поддеваем по куску тушёнки. Опять звонок: «Просим русских гостей спуститься в ресторан на обед». Я думаю, что китайцы, конечно, поняли, что мы пытаемся сэкономить, но анекдота про «Халява, плиз» они не знали. Я отвечаю: «Мы неважно перенесли перелёт, и есть, мол, не хочется». Снова выпиваем и закусьваем тушёнкой. Картина повторяется снова. Памятуя о китайской настойчивости, мы сдаёмся и спускаемся в ресторан. О позорище! Зал примерно на 500 человек, все столы заняты, кроме стола с советским флажком, и, справедливости ради — с польским флажком. Поляки тоже оказались жлобами. В общем, обеды были бесплатными, и большую часть банок с тушёнкой мы привезли домой в Москву. Получается, что тушёнка почти совершила кругосветное путешествие: сначала из Китая в Москву — 12 тысяч км, из Москвы в Пекин — ещё 12 тысяч км. Ну, и снова в Москву. Итого 36 тысяч км.

Помнится из уроков географии, что длина экватора 40 тысяч км.

Нина Ивановна Знаменская

В детстве я, как многие дети, достаточно часто болел. И, как это было принято в интеллигентных семьях, при серьёзных заболеваниях родители приглашали «частных» врачей. Причём этих врачей рекомендовали своим родным и знакомым, и получалось, что все мы лечились у одного врача. Так вот, в течение долгого времени в качестве такого «межсемейного врача» выступала Нина Ивановна Знаменская. Это была статная женщина с красиво уложенной причёской. В те времена врач, приходя к больному, первым делом

мыл руки, и поэтому для него заранее готовилось чистое полотенце. При начале осмотра врач просил дать чайную ложечку, чтобы осмотреть горло, требуя высунуть язык и сказать «А-а-а». Поэтому чайную серебряную ложечку тоже держали наготове и подносили на блюдечке. Впрочем, так же себя вели и районные врачи с той разницей, что обычно сильно торопились, в отличие от частных. Времена меняются, и, когда я в последний раз вызывал к тёще врача, эта симпатичная молодая докторесса рук не мыла, а попросила дать ей бахилы! Вернёмся к Нине Ивановне. Я рос, детские болезни отступали, теперь на приёме у врача с трудом вспоминаешь, что ответить на вопрос: «Чем болел в детстве?» Я мужал, продвигался по работе, «улучшал свои жилищные условия». В начале восьмидесятых годов я жил в Гольянове в ведомственном доме. В те времена Гольяново ещё не было так застроено. Вблизи был неухоженный пруд. В общем, это было хорошее место для гуляния с собакой, а у нас тогда была эрдель-терьерша по кличке Шерри. И было очень приятно в выходной зимний солнечный день утром выйти с ней погулять на природу. Ну, эрдель-терьеров вы представляете — рыжая морда, лапы и живот и черный чепрак (спина). Мы были с ней друг другу под стать: у меня была рыжая борода, сам я был в расцвете сил и гулять с собакой выходил в своём любимом шофёрском полушубке, описанном мною в рассказе «Мой Серебряный Бор». Моё убранство дополняла чёрная цигейковая ушанка и кожаные варежки. Одним словом, этакий русский богатырь, достойный кисти Кустодиева. И вот выхожу я однажды зимним субботним солнечным утром с Шерри из подъезда и вдруг вижу: у нашего подъезда останавливается «Москвичок», и из него выходит невысокая седая женщина, ростом мне по грудь, но чем-то удивительно знакомая! Ба! Да это же Знаменская! «Нина Ивановна, здравствуйте!» - радостно говорю я. «Здравствуйте», - довольно сухо отвечает она. «Вы меня лечили!»

Посмотрев на меня снизу вверх и окинув взглядом, Нина Ивановна говорит: «Видно, что неплохо лечила!»

Газета к 50-летию Революции

В советское время в каждой уважающей себя организации выходила стенная газета (стенгазета). Выходила она и в моём родном Институте радиотехники и электроники, куда я пришёл на работу в 1962 году. О роли, которая придавалась стенгазете, можно судить по тому, что она курировалась партбюро, а главным редактором был директор института, вице-президент АН СССР, академик В.А. Котельников. И я стал членом редколлегии. А тут подошла знаменательная дата — 50-летие Великой Октябрьской Социалистической революции в 1967 году. И партбюро приняло решение поместить в стенгазете интервью с участниками революции и гражданской войны и поручило взять эти интервью вашему покорному слуге. Согласно данным отдела кадров, таковых участников оказалось трое. Я с энтузиазмом принялся за дело. Первым оказался главный механик Жабин. Я задал ему вопрос: кем он был и какое самое яркое событие ему запомнилось? Жабин ответил, что в гражданскую войну был красноармейцем, и запомнилось, как ему было поручено доставить верхом важный пакет в штаб. Мне в память запало его выражение «Аллур три креста», что означало крайнюю важность и срочность донесения. Жабин вскочил на коня и помчался во весь опор, понимая ответственность задания. И тут его ранили! Я, загоревшись, спросил: «Куда ранили?» Немного помявшись, Жабин ответил: «В мягкое место». Мне показалось это обстоятельство немного странным: кто стрелял — враги или свои? Как об этом написать в газете? В общем, я решил пойти к другому участнику — Смелякову. На те же мои вопросы Смеляков ответил следующее. Он также служил в Красной Армии, и в 1918 г. пришло сообщение, что в Германии началась революция, а это означало начало мировой революции, и наш интернациональный долг — поддержать немецких товарищей. И его полк выступил с песнями на помощь

восставшим. Вот идут они маршем, одна революционная песня сменяет другую, и вдруг колонну обгоняет легковой автомобиль, а в автомобиле сидят Лев Троцкий и Михаил Калинин! Доехав до головы колонны, автомобиль останавливается, и приехавшие высокие гости начинают выступать. «Что говорил Калинин, я не запомнил. Троцкий произнёс такую речь, что некоторые бойцы заплакали. Смысл речи состоял в том, что революция в Германии подавлена. Мы со своей помощью опоздали. Мировой революции пока не будет, и надо поворачивать назад! И мы зашагали и снова запели, но уже в другой, не такой бодрой тональности». Рассказ Смелякова мне очень понравился, он передавал дух эпохи. Смущал меня только Троцкий, поскольку слова «троцкизм» и «троцкист» были ещё страшными ругательствами. Как известно, убийца Троцкого Рамон Меркадер только в 1960 г. выйдет из мексиканской тюрьмы и получит в Кремле звезду Героя. Я решил посоветоваться в партбюро с Василием Васильевичем Андреевым, курировавшим стенгазету. В.В., чуть подумав, сказал: «Давай изложим так, что эту яркую речь произнёс не Троцкий, а Калинин». Тут воспротивился я: «Это же фальсификация истории!» Решили и это интервью не помещать, а я оправился к третьему участнику, назовём его просто «третий». Он оказался рабочим двора — это одна из самых непрестижных должностей, задача которой состоит в разгрузке-погрузке, таскании ящиков и других тяжестей. Работа тяжёлая и в любую погоду, что, естественно, приводит к тому, что рабочие согрелись известным русским способом. Когда я подошёл к участнику, он лыка уже не вязал. Тут я и подумал: «Революция дословно означает переворот. Недаром поётся “кто был ничем, тот станет всем!” А тут получается, что для того, чтобы стать рабочим двора, революция вроде не нужна?» В итоге в стенгазете наш художник изобразил крейсер «Аврору». Крейсер полностью покрыл два ватманских листа.

Для чего наши деды и отцы совершали революцию?

Как Юр.Мех решил вступить в комсомол

Мой друг Юрий Михайлович Коноплёв, которого мы — друзья — называли Юр.Мехом, часто приглашал нас к себе на дачу в Шереметьевскую. Дачный участок находится в 10 минутах хода от станции, в посёлке танкистов и был получен отцом Юр.Меха вскоре после войны, поскольку тот служил в Бронетанковом управлении Минобороны. Участки раздавались на основе дарственных от Сталина по простому правилу: генералу — гектар, полковнику — полгектара. Отец Юрмеха как раз имел звание полковника, поэтому получил полгектара, и этот участок мне казался огромным по сравнению с новыми шестью сотками. Когда они впервые туда приехали, чтобы посмотреть, он весь был покрыт лесом. Поражало обилие грибов. Надо было строиться, а в те времена со стройматериалами для частного строительства было ой как плохо. И тут у отца Юр.Меха появилась возможность завезти деревянные ящики — тару от мотоциклов «Харлей-Девидсон», которые нам поставляли американцы. Помню, в моём детстве на них ездила милиция. Завезли груды этих ящиков, свалили в кучу и отец сказал Юр.Меху, которому было тогда лет 12. «Ну вот, у тебя каникулы, чтобы без дела не шатался, займись разборкой этих ящиков на досточки» — и выдал клещи и молоток. И Юр.Мех приступил. Он приезжал утром на дачном поезде, в те времена электричек на Савёловской дороге ещё не было, поезда тянул паровичок. Скорость поезд после остановки набирал медленно, и Юр.Мех прыгивал на ходу с подножки вагона напротив своего участка и вступал в единоборство с ящиками. Дело в том, что эти капиталисты сколачивали ящики уже тогда не как у нас на родине четырьмя гвоздями, а пневматическим молотком, да змейкой, да гвозди квадратные. Юр.Мех намучился, разбирая эти проклятые ящики, и возненавидел капитализм всей душой. А когда по окончании каникул вернулся

в школу, подал заявление о вступлении в комсомол, чтобы установить социализм на всей Земле.

А домик из этих досок всё-таки построили, и он долго ещё стоял, уже покосившийся и подгнивший. Только спустя время там поставили большой бревенчатый дом.

Михаил Федорович. Калистово

Когда у нас в 1970 родился сын Павлик, было решено на лето снимать дачу. Сейчас меня удивляет, что в некоторых семьях отправлять детей на все лето за город не считается обязательным — ведь экология испортилась в десятки раз! Ладно, это отдельный разговор. Где снимать? У моей жены Наташи была сотрудница по техникуму и подруга Лера. Вот эта Лера и сказала, что они снимают дачу по Ярославской железной дороге, вблизи станции Калистово, в деревне Антипино. Ну вот мы с Наташей и отправились в это Антипино где-то в марте, когда и снег ещё не сошёл. Нашего хозяина звали Михаил Фёдорович, по возрасту он годился мне в отцы. А сняли мы у него небольшой аккуратный домик, очень похожий на домик трех поросят, но с терраской. Домик стоял на задворках, и за ним уже шли грядки с картофелем, и дальше поле. С началом лета мы переехали. Жить в там нам очень нравилось. Естественно, стали общаться с хозяевами и время от времени выпивать с Михаилом Фёдоровичем. Вот однажды мы идём с ним по деревне, и я замечаю, что он как-то очень ласково здоровается со всеми старушками, которые встречаются или сидят на лавочках около своих домов. И я его спрашиваю: «Михаил Фёдорыч! Чего это вы так ласково со всеми бабусями здороваетесь?» — «Так я на них на всех был женат». — «Как это?!» И М.Ф. рассказал следующее. Когда он вернулся с войны, был молодым и холостым, поселился в Антипине и поступил работать экспедитором на ликёро-водочный завод. Что такое экспедитор? Человек,

сопровожающий ящики с водкой, которые развозятся по торговым точкам. «И под сидением у меня всегда была канистра со спиртом. Вот однажды возвращаюсь я после рабочего дня в деревню, вылазю из кабины, подходит ко мне один дядька и говорит: “Здорово Миша! Почему бы тебе не жениться на моей дочке Вале? Свадьбу сыграем! Твоя выпивка, моя закуска! Всю деревню позовём!” Время было послевоенное, женихи в дефиците — да и праздников мало. Я думаю: “А почему бы и нет? Пора женой обзаводиться”. Сыграли мы свадьбу, как полагается, всю деревню пригласили! Поселился я у жены. Стали жить-поживать! Примерно через полгода возвращаюсь я опять домой. Только стал из кабины слезать, подходит ко мне ещё один дядька, говорит: “А почему бы тебе не жениться на моей дочке Маше? Девка видная, всё при ней!” Я говорю: «Да я ж женат! Ты ж сам гулял у нас на свадьбе!» — «Ну и шо? Где их, женихов, нынче взять? А ты — экспедитор при ликёро-водочном заводе”. И сыграли новую свадьбу, опять пригласили всю деревню, и перешёл я жить к новой жене. Всё тихо-мирно. Через некоторое время история повторилась. Вот и получается, что я был женат на полдеревни. Чего ж мне с ними ласково не здороваться?»

К этому времени М.Ф. был женат на последней жене, имел дочку, зятя и внучку, почти ровесницу нашего Павлика.

Света Расщепкина

Одно из сохранившихся воспоминаний — школьный бал-маскарад. Было велено придумать себе костюм. У меня дома отнесли к этому вопросу очень серьёзно. Было решено одеть меня эфиопом. Основу составляло какое-то хранившееся в сундуке старинное одеяние, не очень эфиопское, а по-моему, индийское — синего цвета, с золотым шитьём, — привезённое и подаренное когда-то до революции одним из родственников или знакомых. Как уж оно сохранилось — для

меня тайна. На голову натягивался женский коричневый чулок, сразу делавший меня эфиопом, вместо глаз были пришиты две серебряные пуговицы, а рот был приклеен из красной бумаги. Конструкция была замечательна тем, что я сквозь чулок всё прекрасно видел и легко дышал. На голову в виде чалмы было намотано белое вафельное полотенце. Нижнюю часть костюма завершали шаровары, изготовленные из белых пикейных (теннисных) брюк дяди Володи, к которым внизу были пришиты тесёмочки, завязывающиеся около щиколоток. Я думаю, что мама воспроизвела этот костюм из маскарадов времён своей молодости.

Успех был оглушительный, правда выяснилось, что так серьёзно к маскараду отнеслись только в моей семье, единственным конкурентом мне был Кот в сапогах, но было явно, что это взятый напрокат реквизит. Все остальные были просто в разных покупных масках. Я завоевал все основные призы. Но это было не главное. Самое важное, что на меня обратила внимание одна из самых красивых девочек нашего класса Света Расщепкина. Света по внешности впоследствии у меня ассоциировалась с героиней рассказа И. Бунина «Лёгкое дыхание» Олей Мещерской. У Бунина, которого мы тогда ещё не читали, Мещерская так описывает идеал красивой женщины: «Я в одной папиной книге, — у него много старинных смешных книг — прочла, какая красота должна быть у женщины... Там, понимаешь, столько насказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, чёрные, кипящие смолой глаза — ей-богу, так и написано: кипящие смолой! — чёрные, как ночь, ресницы, нежно играющий румянец, тонкий стан, длиннее обыкновенного руки — понимаешь, длиннее обыкновенного! — маленькая ножка, в меру большая грудь, правильно округлённая икра, колена цвета раковины, покатые плечи, — я многое почти наизусть выучила, так всё это верно! — но главное, знаешь ли что? Лёгкое дыхание! А ведь оно у меня есть — ты послушай, как я вздыхаю — ведь правда, есть?»

Так вот, Света после моего триумфа на маскараде согласилась в тот же вечер прогуляться по улице Горького. Я был опьянён своим успехом и её вниманием, быстро

снял с головы чалму и чулок, надел поверх шаровар обычные брюки, пальто, кепку, и мы пошли быстрым шагом до Маяковки и дальше, к центру, по улице Горького. Я сделал попытку взять Свету под руку, она отстранилась, но я и так был счастлив. Мы так и шли на расстоянии двух — трёх шагов. О чём мы говорили, не помню, но о чём-то говорили непрерывно — в общем, всё было прекрасно. Мы вернулись на Садовую, я проводил Свету до её парадной и пошёл домой. Подходя к своему подъезду, я вдруг обнаружил, что длинные, сантиметров в двадцать, завязки от моих шаровар волочатся по асфальту. Боже, всю мою эйфорию как рукой сняло! Я подумал: «Света, конечно, всё видела, наверное, стеснялась сказать и страдала». Во всяком случае наши отношения так до конца школы никакого развития не получили. Света поступила, кажется, в техникум учиться на аптекаршу, что несколько снизило моё сравнение с Олей Мещерской.

Почему-то я впоследствии вспомнил эту историю, когда аналогичный случай произошёл с Юрием Гагариным, который строевым шагом шёл от самолёта докладывать Н. Хрущёву и другим членам правительства об успешном полёте в космос, и за ним волочились какие-то тесёмки, что видела по ТВ вся страна.

Сухая колбаса за границу

При советской власти с целью экономии выданных денег было принято питаться всухомятку в гостиничном номере. Лучшим продуктом с этой точки зрения считалась «сухая», т.е. копчёная, колбаса. Но достать её в условиях перманентного дефицита тоже была большая проблема. И вот как-то раз куда-то мы должны были ехать, кажется, в Венгрию, завтра выезд, а колбасы у меня нет. Я обегал все магазины — безрезультатно! Что делать? Я получаюсь неполноценным

членом делегации. И вдруг меня осеняет: пойду-ка я в буфет при академической столовой, что находится возле здания Старого Президиума АН СССР по адресу Ленинский проспект д.14., в Нескучном саду. В этой столовой мне приходилось обедать несколько раз. Пускали туда по институтским пропускам. Вот пришёл я в столовую, убедился, что в буфете продаются бутерброды с сухой колбасой, подошёл к буфетчице и в одной фразе излагаю свою проблему: «Завтра выезжаю за границу, а колбасы нет! Можете помочь?» Не высказав никакого удивления и не задав никаких вопросов, буфетчица говорит: «Пройдите в конец зала и спуститесь по лестнице к заведующей». Я прохожу в указанном направлении, нахожу нужную дверь и спускаюсь по старинной винтовой плохо освещенной лестнице в подвал. Вижу, за столом под настольной лампой сидит дама в белом накрахмаленном халате и в меховой шапке типа боярской и что-то считает на счётах. Я медовым голосом здороваюсь и теми же словами излагаю свою проблему. Ни слова не говоря, заведующая подходит к деревянному стеллажу, берёт с него батон колбасы, «завешивает» и говорит: «Два шестьдесят!» Ещё не до конца веря своему счастью, я расплачиваюсь, благодарю от всей души и поднимаюсь по лестнице, счастливо заправляя шарф и застёгивая пальто.

Ура! Я полноценный участник делегации!

Порай. Хэппи

В то время мой друг детства Алёша Порай-Кошиц (Порай) работал в театре на Таганке в должности заведующего постановочной частью (завпост). «Таганка» была в самом расцвете своей славы. Достать билет на спектакль было невероятно трудно. Должность завпоста предъявляет очень разносторонние требования к человеку, её занимающему. Он должен быть и театральным художником, и, в большой

степени, снабженцем, и очень коммуникабельным человеком. В условиях перманентного дефицита при советской власти, когда все доставали, а не покупали, ты, естественно, должен был иметь возможность работать по принципу «дашь на дашь». Так, при постановке «Вишневого сада», в каждом спектакле должны были, по замыслу постановщиков, с вишневых деревьев осыпаться цветы. А для следующего спектакля в начале действия вишневый сад снова представлял перед зрителями цветущим. Алёша договорился с соседней школой, и учащиеся к каждому спектаклю готовили новые цветочки вишен. Можете себе представить организационные трудности? Или вот ещё пример! Алёша сидит у нас в гостях. Вдруг звонок по телефону — исчезла белая мышка, которая должна бегать по голове у конферансье во время сцены в варьете в «Мастере и Маргарите». И вот Алёша бросает недопитый чай, садится в машину и несётся на Птичий рынок покупать злосчастную мышку к вечернему представлению. Так вот, о «Мастере и Маргарите». Как мы все помним, согласно М.А. Булгакову, у прокуратора Понтия Пилата был любимый пёс Банго. Банго играла найденная Алёшей догиня, которую долго приучали к этой роли — и в частности откликаться на имя Банго, хотя кличка у неё была от рождения совсем другая. И вот вдруг нам домой звонит Алёша: «Выручайте! Догиня заболела! У неё мастит! Спектакль срывается!» Алёша знал, что у нас есть одна знакомая — Алла Даниловна, у которой есть тоже догиня по кличке Хэппи. Срочно созваниваемся с Аллой Даниловной. Хэппи, которая не готовилась к сценической карьере, моют шампунем и привозят в театр. По замыслу постановщиков, сцена выглядит так: Понтий Пилат, мучимый мигренью, стоит на сцене в тунике и в сандалиях и жалостным голосом зовёт: «Банго! Банго!» А собака ждёт команды у пожарного выхода в конце прохода между рядами. Чтобы она раньше времени не сорвалась, её держат за ошейник. Но попробуй научи за час собаку откликаться на другую кличку! Что придумывает Алёша? За спиной Понтия Пилата в неосвещённой глубине сцены стоит Алла Даниловна, Хэппи держит за

ошейник моя жена Наталья, и, когда Понтий произносит «Банго! Банго!», Алла Даниловна громким шёпотом зовёт: «Хэппи, Хэппи!» В общем, спектакль начинается, приближается описанная сцена. Понтий Пилат зовёт Банго, Алла Даниловна шипит: «Хэппи! Хэппи!», Хэппи настораживает уши, вертит головой, ничего не понимая. Сцена повторяется, ещё меньше понимают зрители, особенно тонкие знатоки Булгакова. И так три раза. Ситуация усложняется тем, что Алла Даниловна почти в два раза толще Понтия Пилата, и её контуры просматриваются в глубине сцены. Наконец, Алла Даниловна, спасая ситуацию, командует громко: «Хэппи, ко мне!» Хэппи напрягается, жена отпускает ошейник, и Хэппи бросается по проходу, пугая зрителей на крайних креслах, вскакивает на сцену, сшибает Понтия Пилата, который взлетает сандалиями вверх, и бросается на грудь к хозяйке Алле Даниловне!

Я думаю, Булгаков был бы доволен.

Дядя Юра Зорин

У моей мамы был двоюродный брат Юра Зорин, то есть для меня — дядя Юра. Во время войны он был в саперных войсках. Кстати, помню, он говорил, что самые толковые собаки для поиска мин — дворняжки. После войны дядя Юра поступил в Военно-инженерную академию им В.В. Куйбышева, что располагалась на Покровском бульваре, и я одно время проходил мимо неё каждый день, поскольку жил неподалёку. Замечательная, очень престижная даже за рубежом академия, курсантами которой старались стать военные из очень многих стран. Академию ликвидировали, когда министром обороны был Сердюков. Так вот, дядя Юра, будучи курсантом, снимал комнату в коммунальной квартире не очень далеко от академии и мог ходить на занятия пешком. Проходить на лестницу надо было через типичную послевоенную коммунальную

кухню, где было много хозяек, четыре газовых плиты и на веревках сушилось разноцветное белье. Дядя Юра был красивым, статным мужчиной в расцвете лет, и военная форма очень шла ему. На улице женщины часто обращали на него внимание, что ему было, конечно, лестно. В то зимнее утро, о котором идёт речь, дядя Юра вышел еще в предрассветных сумерках и заметил повышенное внимание встречных женщин, а некоторые даже улыбались ему какими-то лукавыми улыбками. От такого внимания дядя Юра еще распрямил плечи, стал почти печатать шаг и поправил фуражку, и так прекрасно сидящую на голове. При подходе к академии он встретил майора-однокурсника, и тот весело кивнул на дяди Юрино левое плечо. Дядя Юра покосился и обомлел: проходя через кухню, он зацепил погоном шинели голубой дамский бюстгальтер, который весело покачивался, отдалённо напоминая аксельбант.

Но это — при большой фантазии.

Кожаные регланы

На днях мне подарили книжку «Почему Россия и США не слышат друг друга». По этому поводу я вспомнил такую историю, рассказанную мне кем-то — кажется, Володей Кормером. Посол Америки в СССР был приглашён во время ВОВ в Большой театр на торжественное заседание, посвящённое очередной годовщине революции семнадцатого года. И, как полагается, после этого мероприятия он написал отчёт своему президенту Франклину Рузвельту. В отчёте он написал: «Мой Президент! Россия, видимо, всё-таки очень демократичная страна, несмотря на то, что мы знаем о её диктаторе. На их главном празднике, который обозначен красной датой в календаре 7 ноября, присутствовало очень много шоферов». Это пронизательное впечатление создалось у посла благодаря тому, что

в театре по военному времени топили очень слабо и многие приглашённые гости сидели в верхней одежде, притом преобладали кожаные регланы до колен. А объяснялось все очень просто. Американцы поставляли нам в большом количестве во время войны по ленд-лизу грузовики «Студебеккер» — замечательные мощные трёхосные машины с высокой проходимостью, намного превосходящие наши отечественные «Зилы» и «Газы». И в комплект к каждому «Студебеккеру» входили пила, топор и... замечательный коричневый кожаный реглан на цигейковой подкладке цвета какао. И, естественно, эти регланы разошлись по начальству. А наши шоферыги обходились промасленными ватными телогреечками. Для нас такое положение дел представляется вполне естественным, а американскому послу, этому высоколобому выпускнику Гарварда, и в голову не могло прийти.

Так почему Америка и Россия не слышат друг друга?

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона

Когда я был подростком, мне, в виду стеснённых жилищных условий, долгое время пришлось спать на раскладушке под книжными полками, где стояли все 86 томов знаменитой, изданной до революции энциклопедии Брокгауза и Ефрона. И я, поскольку много болел, часто читал эту замечательную энциклопедию и почерпнул много чего. Так вот, когда я уже повзрослел, мой друг Алик Четвериков довольно рано демобилизовался из армии. Кажется, на армейском языке он был ЖОРА — жертва общего разоружения, происшедшего, когда военным министром был Г. Жуков. И Алик Четвериков поступил работать в какой-то академический институт. И вот, он, зная, что я сразу по окончании МГУ работаю в этой системе, звонит мне на работу и говорит приглушённым голосом: «Саня! Ты можешь мне объяснить,

что такое “симпозиум”? Весь институт бегают, все взъерошенные, оформляют командировки на какой-то “симпозиум”. А я никогда такого слова не слышал. У нас в армии такого слова не было». Я ему говорю: «Алик! Сходи в библиотеку, там наверняка есть энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Там точно есть определение» — «Спасибо, пойду, почитаю!» Примерно через полчаса Алик звонит снова: «Ну, я всё понял! Неплохо в академии наук работать!» Действительно, можете посмотреть в Брокгаузе, а если под рукой нет, наберите в Яндексе: Симпозиум — Википедия. «Симпосий (др.-греч. σῦν-πόσιον — попойка, пиршество, пир от σῦν- приставка со значением совместности действия, соучастия и πόσις — питьё, напиток) — ритуализированное пиршество в Древней Греции, сопровождавшееся буйным весельем».

Справедливости ради скажу, что можно найти и другое толкование:

«Симпозиум — соединение досуга и дискуссий, вина и интеллектуальных бесед. Его греческие корни *συν-* вместе + *posis-* пить, пировать. В Древней Греции и Риме симпозиум — пиршество, как правило, вечернее или ночное, сопровождаемое развлечениями и мудрыми беседами».

Мой друг Саша Ждан и его «Победа»

С Сашей Жданом, с которым я познакомился, когда пришел в ИРЭ в 1962 г., мы дружили много лет. Саша был на 9 лет меня старше и очень многому меня научил. Особенно я благодарен ему за то, что он пристрастил меня к путешествиям по нашей тогда ещё действительно необъятной родине. Достаточно сказать, что мы побывали с ним и в Бресте, и на Камчатке. Саша был очень целеустремлённой и страстной натурой. Моя мама после того, как она вместе с нами побывала в байдарочном походе по Карелии, называла его Стенькой Разиным, что было очень точно. Сашина

целеустремлённость проявлялась в частности в том, что он, еще будучи младшим научным сотрудником, поставил себе задачу приобрести автомобиль «Победа». «Победа» в те времена, в середине 50-х годов, соответствовала уровню зарплаты профессоров и полковников, а при зарплате младшего научного сотрудника была практически недостижима. Тем не менее Ждан сумел купить «Победу», зарабатывая самыми разными способами: он и ездил по деревням в качестве фотографа, и подрабатывал на лыжной станции, ремонтируя лыжные крепления, и сдавал донорскую кровь, и уж не знаю ещё как. И достиг своей мечты — приобрел новенькую светло-коричневую «Победу». И, естественно, стал катать на ней девушек. Симпатичный, спортивный молодой человек, да еще с «Победой», пользовался большим успехом у девушек. И вот Саша рассказывал: «Прокатишь её, бывало, с ветерком по улицам, выедешь за город, она вся проникнется, заедешь в лесочек — ну там поцелуйчики и всё такое. Но, когда дойдет до самого интересного, возникали технические трудности. Чтобы создать подобие ложа, надо было выйти обоим из машины, откинуть спинку переднего сидения, сдвинув его к рулю. Всё это занимало некоторое время. Многие девушки за это время остывали, поправляли прическу и говорили: «Женись на мне или вези обратно в город!» Одним словом, конечная цель прогулки не всегда достигалась. И, будучи натурой целеустремлённой, Саша задумался, как приблизиться к стопроцентному результату. И додумался. Поколдовал немного над чертежами, заперся на два дня в гараже, что-то пилил ножовкой, шкворил напильником и сверлил дрелью. В итоге около рычага ручного тормоза возник ещё один неприметный рычаг. «Приезжаешь, значит, опять с красоткой в лесок и в самый ответственный момент, когда она, будем говорить, созрела, дёргаешь за этот рычаг — и оказываемся в нужной позиции». И было достигнуто почти 99 процентов, как на выборах в то славное время.

Вот этот недостающий 1 процент и стал причиной Сашиней первой женитьбы.

Как надо дамам целовать ручку

Знакомый моих родителей Юрий Владимирович Николаев отличался умением целовать дамам ручку, Вообще этот светский обычай ещё полвека назад был распространён в интеллигентных кругах, но Ю.В. делал это как-то особенно, исхитряясь одновременно смотреть даме в глаза, что все замечали. И однажды он за столом рассказал, как он приобрёл это умение. Революция 1917 г. застала его, когда он был гардемарин, то есть служил на Балтийском флоте после окончания Морского кадетского корпуса. Как я понимаю, гардемарин — это ещё не офицерский чин. И после революции звание гардемарина было отменено, и Ю.В. «автоматом» стал краснофлотцем. А тут произошло следующее. Как мы знаем первым государством, которое признало Советскую Россию, было королевство Афганистан (справка: дипломатические отношения установлены с РСФСР в 1919 году). И король-шах Афганистана со своей королевой приехали с визитом в РСФСР. Кем-то было решено, что в рамках программы визита королевская чета должна была посетить один из кораблей Балтийского флота, и этим кораблем оказался корабль, где служил Ю.В. По ритуалу, царственные особы должны были пройти по верхней палубе вдоль строя краснофлотцев, и каждый из них должен был поцеловать королеве ручку. Поскольку далеко не все краснофлотцы были из гардемарин, а многие только недавно были рекрутированы из деревень, было решено обучить их ритуалу целования ручки. Тут-то и было краснофлотцам разъяснено, что надо подносить ручку дамы к губам и при этом смотреть ей в глаза. Обучение проводил боцман — с хорошей выслугой лет, обветренным лицом и седыми усами. Он шёл вдоль строя, и каждый краснофлотец делал шаг вперёд для поцелуя руки — и так, пока не была достигнута чёткость и синхронность. Ю.В. больше всего запомнилось, что боцман для поцелуя протягивал сжатый кулак багрового цвета, намного более широкий, чем голова того же Ю.В.

Но зато выучка оказалась, как мы убедились, на всю жизнь.

Как я сделал свою сестру Лену известным скульптором

Моя двоюродная сестра Лена сейчас — известный скульптор — Елена Владимировна Мунц. Она много чего наваяла, но широкая известность пришла к ней после того, как она совместно с Д. Шаховским сделала памятник Осипу Мандельштаму в Старосадском переулке. После этого она ещё поставила памятник Б. Пастернаку в Перми и вообще стала востребованной. Но я считаю, что основу её творческого пути заложил я. А дело было так. В конце войны мы жили большой семьёй в двухэтажном деревянном доме на Ленинградском шоссе, неподалёку от метро «Динамо». Из детей нас было двое. Мне было шесть лет, а Ленке — 5. Дом был с печным отоплением. И вот я однажды взял хороший ком пластилина, разогрел его немного в печке и влил Ленке в косичку. Ленке пришлось очень долго ликвидировать последствия этого моего поступка, время подумать было.

Мне кажется, что тогда-то она и решила стать скульптором.

Княгиня из Некоуза

Последние двадцать лет мы проводим лето в деревенском доме по адресу: Ярославская область, Некоузский район, поселение Веретя. Будете в наших местах, заезжайте — ул. Сиреневая д. 5. Как вы поняли, городишко Некоуз — районный центр. И вот рассказывают, что когда началась перестройка, открылись границы и многие из «бывших», осевшие на Западе и мучимые ностальгией, стали приезжать в родные места. Даже было создано общество «Дым отечества». В Некоузе тоже объявилась княгиня Магалева, проживающая в Париже и возжелавшая не только

посмотреть милые сердцу места, но и давшая понять, что готова финансово помочь возрождению родного края. Сами понимаете, принимали её по высшему разряду. Возили по всей местности, и она ещё больше укрепилась в своих спонсорско-меценатских намерениях. Под конец пребывания княгини был, как водится, местными властями устроен заключительный банкет в «Белом доме», и уж хозяева, конечно, расстарались, выставили что бог и другие источники послали. Упор был сделан на местные дары — волжскую рыбу разного приготовления, соленья и квашения и т.д. Конечно, хозяева втайне рассчитывали на инвестиции со стороны княгини. Всё шло хорошо, тосты с обеих сторон текли рекой. Спиртное было припасено впрок. Как пила княгиня, история умалчивает. По окончании банкета у княгини возникло одно естественное желание, о чём она и дала хозяевам понять. И тут произошло нечто странное. Началась какая-то суета, забегали тётки с ведрами, и, наконец, княгиню препроводили к какой-то двери и вручили от неё большой ключ. Когда княгиня вошла внутрь помещения, где стоял унитаз и висел непочатый рулон туалетной бумаги, она увидела два ведра с водой и по некоторым признакам поняла, что этими удобствами давно не пользовались. Справившись с задачей и выйдя к хозяевам, она деликатно поинтересовалась: «А как вы-то обходитесь?» Тут выяснилось следующее: все сотрудники мужского пола по малой нужде ходят в городской парк через дорогу, где стоит белый гипсовый Ленин с поднятой рукой. «Дамы» ходят по домам, благо городишко небольшой и все живут неподалёку. А глава администрации, которому, естественно, дорого время, выходит через чердачное окно на крышу, справляет нужду, а дальше дождь, ветер и другие составляющие стихии делают своё дело. Княгиня была сильно поражена и дала понять, что пусть родной край ещё немного повозрождается без её помощи, и уехала в свой Париж. Больше о ней слышно не было. Справедливости ради надо сказать, что сейчас, когда я прихожу в «Белый дом» за какой-нибудь справкой и пользую места общего пользования, всё не только сверкает

кафелем и пластиком, но и водопровод работает. Только чуть-чуть подтекает бачок.

Но ведь это такие мелочи по сравнению с разительным прогрессом.

Ленин и Сталин. Место в истории

Когда в середине 70-х годов умерли родители моей жены Наталья — а надо сказать, что прожили они вместе более 50 лет и умерли с разницей в четыре дня, — пришла пора Наталье со старшим братом Володей делить оставшееся движимое имущество. Всё было сделано очень цивилизованно: они несколько дней ездили на квартиру родителей, садились за большой обеденный стол, выставляли на него более менее равноценные предметы, допустим вазочку и графинчик, и принимали решение, что кому. Всё шло без конфликтов. И вот однажды Наталья говорит мне: «Завтра будем делить книги. Там среди прочего получается с одной стороны Большая советская энциклопедия второго издания (1949-1958), а с другой стороны — собрания сочинений Ленина и Сталина. Выбираем, конечно, энциклопедию?» Но я от кого-то слышал, что за собрание сочинений Сталина грузины дают большие деньги, порядка стоимости «Жигулей». Машины у нас тогда не было из-за отсутствия средств — и тут вдруг открывался счастливый шанс. И я говорю Наталье: «Берём Ленина и Сталина» — и объясняю почему. Наталья прониклась аргументацией и назавтра объявила о нашем выборе, не выдав, конечно, мотивировки. Надо сказать, что Володя был очень удивлён, поскольку он был коммунистом, работал в Генштабе в чине полковника, а я беспартийный кандидатишка, фигура не очень солидная и даже с диссидентскими оттенками. Но Володя ничего не сказал, и через некоторое время Ленин и Сталин переехали в нашу квартиру, а я начал искать покупателей на Сталина. Начал я с аспирантов из Грузии, находящихся в нашем институте в так называемой «целевой»

аспирантуре. Они не заинтересовались. Потом я вышел на знаменитого философа Мераба Мамардашвили — кстати, он родился в Гори, так что логику мою вы можете уловить, — Мераб тоже не заинтересовался. Я даже нашёл возможность поехать в командировку в Тбилиси, предлагал знакомым и даже ходил там на центральный рынок, любуясь грудями фруктов и овощей и робко предлагая продавцам свой товар. Опять облом. Наконец, я докатился до того, что останавливал голосованием грузовики, на лобовом стекле которых красовались портреты вождя. В конце концов, изверившись в замысле и потеряв надежду разбогатеть, я пошёл в букинистический магазин на Преображенке. Приёмщица мне сказала: «Ленина не берём, Сталина — по номиналу». А номинал — цена, проставленная на каждом из 14 томов, — составлял 74 копейки.

Вот я иногда и думаю: какое место в истории займут Ленин и Сталин? Какой у кого из них номинал?

Летающая лодка

Как известно, во время Великой отечественной войны в нашу страну поступало из США много разного вооружения и снаряжения по так называемому «ленд-лизу». В том числе американцы поставляли нам гидросамолёты «летающие лодки» — с названием не то «Каталина», не то «Номад». Эти самолёты перегоняли к нам на Чукотку американские американцы, а дальше уже летели наши лётчики. В тех местах лётная погода выдается не очень часто, что я знаю по своему опыту, побывав на Камчатке, поэтому наши лётчики иногда подолгу сидели и ждали разрешения на вылет. А что остается делать русскому человеку, когда сидишь и ждёшь погоды? Правильно: пить! Благо со спиртом было хорошо. Хуже было с закуской. И вот наши лётчики обнаружили на этих самолетах банки с консервами, снабжённые красивыми этикетками, но на банки с тушёнкой непохожие. Что на этих этикетках написано, прочесть никто

не мог, английский тогда мало кто знал — в школах до войны в основном учили немецкому, как языку потенциального противника. Открыли одну из банок, попробовали содержимое, и как закуска оно оказалось подходящим — что-то желеобразное, розовое с кислинкой. В общем, пошло! Сидят, выпивают, закусывают, ждут метеосводки. Всё неплохо. Через некоторое время нашёлся и переводчик с английского. Попросили прочесть надпись на этикетке, и оказалось — это консервированные черви для наживки при рыбалке. На случай вынужденной посадки на воду гидросамолёты снабжались удочками, ну и наживкой!

Вот такая бывает закуска, а вы всё: «Плавленый сырок, плавленый сырок!»

Метро: редиска-мальчик

Как-то я ехал днём в метро по арбатско-покровской линии. Народу было не битком, но свободных сидячих мест не было. Рядом со мной сидел стриженный мальчик лет десяти, а за ним — какой-то насупившийся мужчина. В районе станции «Измайловская» в вагон вошла пожилая женщина с двумя тяжёлыми сумками. Она огляделась в поисках свободного места, видит, мест нет, подошла к моему мальчику-соседу и сказала: «Мальчик, не уступишь ли мне местечко?», что показалось мне естественным. К моему удивлению, мальчик, вместо того, чтобы встать и уступить место, показал надпись за своей спиной «Места для инвалидов и пассажиров с детьми». Женщина растерялась, а во мне как будто что-то вскипело от такой наглости, я вскочил с места, схватил мальчика за руку и яростно сдёрнул с сиденья, примерно как вытаскивают редиску из грядки — даже, как мне показалось, с каким-то чмокающим звуком. Женщина не успела сесть, как вдруг сидевший до этого молча рядом с мальчиком мужчина, довольно провинциального вида, вдруг вскочил и, выпятив грудь, стал насккивать на меня по петушиному с возгласом: «Какое право ты имеешь трогать моего сына?» — то

есть он оказался отцом мальчика. Я начал, брызгая слюной, ему внушать касательно «уступай место старшим». Тут происходит следующее: все пассажиры вагона разделились на два лагеря — одни на моей стороне, другие на стороне разгневанного отца. И тут вдруг отец мальчика совершенно меняет тон и начинает мне жалостливо объяснять, что они приехали с сынишкой в Москву к родственникам, а тех не оказалось дома, они с сыном вторые сутки не знают, где преклонить голову, и вот в метро увидели спасительную табличку о местах для пассажиров с детьми.

Я совершенно остыл, мне стало стыдно за свою распалённость, и с тех пор я никогда не вмешиваюсь в уличные происшествия. Ну их к чёрту! Кто из них прав, кто виноват? Пусть сами разбираются!

Младший брат

В начале 80-х годов мы очень активно сотрудничали со странами народной демократии в области автоматизации научных исследований. И часто ездили к «демократам», а они — к нам. Должен сказать, что ездить гораздо приятней, чем принимать у себя, поскольку принимать — дело хлопотное. Да что говорить — я думаю, объяснять не стоит. Особенно приятно было ездить в Болгарию: всё-таки это по-настоящему братский народ, язык более-менее понятный, и отношение дружественное. И вот однажды в Пловдиве происходила приёмка одного машинного комплекса, была создана комиссия, которая изучала документацию и проводила испытания. И случилось так, что я был назначен председателем комиссии. После первого заседания первого её заседания, когда программа испытаний была утверждена, и комиссия приступила собственно к работе, директор этой организации Любомир Антонов говорит мне: «Прошу пройти со мной!» Надо, так надо. Мы поднимаемся на другой этаж и останавливаемся перед дверью с надписью «Партийный комитет». Директор отпирает дверь, пропускает меня вперед, и я вижу обстановку, очень похожую

на наши парткомы. Ну, всё понятно — младший брат. А мебель такая: большой письменный стол с графином и стаканами, напротив — чёрный кожаный диван, а рядом со столом — стеной шкаф с партийной литературой. Против стола на стене, конечно, портрет тогдашнего партийного лидера болгар Тодора Живкова. В этой казённой обстановке выделяются два предмета возле стола: картонная коробка с 6-ю бутылками коньяка «Солнечный берег» и коробка с бутылками минеральной воды. Я спрашиваю: «Это так полагается?» — «А как же! Вы же председатель комиссии! Работайте». Ну, полагается, так полагается. Директор откланивается и уходит, а я остаюсь в кабинете. Ну, сначала я налил немного коньяку и, поклонившись Тодору Живкову, выпил, потом запил минералкой. Что дальше делать? Прилёг на диван и немного полежал в раздумьях о том, что председателем комиссии быть неплохо, хотя и большая ответственность. Хорошо бы ещё принимаемый комплекс оказался работающим! Минут через десять лежать надоело, и я подошёл к шкафу с литературой. Вытащил наугад один журнал, похожий с виду на наш «Коммунист». Читаю на обложке: «Живот народа — грыжа партии!» Я сначала обомлел, а потом понял: по-болгарски «живот» — это «жизнь», а «грыжа» — «забота». Но как точно сказано! Пришлось ещё хлебнуть коньяку, чтобы успокоиться.

До сих пор жалею, что я тот журнал не прихватил с собой.

Мои первые шорты

В конце пятидесятых годов я, перейдя на второй курс физфака МГУ, поехал отдыхать в Коктебель на базу отдыха Дома учёных. Конечно, это всё было организовано моим отчимом, членом Дома учёных. В Коктебеле я щеголял в роскошных шерстяных шортах с обшлагами. Шорты тогда носили только самые «продвинутые», достать их было очень трудно — тем более, такие модные, шерстяные. А история этих шортов такова. Когда мы поступили в МГУ, я пользовался большим

авторитетом среди моих новых товарищей, которые приехали из разных городов нашей тогда действительно необъятной родины, как москвич, знакомый со столичными порядками. Я этим немного пользовался и иногда малость блефовал. Так вот, однажды на перемене, когда мы прохаживались по коридору с приехавшим из Баку Салимом, с которым мы дружим и по сегодняшний день, мы подошли к стоящему на полу в красном фанерном ящике огнетушителю. Я говорю Салиму: «Ты думаешь он заряжен?» Салим посмотрел на висящую бирку и говорит: «Да вот написано “Проверено”». — «И ты этому веришь?» Далее, подняв спортивным движением правую ногу, я сильно стучаю по торчащей «пипке», которой, если верить рисунку на огнетушителе, нужно стукнуть огнетушитель об пол при необходимости. Я, конечно, не был уверен в своей правоте, но, к моей гордости, вижу, что ничего не произошло, пена, как нарисовано в инструкции, не идёт. Салим посмотрел на меня с уважением: мол, всё-то ты знаешь! Тут, однако, я заметил, что огнетушитель слегка зашипел и из бокового отверстия полетели какие-то плевки. Чувствуя неладное, я схватил огнетушитель, зажал пальцем отверстие и помчался в ближайший мужской туалет. В это время зазвонил звонок с перемены, из-под пальца начали в разные стороны пшикать белые пенные струйки. Ворвавшись в туалет, я направил струю в ближайший писсуар, который быстро наполнялся шапкой пены. Я шагнул к следующему писсуару, и его мгновенно наполнив пеной. Потом — к третьему и четвёртому. К этому моменту в первом писсуаре «шапка» опала, и я вернулся к нему, поскольку напор хотя и ослаб, но не иссякал. И так далее. В это время я заметил, что в кабинках произошло какое-то движение, и из них повыскакивали почувствовавшие неладное люди, на ходу застёгивая штаны. В конце концов, огнетушитель иссяк, я отнёс его на место, вошёл в аудиторию и, извинившись перед преподавателем, сел на задний ряд, вытирая пот со лба. Опустив глаза на свои колени, я увидел, что обе штанины чуть выше колен аккуратно будто прошиты дырочками и безнадежно испорчены. Дома я признался маме в том, что произошло, и моя добрая мама,

вместо того, чтобы отругать меня, сказала: «А давай, мы сделаем их них шорты!». В этих шортах я и щеголял в Коктебеле.

Позже я узнал, что пена получается в результате химической реакции кислоты из разбиваемого при ударе баллончика и водного раствора щёлочи, который находится в огнетушителе. В первое время огнетушитель плевался ещё не успевшей прореагировать кислотой.

В общем, учите химию и основы пожаротушения, а главное — не задавайтесь.

На спектакле «Дубровский»

Лет 15 назад я (в очередной раз) решил расширить образование внука Саша. Саше было в то время лет 7-8, и я повёл его в театр им. Пушкина, что на Тверском бульваре, на утренний спектакль «Дубровский» по Пушкину. При подходе к театру мы увидели несколько припаркованных автобусов. Как стало ясно, это привезли детишек из разных мест Подмосковья, чтобы ознакомить с творчеством Пушкина. Слабоуправляемые сопровождающими мамами дети носились по лестницам, съезжали по перилам, вызывая зависть у моего внука, которого я ограничивал в свободе передвижения. Один налетевший на меня пацан выкрикнул: «Дяденька, где здесь столовая?» — и умчался в направлении показанной мной таблички со стрелкой «Буфет». Вскоре зазвонил звонок, все юные зрители после третьего звонка расселись после известной суеты по местам, и погас свет. Когда открылся занавес и на сцене мы увидели развесистый дуб и Дубровского, из всех концов зрительного зала протянулись десятки красных лучей от лазерных указок в руках зрителей, норовя попасть в глаз нашему герою. Дубровский зажмурился и заметался по сцене, стараясь, как самолёт, уйти из скрещения прожекторов. Сопровождающие мамы зашипели, и указки погасли. Далее началось действие. Оказалось, что в постановке декоративный развесистый дуб, в дупло которого

Маша должна была положить кольцо, подав сигнал Дубровскому, был единственным реквизитом спектакля. В разных сценах дуб поворачивался к зрителям разными сторонам, изображая, то стол, то клавесин, что затрудняло восприятие спектакля. Вторая трудность восприятия гениального произведения заключалась в том, что из каких-то соображений исполнителей в спектакле было меньше, чем ролей, то есть один актёр играл роли нескольких действующих лиц. Заглянув в программку, я в этом убедился. Дети, которые в программку смотреть не удосужились, не очень понимали who is кто. Особенно было трудно разобраться, потому что один и тот же актёр играл и князя, за которого насильно выдали Машу, и рыжего мальчишку, которому Маша поручила положить кольцо в душло. Дети после спектакля разъезжались довольные проведённым временем, буфетными бутербродами и пирожными, а уж что они вынесли из просмотра спектакля, не знаю.

Что касается моего внука Сашки, он с трудом закончил школу и к настоящему времени сменил много профессий.

Рассказ Аркадия Ивановича (О социалистическом реализме)

Мой друг Аркадий Иванович рассказывал, что он проходил действительную военную службу на Черноморском флоте в самом начале 50-х годов. И занимались они тралением и уничтожением морских мин, которые, оказывается, ещё оставались с военных времён. А.И. служил хорошо, был отличником боевой и политической подготовки, уже вышел приказ о демобилизации, и А.И. с нетерпением ждал, когда отпустят. И вдруг приходит на тральщик радиogramма: «Всех отличников боевой и политической подготовки, подлежащих демобилизации, согласно Приказа такого-то, собрать на рейде Гурзуфа такого-то числа к такому-то часу 00 мин». И вскоре подошёл к тральщику адмиральский катер, А.И.

спустился в него с вещмешком, и катер доставил его на корабль, стоящий на рейде г. Гурзуфа. Тут всех прибывших построили на палубе, и адмирал объявил им: «Товарищи краснофлотцы! Как вы знаете из политинформации, в столице нашей родины — Москве, — на Ленинских горах строится новое здание Университета им. М.В. Ломоносова, где будут учиться лучшие представители нашей замечательной молодежи, в основном медалисты, приехавшие со всех концов страны. И партия и правительство приняли решение, чтобы украсить здание картинами. И лучшие художники нашей страны напишут прекрасные картины, в том числе из жизни военных моряков, и на этих картинах будете изображены вы — отличники боевой и политической подготовки, — чтобы студенты вдохновлялись лучшими примерами и учились только на хорошо и отлично. То есть вам оказана честь! Это ваше последнее воинское задание в вашей действительной службе! Выполняйте!»

«После этого нас всех доставили на берег и поселили в доме творчества художников, находящемся в Гурзуфе. И целый месяц мы там жили, и это был, пожалуй, лучший месяц в моей жизни. Чистый рай! Мы позировали для картин по несколько часов, у нас было трёхразовое питание в столовой дома творчества. И питание сильно отличалось от флотского, которое было сытным, но отнюдь не изысканным. За каждым столом сидели 3 краснофлотца и 1 художник, и, кроме того, на столе всегда стояла бутылка красного вина! Я ж говорю — чистый рай! А главным художником был академик с очень красивой фамилией — Соколов-Скаля! И через месяц нас поблагодарили за службу и мы разъехались по родным домам».

Надо сказать, что А.И. в то время, что мы были с ним знакомы, не блистал, на мой взгляд, красотой, но поскольку я сам учился в МГУ на Ленинских горах, то вспомнил, что действительно в помещениях висели картины. Особенно мне запомнилась одна в центральном здании в одном из холлов, где ректорат и т.д.: яркий, солнечный день, на заднем фоне — синее море, на палубе корабля стоит в белоснежной

форме генералиссимуса т. Сталин и, видимо, произносит речь, а краснофлотцы окружили его и заворожённо слушают. А один забрался на ствол крупнокалиберного башенного орудия, как-то весь извернулся и смотрит т. Сталину в рот. Может, это и был А.И.?

Теперь вы поняли, как и для чего создавались произведения социалистического реализма. Правда, учился я в МГУ почему-то средне!

Учите языки

Моя мама всегда говорила мне: «Учи языки! Всегда пригодятся».

И хотя сил да средств было потрачено на меня немало, но, видно, я не слишком способный к языкам. А когда я взрослым прочёл книгу В.М. Бережкова «Как я был переводчиком Сталина», я понял, насколько мама была права. Однако я приведу более скромный, но наглядный пример. Когда у моего дяди Володи в 1950 г. родилась дочь Ольга, то есть моя двоюродная сестра, было решено снять на лето дачу. И дядя Володя вместе с тёщей поехал по ранней весне снимать дачу в район Измайлово — примерно, где сейчас громоздится Измайловский гостиничный центр. Теперь это кажется смешным, а в те времена в парке были разбросаны деревянные дачки, добираться из центра было несложно. Дядя Володя с тёщей обошли много участков, но всё безуспешно: везде хозяева отвечали, что, мол, у нас каждый год приезжают одни те же жильцы и комнат нет. Когда подошли к последней даче, тёща уже устала и, видя безнадежность ситуации, сказала: «Вы идите, а я подожду у калитки». Дядя Володя прошёл от калитки по тропинке к даче, и на стук вышла хозяйка, довольно интеллигентная дама, далеко не первой молодости. На вопрос «Не сдадите ли комнату?» — она тоже ответила, что всё сдано. Дядя Володя посетовал на неудачные попытки, и, поскольку хозяйка была интеллигентной, завязался небольшой разговор. Тут дядя Володя спохватился

и сказал: «Извините, мне надо идти, там меня у калитки ждёт бельмер» (поясняю: тёща по-французски «belle-mere»). И тут хозяйка всплескивает руками и восклицает: «Господи, я этого слова не слыжала с 17-го года! Я вам уступлю свою комнату!» И сдала чудесную светлую комнату с терраской, и выдала ключ от сортира. Что такое «сортир» пояснять не буду, хотя это слово тоже французского происхождения, но хорошо всем известно из высказывания В. Путина: «Будем мочить в сортире».

И всё же — учите языки!

Бассет

Кто не знает, бассет — это такая порода собак. В Википедии написано: «Бассет-хаунд — порода собак по 6-й группе МКФ. Теории происхождения бассетов различны. Название породы происходит от 2 слов: bass — низкий и hound — гончая. Страна происхождения — Великобритания». А кто не видел — они похожи на сильно раскормленных такс, уши почти до самой земли. В одном старом французском фильме героине полицейский помогает перенести бассета через улицу с оживлённым движением, притом она несёт переднюю часть собаки, а полицейский — заднюю. Очень смешно. Так вот, в восьмидесятых годах этих собак было всего по пальцам пересчитать, а один мой знакомый загорелся желанием завести бассета. Он созвонился со своим приятелем-соотечественником, осевшим каким-то образом в Париже, и попросил прислать ему собаку этой породы. По тону приятеля было ясно, что он немного удивился этой просьбе. Знакомый говорит: «Я, конечно, расплачусь, может, не сразу». — «Да, ладно, пустяки!» — и повесили трубки, поскольку междугородние разговоры стоили немало. Это не то что сейчас — болтай по скайпу сколько влезет. Как говорится в сказках: «долго ли, коротко ли», но звонит теперь уже приятель из Парижа и называет дату и номер

рейса — встречай, мол. И мой знакомый в назначенный срок приезжает в Шереметьево и ждёт с нетерпением будущего питомца. Через некоторое время вносят клетку, и мой знакомый с ужасом видит, что в клетке сидит дворняга жуткого вида, которых у нас вокруг помоек множество бегают и греются на солнышке. Ну, что делать? Привозит на своих «Жигулях» этого пса домой и первым делом заказывает разговор с Парижем: «Ты кого мне прислал?» — «Кого просил, того и прислал!» — «А кого я просил?» — «Ты просил бастарда, я ещё переспрашивал... Я и прислал!». Справка: бастард — 1. внебрачный, побочный ребёнок; 2. (груб.) ублюдок, подонок, скотина». Дворняжек иностранцы иногда называют бастардами.

И снова скажу: учите языки!

На балете «Ромео и Джульетта»

Есть у меня давняя и, будем говорить, очень хорошая знакомая. И вот в где-то в восьмидесятых годах она решила сделать очередную попытку приобщить меня к прекрасному. И повела меня на балет «Ромео и Джульетта». Всё было замечательно, моя знакомая сидела, как замороженная, я тоже старался проникнуться. Неизбежно наступил антракт, во время которого зрители могли в фойе выпить шампанского. Сразу выстроились длиннющие очереди, стали и мы. Звонки, извещающий о конце антракта и приглашающий в зал, прозвенел ровно в тот момент, когда подошла наша очередь и была открыта бутылка. Мы успели выпить по одному бокалу, и надо было решать, что делать — не оставлять же! Подруга говорит: «Возьмём бутылку с собой, и я буду держать пальцем горлышко». Имея некоторый печальный опыт, я говорю: «Смотри! Шампанское — дело опасное!» — «Не бойся!». Пошли в зал, сели на свои места, подруга поставила бутылку себе

на колени. Начинается самая душеспитательная сцена: Джульетта возлежит на смертном ложе, а Ромео танцует вокруг неё. Даже меня пробрало! А что говорить о подруге! Замороженная зрелищем, она всё крепче прижимает к себе бутылку и ослабевает хватку горлышка. Тут происходит то, что должно было произойти по законам физики: нагретое от тесного объятия шампанское выстреливает в затихшем зале, перебивая бессмертную музыку Петра Ильича Чайковского. Джульетта рывком садится на смертном ложе и в испуге вертит головой, а Ромео делает пять лишних незапланированных фуэте. Соседи спереди облиты брызгами шампанского. Нам пришлось под презрительные и осуждающие взгляды присутствующих покинуть с позором зрительный зал. В прежнее время могли бы побить камнями — и заслуженно.

С тех пор я всегда стараюсь на подобные мероприятия носить с собой фляжку с менее взрывоопасными напитками.

Сухари на случай войны

Мне пришлось спать на антресолях в мастерской нашей квартиры на Садово-Кудринской в начале 50-х годов, когда шла война в Корее и велись разговоры о третьей мировой войне. Мама, наученная блокадным опытом, решила подготовиться. Во время блокады были две основные беды, взаимно усиливающие друг друга: голод и холод. И мама купила мне тёплое зимнее пальто «на вырост» на ватине с каракулевым воротником. Я всячески сопротивлялся и не хотел его надевать, поскольку для игр во дворе оно было крайне жарким и неудобным. Так оно и провисело в шкафу много лет. Насколько я помню, я его надел один раз впоследствии на зимнюю рыбалку. В качестве второго шага мама и бабушка засушили чёрные сухари, сложенные затем в большую наволочку, которая была потом повешена

возле моего изголовья на перилах антресолей. Сухари вкусно пахли. И вот по прошествии двух-трёх месяцев я, как-то проснувшись ранним утром, услышал в тишине спящей квартиры странные звуки, какое-то шуршание. Приподнявшись и повертев головой, я понял, что шуршание исходит из наволочки. Когда проснулись взрослые, я, конечно, сообщил им о странных звуках. Наволочка была развязана, и внутри были обнаружены копошащиеся среди сухарей черви. Видимо, сухари были недосушенные, и их пришлось выбросить.

К счастью, третья мировая война так и не была в то время развязана. Но не пора ли сушить сухари?

Фефины воротнички

Для большинства читателей нынешнего поколения эта история покажется из области историй про мамонтов — однако это было. Ещё в пятидесятые годы 20 века мужчины носили рубашки с пристяжными воротниками и манжетами, которые пристегивались запонками. То есть предполагалось, что мужчина носит одну и ту же рубашку несколько дней подряд, а свежие воротнички и манжеты каждый день пристёгиваются новые, и тем самым данный гражданин имеет вполне культурный вид. Всё это было порождением тех времён, когда стирка представляла собой проблему, как и горячая вода — да водопроводная вода вообще. Стоит сказать, что тогда профессия прачки была одной из самых распространённых. Однако к середине века в больших городах все эти проблемы были решены, и тем самым рубашки с пристяжными воротничками ушли в прошлое. Куда делись сами рубашки, сказать не могу, но мне достались штук десять очень красивых и жёстких воротничков от разных рубашек. Отправляясь в школу, я заправлял за ворот трикотажной безрукавки очередной

воротничок и выглядел очень аккуратным и ухоженным. Это сказало на отношении ко мне учителей, потому что, как известно, учителя во все времена любят ухоженных детей, видят, что родители следят за внешним видом ребенка, одевают каждый день в свежую рубашку, и учителя тоже уделяют повышенное внимание такому ученику. В общем, мои школьные дела пошли в гору, что сказало и на успеваемости. Правда, возникла одна трудность: при неизбежных у школьников потасовках во время перемен эти воротнички, никак не закреплённые, вылезали из-за ворота безрукавки, выдавая фальшивость ситуации.

Тем не менее я входил в актив класса.

Как я не стал поэтом-песенником

В конце 60-х — начале 70-х годов мы жили с женой Натальей около Преображенской площади в кооперативном доме Союза композиторов. И там я подружился с молодым композитором Володей Пикулем. Он был примерно моим ровесником и учеником знаменитого Тихона Хренникова. Кстати, я получил квартиру в этом доме благодаря ходатайству Хренникова, так что нам с Володей было о чём поговорить. И мы, естественно, иногда вечером выпивали по маленькой. Это было то время, когда началась добыча тюменской нефти, и по радио и ТВ все время шли передачи на эту тему. По ТВ показывали, как начинает бить нефтяной фонтан и счастливые парни мажут себе физиономии нефтью. Общая мораль передач заключалась в том, что в нашей стране можно прославиться простым советским людям, если упорно трудиться на пользу своей родины. Я в то время уже пописывал стихи. И вот, наслушавшись этих передач, я при очередной нашей встрече предлагаю Володе: «А не написать ли нам с тобой песню “Нефтяные короли”»? Володя воскликнул: «Гениально! Завтра пойду подавать заявку на песню! Работай над текстом!»

Вечером следующего дня он звонит мне и грустно говорит: «Я принёс заявку, но оказалось, что уже лежат семь заявок на песню с таким названием». Впоследствии Кобзон пел песню «Нефтяные короли» на музыку Э.С. Колмановского и слова М.С. Пляцковского. Первый куплет звучит так:

Залило водою кедры, видно, леший куролесит,
Нипочём кругом не сыщешь ни клочка сухой земли.
Мы не где-то проживаем, а в таёжном королевстве,
И не кто-нибудь — мы сами нефтяные короли.

Где уж нам тягаться! Володя, несмотря на нашу неудачу, стал известным композитором. Согласно Википедии, им написаны 2 симфонии, оратория «Во славу Отчизны», сюита «Палехские картинки». Его перу принадлежат сочинения для фортепиано (среди них «Три прелюдии и фуги»), баяна, фагота, балалайки, свыше 50 песен, а также произведения для детей и юношества.

Но я так и не стал поэтом-песенником. А комплекс неполноценности остался.

Крест с Преображенского кладбища

Этот случай тоже произошел в те далёкие 70-е годы, когда мы жили около Преображенской площади. Наш дом стоял около Преображенского староверческого кладбища. Как-то летом, когда жена с сыном были на даче, ко мне заехал мой друг детства Толик Чухнов. Ну, как водится, выпили и пошли погулять перед сном. На улице было прекрасно, настала ночная прохлада, и по небу плыла огромная луна. Мы дошли до кладбища. Надо сказать, что Толик всегда имел какую-то на мой взгляд слегка патологическую тягу к кладбищам. Тут он тоже сказал: «Давай найдём!». — «Ну давай, так давай». Почему-то мы беспрепятственно вошли

в кладбищенские ворота и стали бродить между могил. И тут Толик увидел, что около кладбищенского забора стоит железный крест, видимо, бесхозный. Толик говорит: «О! он мне нужен! Давай возьмём». Хотя у меня это не вызвало никакого энтузиазма, но желание друга — закон, и мы ухватили крест, который оказался очень тяжёлым, и понесли ко мне домой. Втащили крест по лестнице на 4-й этаж в квартиру, ещё «добавили» и легли спать. Утром, протрезвившись, Толик заспешил на работу, сказав: «На днях заберу!» Дружба есть дружба! Крест остался у меня в однокомнатной квартире. Вскоре выяснилось, что он создаёт большие неудобства. В вертикальном положении он всё время на скользком паркете норовит упасть, если бы это произошло, урон мог быть очень большой — так как крест огромный и металлический. Поэтому я его положил посреди комнаты, что тоже было крайне неудобно: всё время боишься споткнуться. Да и моральные неудобства: как объяснять соседям, если вдруг зайдут, не говоря уж о том, что гостей не позовёшь. Толик же напрочь пропал, домашний телефон не отвечал, на работе говорили «пока нет», а о мобильных телефонах мы тогда и не слыхивали. В общем, я дня два — три потерпел и решил от креста избавиться. Тоже ночью, чтобы никого не встретить, после полуночи я вытащил его из квартиры, пыхтя спустил по лестнице, вынес из подъезда, взвалил на плечи и понёс в сторону кладбища. Снова царил ночная прохлада и по небу плыла всеведущая луна. Подтащив крест к глухому кладбищенскому забору, примерно к тому месту, где мы крест взяли, я положил его нижнюю часть на забор, продвинул как можно дальше, чтобы центр тяжести оказался за забором, толкнул крест за забор и повернулся, чтобы идти домой. Инстинктивно я ожидал, что крест глухо стукнется о землю по ту сторону забора, а этого удара не услышал. Я обернулся, и по моей спине пробежала дрожь. Крест тихо покачивался над забором! Вихрем пронеслись какие-то мысли, подобные тем, что возникали в детстве, когда бабушка читала повесть Гоголя «Вий».

И я, что называется, рванул к дому. Ну, ясно: мертвецы подхватили украденный у них крест и сейчас нагонят меня! Однако материалистическое мышление победило — всё-таки к тому времени я сдал кандидатский экзамен по марксизму-ленинизму, — я остановился и решил выяснить, что произошло на самом деле. Я вернулся, вскарабкался на забор и понял, в чём дело. Крест для прочности установки имел раздвоенный нижний конец. А по ту сторону забора была натянута колючая проволока, крест «сел на неё верхом», проволока пружинила и заставляла крест покачиваться. Я успокоился.

В общем, диалектический материализм — полезная вещь.

ПУБЛИЦИСТИКА

Моя семья во время войны

Посвящается моим родным, которые
сделали всё, чтобы я остался жив.

Я родился в Ленинграде 18 января 1939 г., а выехали мы по Ладожскому озеру, по «Дороге жизни», в апреле 1942 г. на одном из последних грузовиков. Надо сказать правду, что мои личные воспоминания, конечно, отрывочные, и то, что я стараюсь последовательно изложить здесь, построено в большой степени на рассказах моих близких и материалах книги, которую написала моя, теперь покойная, мама – «Путешествие из Ленинграда в Москву с пересадками»*. И так, наша семья к началу войны состояла из четырёх человек.

Папа: Олейников Яков Алексеевич, по профессии геолог-путеец, занимавшийся всю жизнь геологическими изысканиями для постройки железных дорог. Большую часть года он проводил в «поле», в экспедициях. До войны и после войны он «строил БАМ». Людей этой специальности на фронт не брали, но, как мы понимаем, железные дороги во время войны играли роль кровеносной системы страны, и его перебрасывали на разные участки. В 1942 г. он вёл изыскательские работы для прокладки железнодорожного пути так называемой «Волжской рокады», о чём пишу ниже. И в начале блокады папы тоже не было в Ленинграде, он работал где-то в Калининской области. К началу войны отцу было 39 лет.

Мама: Мунц Наталья Оскарловна, член Союза художников, основная специализация – детские книжки. Мои родители познакомились, когда мама участвовала в экспедициях на Дальнем Востоке в должности художника. Видимо, в те времена фотография была ещё делом хлопотным и не годящимся для полевых условий. К началу войны маме было 34 года.

* С этой книгой можно ознакомиться по ссылке в конце книги (примечание редактора).

Моя единокровная сестра, то есть дочь отца от другого брака, — Людмила Яковлевна (Ляля). К началу войны ей было 13 лет.

Мне, получается, было два с половиной года.

Блокада

Мы жили на Среднем проспекте Васильевского острова, д. 25, в коммунальной квартире двухэтажного дома постройки чуть ли не «петровских времён». Когда начались тяготы блокады, мы втроём переехали к бабушке и маме (с материнской стороны) на Большой проспект Васильевского острова. Квартира находилась на пятом этаже. Я называю этаж, чтобы можно было представить, что значило в разгар блокады, когда не было электричества, не работали лифт, водопровод и отопление, таскать обессиленным от голода людям воду и дрова по лестнице на пятый этаж. Недавно я зашёл в этот подъезд, постоял немного и все это прокрутил в голове. Дедушка — Оскар Рудольфович Мунц, известный архитектор, профессор Академии художеств. К началу войны ему было 68 лет. Бабушка — Магдалина Львовна никогда не работала, до революции была «барыней», а после революции «домохозяйкой». К началу войны ей было 65 лет. С ними жил ещё сын — мамин брат Владимир Оскарович Мунц (дядя Володя), тоже архитектор и тоже преподаватель Академии художеств. К началу войны ему было 38 лет. О бабушке, маме и дяде Володе легко найти сведения в Интернете.

Когда была объявлена война, дядя Володя сразу же, 23-го июня, утром, пошёл записываться добровольцем. В военкомате, узнав о его знании языков, записали его в спецчасть и велели ждать. Потом, кажется, по линии какой-то другой своей работы он снова пошёл записываться. Там справились в списках и сказали: он состоит уже у них на учёте и просят его ждать. Тем временем в Академии художеств отправляли

студентов на рытьё окопов, и он поехал как преподаватель. Собственно, копать он и не должен был, так как был там «начальством», но таков был его характер. Наконец, дядя Володя вернулся, совершенно распухший от голода. Надо сказать, что от голода в первую очередь страдали взрослые мужчины, поскольку их организм требовал больше еды. Дальше дяде Володе было хуже и хуже, он еле ходил, но не позволял кормить себя особо. Мама жульничала, разыгрывала порции между нами, подсовывая ему большую. Потом его устроили работать механиком на хлебозавод. Ему сразу же стало лучше: он ел там корки, приставшие к поддону. Домой он приносил в носках, пристёгнутых в карманах, то, что они вытряхивали из пустых мешков, — муку с верёвками мешковины. Эту смесь просеивали на рояле, и что-то получалось. Раз дядя Володя пришёл сияющий: «Гитлер прислал вам угощение!» — и вытащил пять галок и одного воробья (по количеству едоков!), убитых бомбой во дворе хлебозавода. Вскоре всё кончилось: завод был далеко, трамваи стали. И дяде Володе пришлось только один раз прийти домой пешком — после этого он слёг. Зимой организовался стационар в гостинице «Астория». Туда взяли архитекторов — но только ходячих! Мама вспоминала: «... Я собирала туда Володю. Я мыла его. Никогда не забуду. Такое можно было увидеть потом только на фотографиях фашистских лагерей. Надели Володе папины хорошие валенки и пошли. Утром, в темноте. А на Николаевском мосту шли так: впереди Володя, сзади я, толкая его в спину (подъём!), а позади торопится, идёт, скользит, падает мама. Зачем? Не знаю, зачем она пошла. Видимо, “проводить”. В “Астории”, когда его записали и я стала снимать с него валенки для отца, он упал и встать уже не мог. Чуть-чуть всё не сорвалось: “Что такое? Он неходячий?” Лестница на верхний этаж. Темно. В этот день отключили электричество и в “Астории”. Какие-то аккуратные палочки, точно для мороженого, как лучины, у всех в руках. Окна затемнены. Крестный путь наверх! И всё-таки “Астория” спасла Володю! Ему давали там ежедневно чуть-чуть вина и сахар. После “Астории” его ещё поместили в стационар в Доме архитекторов. Оттуда Володя прислал нам записку

с незнакомой девушкой: “Ради Бога, что с вами? Об отце всё знаю”. А мы ничего не знали! Я ведь тоже уже несколько дней как лежала. Девушка сказала нам, что отец умер. Моя первая мысль: “Значит, в нашей семье это началось с отца”».

А дедушка скончался зимой в стационаре Академии художеств, куда лёг очень худой, но совсем здоровый. Это было в конце января. А в ночь со 2-го на 3-е февраля его не стало. Его накормили там гуляшом. А дома мы уже давно не видели ничего жирного, кроме мазей из аптечки, на которых поджаривали кусочки хлеба. Мама навестила дедушку раза два, а потом слегла сама. В последний раз видела его Ляля. На Смоленском блокадном кладбище есть памятник по рисунку дяди Володи. Там похоронены семь профессоров и преподавателей Академии художеств, умерших в эти самые дни. Вскоре появилась возможность отправить дядю Володю с попугачицей в Тюменскую область, в город Емуртлу, где находилась с детьми его жена Сима, работавшая там врачом. Дядя Володя терзался: как он оставит нас? Но мама уговорила его. Проводила на Финляндский вокзал. Мама пишет: «Шли, конечно, пешком. С саночками. На Большом проспекте Петроградской стороны полуживые женщины скалывали снег на панелях. Всё было в глубоких ступенях. Мы мучительно преодолевали эту часть пути: надо было то втаскивать санки, то спускать и толкать Володю. На Финляндском вокзале я провела с ним ночь и часть дня. Посадки не было, больше я не могла оставлять одних детей и маму. Благословила его — и ушла. Вот таким я его запомнила, (спутница Володина умерла в пути от тифа)».

Наверное, если бы мы жили только на карточки, умер бы не только дедушка. Но, как известно, в Ленинграде были люди, «присосавшиеся» к продуктовым потокам, существовал «чёрный рынок», где всё можно было достать, но за очень большие деньги. Мама пишет, что она купила буханку хлеба за одну тысячу рублей, которые ей прислала сестра папы — тётя Шура из Магадана. Но гораздо больше денег значили золотые и серебряные предметы. Сестра Ляля мне недавно рассказала, что на ее 14-летие в марте 1942 г. мама обменяла золотую цепочку на буханку хлеба, которая и составила основу праздника.

Значит, что-то у бабушки с дедушкой было, как фамильное, так и нажитое — всё-таки дедушка был с дореволюционных времён успешным архитектором. А ещё была мебель, подбиравшаяся в дореволюционные времена, красного дерева. Её тоже можно было обменять на продукты. И мебель тоже спасала жизнь. Кстати, после войны, если ты знал, к кому попала мебель, можно было добиться её возвращения. Как известно, самым страшным периодом во время блокады была первая зима 1941 – 1942 года. По заснеженным улицам люди шли медленно и бесшумно, еле волоча от голода ноги. Если слышались скрипучие, быстрые шаги, это шёл красноармеец или краснофлотец — военных, конечно, кормили лучше.

И вот однажды мама ведёт меня, тепло укутанного, «за ручку», а нас обгоняет моряк. Он прошёл шагов десять, а потом вдруг остановился, вернулся, присел передо мной, расстегнул подсумок, достал оттуда огромный ржаной сухарь и вручил мне. Я сказал «спасибо», думаю, не оценив всей ценности подарка, а краснофлотец быстро ушёл вперед. Мама, конечно, такое богатство реквизировала и глубоко упрятала. А дома в этот день у всей семьи было пиршество. Сухарь, который был «каменный», сначала разбили молотком, растолкли в ступке, а потом размолотили в кофейной мельнице и из этих мелких крупинок испекли на «буржуйке» лепёшек, используя всё те же мази из аптечки. «Буржуйкой», как мы знаем, со времён гражданской войны называлась печурка, которая изготавливалась «умельцами» из листового железа, а коленчатая дымоходная труба выводилась в форточку. На этой печурке варили и жарили пищу. В этих печурках в отсутствие дров «погибло» много мебели, в том числе старинной, и даже книг. К счастью, в нашей семье до этого не дошло. Второй случай был, я бы сказал, ярче. Как известно, в блокаду в Ленинграде съели всех кошек. Вот и у нас в какой-то день была куплена, уж не знаю за какую цену, тушка кошки. Её разделкой занималась бабушка, и вынутые кишки выбросила в помойное ведро. Мама возмутилась, вытащила эти внутренности, промыла и пустила в пищу. Итак, после того, как дедушки не стало,

а дядю Володю отправили из Ленинграда, мы остались вчетвером: мама, бабушка, Ляля и я. Встал вопрос об эвакуации. Мама ехать не собиралась, она боялась не довезти бабушку. Да и куда везти? Как решить? Ведь кормить нас теперь стали уже гораздо обильнее, не сравнить с зимой. Бабушке в то время было 64 года, она была сильно истощена и всё-таки по менталитету была «барыней», мало приспособленной к тяготам эвакуации, в отличие от мамы, которая прошла школу экспедиций. Но тут стала сильно сдавать физически Ляля. Она начала уговаривать маму уехать в Тамбовскую область, куда уже перебралась Ольга Алексеевна — сестра моего отца, — которая в начале блокады просила маму отпустить с ней Лялю. Но мама тогда не решилась на это. Когда же под Пасху немцы впервые после страшной холодной и голодной зимы, которую мы едва пережили, сильно бомбили город, мама приняла решение уехать. Бабушка просила оставить её, чтобы не быть обузой. Но мама, естественно, не могла этого сделать, и мы отправились в эвакуацию вчетвером: мама, бабушка, Ляля и я.

Эвакуация

Передо мной лежит архивная справка, которую все эти годы бережно хранила Ляля. Эта справка и явилась в дальнейшем основанием для получения звания «Житель блокадного Ленинграда». В ней написано, что мы эвакуируемся в Калининскую область. Там в это время где-то в районе Селигера находился папа. Мама наняла грузовик. Вещи были упакованы в тюки, покрытые чёрной матовой клеёнкой, купленной дядей Володиной ещё до войны, наверное, для палатки. Было сказано, что чемоданы брать с собой нельзя. Мама с Лялей всю ночь простояли на Финляндском вокзале в очередях за пайком для эвакуированных. Вообще мама много раз после войны говорила мне, что, если бы не Ляля, она не справилась бы,

наверное, имея на руках истощённую бабушку и меня. Позже мне всегда приходила на ум аналогия, что Ляля по отношению ко мне сыграла роль медвежонка- «пестуна», приглядывающего за маленьким медвежонком. Здесь нет возможности описывать все тяготы, могу сказать только, что, по словам мамы, она узнала все самые лучшие и самые худшие черты характера русских людей. Приведу лишь некоторые цитаты из маминой книги:

«Ночью начались сцены, предопределяющие всю неразбериху нашего будущего пути: время от времени раздавались вопли: “Мама! мама!”, “Таня!”, “Люда!”. И пробегали заплаканные, перепуганные, потерявшиеся дети и женщины. Из пайка, выданного нам, запомнились небывало большие, забытые порции хлеба. Выдавали сразу дня на три, да ещё на всех четверых. К утру произошла посадка в вагоны типа дачных. Жуткая теснота, ругань. Не понимаю, как справились мы вдвоём, ничего не растеряв? Вещи были невелики и очень ладно упакованы, в чём сказались школа экспедиций и выюков. Поезд вёз нас в Борисову Гриву на берегу Ладожского озера. <...> Приехали мы к вечеру, ещё засветло, и началась погрузка на подъезжающие один за другим грузовики. Брала “на абордаж”. Мы стояли беспомощные, пропуская одну машину за другой. Наконец, Ляля пообещала табак каким-то красноармейцам, и они схватили наши тюки и закинули наверх, маму — так же, и только ножки мамини торчали, тоненькие в беленьких бурках. Мы устроились за кабиной и поехали в темноте. Я всё укрывала одеялом, как цыплят, своих детей. И была там хорошая простая тётка, одиночка, называвшая маму “бабушка”, добрая и заботливая с ней. Страшная, хлюпающая в воде, тёмная дорога. Рядом разговоры: “Вчера две машины провалились под лёд. Немцы бомбили”. “А сегодня еще подтаяло”. <...> В темноте разгружаемся на другом берегу залива, в Кабоне. И снова ушли мы с Лялей в очереди за едой. Маму посадили стеречь вещи. Разные очереди, то за кипятком, то за супом. Пока стояла за кипятком, видела, как крутился человек на снегу. Крутился, крутился — и замер. Умер. Когда рассвело, кругом оказались

лежащие в сторонке, а в общем, между кучками вещей и людей такие “палочки”-покойники, пряменькие, закутанные с головами. И, когда я увидела эти непараллельные палочки, я поняла, что Володи нашего давно нет в живых! Вот так же он, наверное, умер где-нибудь в пути. Сюда, в эту Кабону (мы не видели никакого посёлка — были только временные палатки для выдачи еды в окошечко), были положены рельсы, наверное, специально для эвакуации. Точно рельсы игрушечной железной дороги, без всякой насыпи».

«...И началось наше страшное путешествие в теплушке. Было так тесно, что спать лёжа можно было только по очереди. Мы устроились направо от двери. У Сашеньки был страшный ожог на руке — я всё смотрела, не загорелся бы (он ошпарился чаем ещё в Ленинграде, и, пока я растёгивала рукавичку, тут и ожгло, повыше от запястья). А у меня пальцы были порезаны пилой (пилила на кухне дрова для печурки, и пила дважды соскочила, и два параллельных шрама так и остались по сей день). Публика была мерзкая по злобе. Особенно издевались над моим отношением в маме: “Мамочка! Ха-ха! Мамочка!” А забота о Саше казалась им естественной. Это всё были люди, каких мне не приходилось встречать раньше, Я думала: “Где же они жили, такие, в Ленинграде?” Мужчин совсем не было. В основном это были женщины, бабы, мало детей. Не столько истощённые блокадой, сколько озверевшие.

<...>И ехали мы всего 17 дней. Публика понемногу убавлялась. Эшелон шёл на юг, в Кисловодск, то есть прямо к немцам угодили бы! Но я твёрдо хотела к Ольге Олейниковой, на станцию Платоновка, под Тамбовом. А для этого надо было сделать пересадку в Мичуринске. Мама умоляла: “Будем фангалистами! Поедем на юг”. Ей хотелось тепла.

<...> Где-то по дороге, на станции, у вагона стояла женщина с куском хлеба (граммов 400) и предлагала хлеб тому, кто похоронит её мужа. Мама постояла с Лялей, глядя на хлеб, и помечтали заработать его так, но не решились: “Как копать? Чем? Где? Успеет ли?”

У мамы были с собой две вещи для обмена: табак и мыло. На одной станции мама вошла в домик железнодорожника

(стрелочника, наверное?) с табаком и вдруг увидела в миске натолчённую горячую картошку с кожурой. “Что вы хотите?” — спросил он. “Вот это”, — сказала мама не в силах оторвать глаз от миски. “Да ведь, это курам приготовлено!” — “Ничего. Давайте мне”. Так мама и перевалила к себе в котелок куриный обед. Как-то вечером приходит в вагон радостная Ляля: повезло! какой-то человек на платформе дал ей варёную жилу, белую, большую. Сосали, сосали мы её ночью, раздирали, жевали — а она ведь не жётся... Эти два случая были уже после Мичуринска, когда ехали мы не в теплушке. А в теплушке народу всё убавлялось, и люди становились всё добрее и добрее к нам».

Несмотря на свои 65 лет и страшное истощение, бабушка спокойно и безропотно переносила все трудности пути. Может быть, это спокойствие было просто полусознательное состояние, в которое она впала ещё в Ленинграде? Во время блокады было постоянное ощущение нереальности всего происходившего. И всё-таки — бабушка была пассивна, но мужественна.

В солнечную погоду, когда вокруг всё таяло, мама выводила меня на остановке, раздевала до пояса и быстро мыла в талой воде к ужасу баб и даже бабушки. Мама пишет: «Саша - весёленький. Что ему эвакуация? Запомнился он таким: синее зимнее пальто с чёрным воротником, белая вязаная шапочка с помпоном и ленточками под подбородком и валенки с галошками. Стоит подле вещей в Кабоне и весело давит галошками хрустящий лёд на лужах. Вот тогда я и подумала: счастливый возраст!»

На станции Мичуринск мы пересаживаемся в поезд на Тамбов. Для пересадки нужно вымыться в бане, и только по справке «О санобработке» нам продадут билеты дальше. Как быть? Мама оставила на вещах бабушку и меня. Читаю у мамы: «А мы с Лялей “санобрабатываемся”. В бане черно, как в аду. Потом в справке на двоих я переделываю на почте 2 на 4, дрожа от страха за подлог. Ноги трясутся, когда протягиваю свою подделку в кассу. Сходит благополучно. <...> В Мичуринске смотрю, не могу оторваться, на девушек с бюстами. У всех есть бюст! Чудо. Помню, перед отъездом

из Ленинграда я ходила оформляться в Дом архитектора и там тоже на лестнице смотрела на мраморную скульптуру (Психеи, что ли?) с грудями! Нечто забытое. <...> Однажды, когда мама сидела одна на платформе, проходящие девушки бросили ей в руки ломоть хлеба. Что это было? Милостыня? Удача? Показатель сытости? <...> Забыла я, как погрузились мы в новый поезд (так называемый 3-го класса) и сколько времени мы едем. Только помню ночь в тамбурчике у круглой высокой печки; днём мы поджариваем с Лялей на этой печке кружки сырого выменного картофеля. И едим его полусырой и наслаждаемся этим. (Витамины, что ли радуют?) Так мы доехали до станции Платоновка, и оттуда надо было добраться до деревни Старое Челищево, где была Ольга, её сын Лёва и его тётя Полина Николаевна Павлова — директор школы». Первое Мая! Это число маме запомнилось потому, что этот праздник был так не похож на праздник. Потом переезжаем к другой хозяйке. Распутица. Неизвестно, как доехать до Ольги. Хозяйка наша похожа на украинку: веселая, миловидная. Наконец, мама решила доверить ей бабушку и меня, а сама отправилась с Лялей с утра пешком по узкоколейке к Ольге Олейниковой в деревню Старое Челищево... «Пройдя 18 км, мы увидели впереди справа бугор, как спина борова со щетиной чёрной, мрачной деревни по горбу. И среди крыш одна единственная зелёная крыша. Повыше. И я поняла: это школа. Туда мы и идём. И это единственное на всей земле место, где нас ждут! Долго, долго ещё поднимаемся мы к этой школе и, наконец, дошли. Самый момент встречи я не помню. Зато хорошо помню, что впервые за многие месяцы блокады и нашей эвакуации мы желанные гости. Нам рады! Нас кормят!

Всё самое страшное и трудное было позади. На этом можно было бы кончить мои воспоминания, но потом много было ещё всяких трудностей».

Новиково

Почему-то маме удалось снять комнату не в самом Старом Челищеве, а в деревне через овраг — Новиково. Прожили мы тут месяц. Колхоз выдал маме 16 соток под огород. Но это была целина, вернее, заброшенная земля, и мама стала её терпеливо копать! Только потом мама поняла, что её руки могли прокормить её совсем другим образом: мама прекрасно увеличивала бы фотографии сыновей и мужей, ушедших на фронт. Когда маму кто-то попросил это сделать, она с лёгкостью превратила маленькую «паспортную» фотокарточку в портрет и доставила столько радости хозяйке. А мама всё копала и копала. Обедали мы на потеху всей деревне на крыльце, выходящем прямо на деревенскую улицу, — за неимением «балкона». Занавесили чем-то и сидели как-то сбоку. Дачные замашки! Сколько бы мама ни наварила супу в огромной кастрюле, мы доедали всё всегда до конца. Оторваться не было сил! И ещё к обеду приносили из ключа вкусную, особенную воду. И тоже — пили и пили. А вот хлеба за этот месяц почти не было: где-то очень редко и мало получали муку. И сделались у нас огромные животы утюгом вперёд! И сделалась какая-то цинга — болячки у всех в уголках рта. Когда сразу после нашего приезда мы мылись в избе, хозяйка смотрела на нас с ужасом. Потом маме говорили, что в окошки подглядывали и другие бабы и рассказывали потом по всей деревне, как мы были страшны. Эвакуированных в этой деревне почти не было, и деревенские называли нас «выковыренными».

Жилось деревенским бабам в деревне не голодно, но и не сладко: лошадей всех увели, и пахала вся деревня «на бабах». Очень печальное зрелище. И ещё — на коровах.

Сюда, в Новиково пришла первая телеграмма от дяди Володи. Мама с бабушкой стояли в сенях — и, как куклы, упали друг другу в объятия. Дядя Володя жив, жив! После нашего переезда через Ладожское озеро старались не

говорить о нём, молчали, не веря, что он остался в живых! А вот папиных телеграмм и писем мы не получали — они, видимо, застревали на станции Платоновка “до востребования”.

Но вот в один прекрасный день (именно в тот, когда у мамы взошёл первый картофель) мама увидела издалека, со своего огорода, что въезжает в деревню грузовик (это было необычно). Он медленно полз, переваливаясь по деревенским ухабам, и остановился у нашего дома. А минут через 10 прибежал от речки Лёвушка с криком: «Тасенька, Тасенька! Дядя Яша прислал за вами машину!» Первая мысль, возникшая у мамы: «Как уехать? Теперь? Да я же не могу оставить огород! В нём благополучие будущей зимы, а тут вдруг — бросить!» Но потом всё завертелось: приехавшие за нами завхоз и шофёр экспедиции быстро пресекли мамины нелепые колебания. Наутро получили сданные было на прописку паспорта, сложились, расцеловались с хозяйкой — и поехали. Да ещё отдал маме колхоз мешок картофеля («за обсеменение» огорода). И это очень удивит папу — что его голодающая семья явится к нему со своим картофелем! Так же, как его удивило, что у нас было с собой всё хозяйство: керосинка, примус, кастрюли. Люди ведь ездят в экспедицию на «всём готовом», мама же была экипирована скорее как помесь туриста с дачником: начиная от рюкзаков и кончая ночными горшочками.

Грузовик. Бальцер

И превратились мы теперь из жалких «выковыренных» в «семью главного геолога Олейникова» Мы — «больные». Мы ничего не делаем, лежим на мягком сене, и нас кормят и везут по России. Нам дают сахар! Забытый сахар. Но вот утром последнего дня пути (а было их три или четыре, чтобы проехать примерно 500 км) мы попали уже

в район путейских работ папиной экспедиции, где папа участвовал в изысканиях по прокладке трассы будущей «Волжской рокады». Родители мне почему-то об этом не рассказывали, а сейчас во время подготовки этого очерка об истории постройки «Волжской рокады» я нашёл много интересного в Интернете*. Рокаду предполагалось проложить по густонаселённым районам Сталинградской области и бывшей республики немцев Поволжья. К этому времени немцев из Поволжья уже выселили, однако рядом с опустошёнными сёлами стояли нетронутыми русские поселения. Проектировщики рассчитывали, что местные жители обеспечат обслуживание будущей железной дороги, станций, разъездов, мостов и перегонов. И самое важное состояло в том, что пустые сёла могли быть использованы под жилые массивы для рабочей силы. Основным поставщиком рабочей силы был ГУЛАГ. Проект прокладки трассы сделали железнодорожники из ГУЛАГа. Изыскательные экспедиции под руководством А.П. Смирнова и П.К. Татаринцева в течение февраля и марта провели изыскания. 17 марта 1942 г. ГКО утвердил проект «Волжской рокады». А строительство тем временем уже разворачивалось: были проведены новые подъездные грунтовые дороги, существующие укреплены. Строительством участка от Иловли до Саратова занималось управление Волгожелдорстрой, руководил которым Ф.А. Гвоздецкий. Фамилии Гвоздецкого и Татаринцева постоянно звучали в нашей семье, поскольку это были непосредственные начальники папы и при постройке БАМа, и здесь. Рельсы, шпалы и всё необходимое оборудование пути для «Волжской рокады» перевезли с головного участка Байкало-Амурской магистрали, строительство которой было начато ещё до войны. Быстро, дёшево и надёжно такой протяжённости дорогу в то время могло построить единственное для подобных целей предназначенное ведомство — Главное управление лагерей железнодорожного строительства НКВД-МВД СССР (ГУЛЖДС). Маршал Георгий Жуков в своих мемуарах отмечал: «... Сооружение

Волжской рокады обеспечило резервами и вооружением всю Сталинградскую битву, ознаменовавшую собой коренной перелом в ходе войны».

Последний день пути. Мы приближаемся к Бальцеру. Мама вспоминает: «Обедаем в столовой экспедиции. И я робко спрашиваю: не надо ли заплатить за еду деньги? Кассирша возмущена: а как же я думала? Даром!» Судя по этому, это был первый случай на нашем пути (да и раньше, в голодном Ленинграде), что деньги что-то значили реальное.

К вечеру мы приезжаем в Бальцер — а по-новому, Красноармейск. Папы нет. Он придет утром и очень испугается, увидев в окно неузнаваемое лицо бабушки, у которой улыбку заменяла гримаса.

Один месяц мы живём в Бальцере, пока немцы не стали приближаться к Сталинграду. От этого в воспоминаниях остались только ночные осветительные ракеты немцев, спускающиеся медленно на парашютах: мы стояли на крыльце нашего дома и молча смотрели. И ещё: через город или мимо него гнали огромное стадо коров — гнали от подступающих немцев. Женщины бежали с кувшинами и кастрюлями за коровами. Где-то уже за городом коров доили прямо на земле. Женщины подставляли свою посуду. Этот поход запомнил и я. Было это днём, но было сумрачно, небо заволкло тучами.

Бальцер — это республика немцев Поволжья. По другую сторону Волги, против Саратова, г. Энгельс — столица республики. Всех немцев отсюда выслали. Говорят, было так: спустили над Бальцером парашютиста, переодетого немцем. И жители его моментально спрятали, после чего их всех выслали!

Мы отъедались. Это происходило по старшинству (только наоборот): первая стала гордо отказываться от ужина Ляля. Потом эта сытость дошла до мамы и потом лишь до бедненькой бабушки. В общем, жизнь в Бальцере была отдыхом. И ещё я помню, как мама смастерила мне в Бальцере сандалии на веревочной подошве. Это тоже был её опыт времён революции. Изготавливались они так:

ставят ногу «клиента» на картонку, обводят карандашом контур ступни, вырезают картонку по контуру и укладывают веревку витками от середины, прихватывая нитками каждый виток, пока не получится подошва. Потом картонку отдирают, приделывают петлю из той же веревки для большого пальца, примерно как на нынешних пляжных шлёпанцах, и получались замечательные сандалии.

Но, когда взошёл второй мамин огород (маленький), пришлось его бросить, и мы поехали от немцев с отцовскими сотрудниками из Бампроекта в г. Буинск, Тат.ССР — центр экспедиции «Свияжск-Ульяновск».

Отъезд в Буинск

Сначала поездом добрались мы до Саратова, чтобы там ехать дальше Волгой. Но мы ждали парохода, а немцы бомбили эту трассу, и изо дня в день откладывался наш отъезд. Наконец, попали в Буинск. Тут мы прожили год. Мама служила в Свияжской экспедиции сначала в качестве чертёжницы, а потом её перевели в бюро оформления. А состояло бюро оформления в основном из жен, вывезенных в состоянии дистрофии из Ленинграда, уже отъевшихся, но полных страшных воспоминаний. О блокаде говорить запрещалось. Все потеряли там кого-нибудь из близких. Зато иногда пускались в сладостные воспоминания, как кто жил до войны. И получалось так, что все были так богаты, так благополучны, так обставлены! Любая брошенная этими людьми кофейная мельница, зеркало — милье, привычные, скромные вещи — казались стоящими отдельного рассказа. Поселились мы сначала временно, пока не нашли домик по своему вкусу. Это было у сапожника-татарина Абдулы, пьяницы. Домик был крошечный. Папа прожил тут очень мало, его неожиданно откомандировали в Томск.

Новый Год

Встречу нового, 1943, года мама вспоминает так: «В Буинске мы встречали новый 1943 г. Празднование было устроено на маминой службе. Сначала пытались клеить игрушки вечерами (ещё только этого мне не хватало!). Но потом кто-то из сотрудников поехал в командировку в Ленинград, как уж — не знаю. И, походив там по магазинам, ничего не увидел соблазнительного, кроме огромных наборов ёлочных игрушек. Навалом! Так он и купил несколько коробок (“для детских домов”). И мы закатили ёлку. (Кстати, это была огромная сосна.) Напекли в столовой детям забытые ими булочки. Все дети говорили стихи, после чего получали гостинцы». Тут отличился я. Дело в том, что я заранее выучил с бабушкой стихи Маршака «Старушка пошла продавать молоко». Но учил-то я эти стихи, не стоя, а всегда лёжа с бабушкой под шубой в холодном доме. А уж вечером было не до репетиций. Только накануне ёлки, сидя у мамы на руках, я прочёл начало, старательно отбивая такт стихов головой. Мама сказала, что не надо так качать головой. Но на ёлке я стоял торжественно один на каком-то большом ларе и начал: «Старушка пошла продавать молоко» — на каждом ударе, не то что качая головой, но сгибаясь почти пополам! Поднялся страшный хохот, меня сняли после первой строфы и выдали подарок. Я неутешно ревел. Ведь выучил я всё длинное стихотворение! И успокоился, лишь когда, сидя у мамы на руках, весь мокрый от слёз, прочел всё да конца Макавееву — начальнику экспедиции. Вместе с гостинцами детям дарили и игрушки с ёлки — по три блестящих игрушки. Так у Ляли и у меня их оказалось шесть, после чего было решено сделать ёлку и дома для соседских татарских детишек. Свечей, конечно, не было — жили ведь мы с коптилками. Коптилка была основным способом освещения во время войны: светильничек в пузырьке из-под туши, куда наливался керосин, пробка, стеклянная трубочка, в которую вставлялся фитиль и даже проволочный регулятор, — опыт голода и холода 1919 года. Так вот, идеальным фитилём

оказались кисточки от шерстяного пледа. Этот плед ещё долгое время после войны жил у нас в семье напоминанием о блокаде и эвакуации. Мама «для красоты» отрезала кисточки не подряд, а прореживая их. Но и керосина в этот день не оказалось. Зато были спички и старые газеты. Все сидели в полной темноте по топчанам и табуреткам, и время от времени мама зажигала полоску газеты — ёлка освещалась, игрушки блестели, и все были в восторге. Были подарки: карандаши и тетрадки. Были наготовлены бутерброды — в лучших традициях! Маленькие, аристократические бутерброды с варёной свиной. Мама не подумала о магометанстве наших гостей, но они тоже забили о нём! Всё шло и шло какие-то крошечные татарские старушки, теснились в дверях, тянулись к тарелке с бутербродами. Девочки выступали: для пенья ведь света не нужно, а танцевать можно тоже, на веру, в темноте. На следующий день сосед-татарин (такой почтенный отец двух чистеньких девочек) говорил маме: «Ну и ёлка была у вас! Роскошь, а не ёлка! Роскошь!»

Однажды вечером за окном послышалось насвистывание: так свистели только дедушка и мама с дядей Володей — особым сигналом. Так появился дядя Володя, которого чуть не похоронили. Дядя Володя был одним из ближайших сотрудников крупного архитектора, академика архитектуры Льва Владимировича Руднева, который и «вытащил» его из эвакуации в Москву. В это время по их проекту строилось здание Министерства обороны на Фрунзенской набережной.

Последнее лето

И наступил последний период эвакуации. Мама опять вскопала огород. Ведь все тогда не представляли себе, как можно не иметь огорода, своего картофеля. Все копали весной свои сотки, помогая всем миром друг другу. Потом снова дядя Володя приехал, теперь уже за бабушкой, 30-го сентября. После

отъезда в Москву бабушки и дяди Володи надо было получить ещё пропуск из милиции г. Буинска (а вызов от дяди Володи был). И тут маме сослужили службу её руки. Ещё зимой ей пришлось сделать карандашный рисунок с маленькой и плохой фотографии убитого на войне сына начальника милиции. Так вот, мама пришла к этому начальнику милиции и прямо всё так и сказала: «Это я нарисовала вам портрет сына, а вы, пожалуйста, дайте мне пропуск в Москву». Так пропуск был получен, и мы поехали в Москву в теплушке, которую дали специально для семьи Татаринцева — путейца, главного инженера Бампроекта, которого мама помнила ещё по Дальнему Востоку как очень хорошего человека. Вещей в теплушке было очень много, так что мы с мамой лежали высоко на вещах. Ехали долго. Когда мы приехали, наш вагон поставили далеко на путях. Мы идём по шпалам. Утро. Солнце. Вдалеке — шпиль Казанского вокзала. На мне новые туфельки, жёсткие и скользкие. И в метро, с непривычки к гладкому камню, ноги разъезжаются. А когда мы сели в вагон метро и поезд уже двинулся, я спросил маму: «А когда мы поедём?» Вопрос был понятен маме после привычного грохота теплушки. Мы отыскивали дядю Володю и бабушку в домике у Крымского моста, на втором этаже. Потом мама ещё ездила с дядей Володи за нашими вещами. Она пишет: «Помню возвращение с вокзала: я стою за кабиной грузовика. Ветер дует в лицо, и летит навстречу широкая Садовая. И я думаю: “Ну, вот и всё. Конец. И начало новой жизни!”»

Конец войне

Дом у Крымского моста стоит и сейчас. Там была коридорная система, и наша семья занимала две комнаты на разных этажах. Территория была огорожена, и входить в дом надо было через подъезд другого дома, где долгие годы находился МГИМО. Видимо, эта территория была как-то связана со строительством здания Министерства обороны на Фрунзенской

набережной — постройкой этого здания как раз тогда и занимались дядя Володя с Рудневым. Про житьё в этом доме у Крымского моста воспоминаний осталось мало. Зато помню, как я с дядей Володи ходил на стройку, помню какие-то котлованы, через которые были переброшены досточки, по которым надо было со страхом переходить. И ещё помню салюты, которые мы ходили смотреть на Крымский мост. Это было время победного наступления Красной Армии. Салюты были частыми, и на мост падали «салютини». У меня появилось моё первое детское богатство — ящик с разноцветными картонными гильзами. Ещё помню, как впервые увидел и попробовал мандарины, о которых столько слышал во время эвакуации. В этом доме мы встречали новый 1944 год. Помню, как я расстроился, найдя утром подарок от Деда Мороза. Мама использовала панцирь от черепахи, который с нами ездил всю эвакуацию — «Пахи», — и с помощью проволоки, ваты и старого чулка сделала голову и лапы, и получилась черепаха. Мама трудилась полночи, а мне было обидно, что подарок не покупной. В этот дом приехала из эвакуации и жена дяди Володи Сима с дочерью Леной и мамой Александрой Ивановной. Яркое воспоминание того периода — посещение зоопарка. Видимо, в эвакуации столько говорилось об этом, что мама вскоре по приезде в Москву повела меня в зоопарк. Самое сильно впечатление не от слона, тигров и других зверей, а от недоеденных буханок хлеба в клетке у медведя. Почему-то медведь выедал мякиш, а корку не ел. С точки зрения военных времён, валяющийся хлеб, пусть даже одни корки, — недопустимое кощунство. Дом у Крымского моста был всё-таки общежитием, как там решались бытовые проблемы — мытьё, готовка пиши — не помню. Но вскоре, уже в самом начале 1945 г., мы переехали в дом «на Динамо», который находился на Ленинградском шоссе, примерно посередине между выходом к северной трибуне из станции метро «Динамо» и Петровским дворцом, где стоит академия им. Жуковского. Дом был деревянный, двухэтажный. Мы получили квартиру на первом, полуподвальном, этаже, так что, перешагнув подоконник, ты оказывался сразу во дворе. Это уже

была настоящая квартира с несколькими комнатами, уборной и кухней, где стояла большая плита, топившаяся, как и печки, дровами. Дом был окружён деревьями, по существу это была часть Петровского парка, и такими же двухэтажными домишками. Я быстро обзавёлся друзьями, главным из которых стал Саша Плющ, живший в соседнем доме. Любимым занятием, конечно, была игра в войну, у нас даже появилась немецкая каска, которая играла роль главного трофея. Я однажды очень был горд, надев эту каску на попу под штаны и тем самым незаметно пронёс её через «вражеский стан». Конечно, кроме деревьев, кругом были огороды с картофелем — главным подспорьем военных и послевоенных лет у горожан. Помню пленных немцев, которые ремонтировали Ленинградское шоссе и за горбушку хлеба делали для нас — детей — разные поделки. Здесь мы узнали об окончании войны. Я услышал утром с улицы победные крики своего друга — марширующего Саши Плюща: «Ура! Ура! Кончилась война!» Быстро натянул штаны, вылез в окно и присоединился к Саше.

Дальнейшая судьба

Дальше моя жизнь, можно считать, сложилась благополучно и даже, можно сказать, удачно. Я поступил в школу, вступил в пионеры и потом — в комсомол, после окончания школы, поступил на физический факультет МГУ. Во время учёбы ездил по комсомольской путёвке на целину в Казахстан, о чём остались до сих пор яркие впечатления. После окончания МГУ попал по распределению в академический Институт радиотехники и электроники, ныне имени Владимира Александровича Котельникова — академика, который многие годы был директором нашего института. В этом институте я проработал — по сегодняшний день — 56 лет, и он без всяких кавычек является моим вторым домом. Здесь прошла вся моя трудовая жизнь. После защиты кандидатской диссертации по

физике полупроводников я сменил специализацию и начал работать в области информационных технологий.

Сегодня из людей, упомянутых в этих воспоминаниях, слава Богу, здравствует в Ленинграде моя сестра Ляля — «мой пестун», — которой я благодарен на всю оставшуюся жизнь. В Москве живёт дочь дяди Володи, моя двоюродная сестра Лена — известный скульптор. Остальных никого теперь уже нет на свете. Папа умер и похоронен в Ленинграде в 1979-м, мама — в 1980-м, бабушка — в 1961-м, дядя Володя — в 1974 году. Бабушка, мама и дядя Володя похоронены на кладбище Донского монастыря. Мир их праху.

Когда я готовил этот очерк, прошёлся по карте по всему маршруту нашей эвакуации, и мне пришло в голову, что надо бы проделать этот путь. Правда, пока мне удалось съездить в Бальцер, когда я был по делам в Саратове. Надеюсь всё же проделать весь маршрут в память о моих родных.

Кроме работы в области точных наук, я иногда писал стихи, изредка печатался, а к своему 70-летию собрал большую часть и издал с помощью родных книгу. Сейчас у меня вышли несколько книжек и есть свой сайт, где, кроме стихов, есть проза. Я заканчиваю эти воспоминания стихотворением, связанным с блокадой и войной.

Москва, февраль 2015 г.

Любимым внукам Сашке и Мишке

Решили власти, что должны
Дать удостоверение —
Я стал участником войны.
Здесь — недоразуменье:
Я в пекло головой не лез,
Не занимал траншеи.
Но рассудил не так собес,
Которому виднее.
Задет я не был, хоть слегка,
Ни пулей, ни осколком.
Щец не хлебал из котелка.
Войны не нюхал толком!
Не отставал я от полка
И не варил конину,
И не стрелял в политрука,
Подставившего спину.
Я не был с немочками смел.
Приличных галифе я
За всю войну не заимел,
Хотя бы как трофея.
Не жал мне руку генерал.
В сражениях с врагами,
Я никуда не водружал
Простреленное знамя —
Не говоря уж про Рейхстаг,
Разрушенный войною.
И на Рейхстаге алый стяг
Был водружён не мною.
Я был тогда и глуп, и мал,
Не отходил от мамы.
И никогда не получал
Наркомовские граммы.
Но был замёрзший Ленинград,
И голод, и осада.

И забывать весь этот ад
Нам никогда не надо.
Теперь имею много льгот,
Конечно, не по чину —
За каждый поступивший счёт
Плачу лишь половину.
Меня не помнил бог войны,
Не звали на парады,
Но внуки знать мои должны,
Что дед — дитя блокады.

Из воспоминаний о Марианне Викторовне Борисовой-Мусатовой*

Этот материал включает два раздела. Первый – воспоминания о художнице Марианне Викторовне Борисовой-Мусатовой с кратким изложением ее судьбы и людях её окружения, в том числе о моей маме Наталье Оскаровне Мунц, тоже художнице. Второй раздел связан с моей поездкой в Красноармейск под Саратовом, где моя семья находилась в эвакуации летом 1942 года.

Марианна Викторовна Борисова-Мусатова. Её судьба и окружение.

Безусловно, Марианна Викторовна Борисова-Мусатова – дочь знаменитого художника В.Э. Борисова-Мусатова, одного из символов Серебряного века – не является национальным достоянием, как её отец. Но её жизненная и творческая судьба представляют интерес. Автор этого очерка – один из очень немногих живых свидетелей жизни М.В. и в этой статье хотел бы передать атмосферу и отдельные детали жизни М.В., которая была его крёстной матерью. Более строгий подход к жизни и творчеству М.В. развивает сотрудница музея-усадьбы В.Э. Борисова-Мусатова в Саратове Е.С. Платонова.

Итак, М.В.: отец М.В. – Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов, мать – Елена Владимировна Александрова. Родители М.В. познакомились, когда учились в Москве в Училище живописи, ваяния и зодчества. М.В. родилась в 1905 г.

в Ставропольском крае и провела там детские и юношеские годы – насколько я помню по её рассказам, в имении Станюковичей. Один из эпизодов, о котором рассказывала мне М.В. и который произвёл на меня в детстве большое впечатление, – охота с борзыми собаками. Её рассказ вспомнился мне, когда позже я читал описание охоты с борзыми в «Войне и мире».

М.В. лишилась отца в том же 1905 году. Он похоронен в г. Тарусе на высоком берегу р. Оки, где ему установлен памятник работы скульптора Матвеева. Мать М.В. умерла от голода в Крыму в 1921 г., и М.В. собственными руками похоронила её.

Позже М.В. попала в Петроград (Ленинград) в семью Станюковичей. Там она поступила в архитектурно-художественный техникум при Академии художеств, где познакомилась с моей мамой (будущей) Натальей Оскаровной Мунц, Ираидой Ивановной Фоминой и Верой Фёдоровной Матюх. Хочу сказать, что подготовка в техникуме была, видимо, достаточно высокой: все подружки стали художниками-графиками, много сделали в области детской книги, остались дружны на всю жизнь. Подружки закончили техникум в 1928 г. и начали работать в ленинградских издательствах. Там они познакомились с С.М. Алянским, выдающимся редактором и издателем, создавшим издательство «Алконост», выпустившее в частности в 1918 г. первое издание поэмы «Двенадцать» А. Блока. Тираж этого издания составлял 300 экземпляров, и первые 30 экземпляров были вручены автором рисунков Юрием Анненковым. Мне довелось держать в руках один из этих 30 экземпляров, подаренный автору обложки Н.Э. Радлову с подписями Блока, Анненкова и Алянского. Можете представить моё волнение, когда держишь такой раритет! К слову, к столетию Октябрьской революции вышло роскошное издание «Двенадцати» Блока, иллюстрированное моим другом, уроженцем Саратова, выдающимся художником-графиком Н.Е. Поповым. Это издание содержит 260 страниц, что объясняется тем, что в нём напечатаны переводы поэмы на двадцать языков, включая эсперанто. В Ленинграде М.В. стала женой С.Н. Тройницкого, который был

* Полностью материал опубликован в сборнике «Вечных истин немеркнущий свет». Саратов, 2018 г.

известным геральдистом, специалистом по прикладному искусству, но в первую очередь он прославился тем, что был первым советским выборным директором Эрмитажа с 1918 по 1927 год. Детей у М.В. и С.Н. не было. История С.Н. — отдельная, с ней можно ознакомиться в следующем за этим очерке. Скажу только, что его подвело дворянское происхождение. Отец С.Н. был губернатором и сенатором, а это при советской власти, особенно в её первые годы, не красило биографию. В ходе «чистки советского аппарата» С.Н. сначала сняли с директоров, а потом и уволили из Эрмитажа. А после убийства Кирова, когда избавлялись от «социально-чуждых элементов», осудили и сослали в 1935 г. в Уфу. М.В., естественно, разделила судьбу мужа.

С этого момента начались их мытарства. С работой по специальности у М.В. были трудности. Знаю, что в Уфе одно время она работала в артели по изготовлению детских игрушек. Ленинградские и московские друзья помогали как могли — высылали деньги, приезжали сами. Так и я был у М.В. в 1938 г. в утробе матери. Любопытно, что после смерти М.В. я нашел в её бумагах тетрадки с записями долгов. Благодаря хлопотам знакомых, таких, как И. Грабарь и А. Толстой, С.Н. и М.В. вернули из ссылки. Судимость была не снята, Ленинград и Москва были «минус». И они поселились в Кускове, при Музее керамики. С.Н. стал работать младшим научным сотрудником в Музее керамики. Потом им разрешили жить в Москве, где их и застала война со всеми её тяготами. Своего жилья до самой смерти С.Н. (1948 г.) у них так и не было, М.В. получила комнату в коммуналке где-то в середине 1950-х. Во время войны М.В. работала трафаретчицей в «Окнах ТАСС», где, кстати, работали многие знаменитые художники и поэты того времени.

В 1944 г. мы с мамой после эвакуации тоже оказались в Москве. Мне было 5 лет, и тех пор вся моя жизнь была связана с М.В. до самой её смерти в 1991 г., т.е. почти 50 лет. И она умерла, когда мы жили в одной квартире.

Теперь о характере М.В. Мне представляется, М.В. — образец настоящего русского интеллигента в лучшем смысле слова:

доброта и забота о ближних в сочетании с твёрдостью характера и принципиальностью в основных вопросах; любовь к животным, аскетизм в потреблении, любовь к спорту (в молодости — яхты, под конец жизни — лыжи, конный спорт). Сохранилась грамота, выданная М.В. за участие в соревнованиях конно-спортивного клуба ДССО «Урожай». В 60-е годы М.В. стала водить машину, и вождение для неё было видом спорта, пока не испортилось зрение. Пока были силы, М.В. жила с семейной парой друзей за городом — с топкой печки, водой из колодца и т.д. Кажется характерным и такой факт: мать М.В. в начале революции передала картины В.Э. Борисова-Мусатова на хранение (не подарила, а передала на хранение) в Третьяковку. Т.е. с формальной точки зрения М.В. как единственная наследница могла претендовать на владение картинами своего отца. Но, когда у меня зашёл с ней разговор на эту тему, М.В. сказала: «Они должны принадлежать народу».

Ну, и профессиональная деятельность. Что такое книжная графика? Это надомная работа, чертёжные доски, ватман, краски, тушь, рейсфедеры, угольники, рейсшины — и запах столярного клея. Это было и у меня дома, и у М.В. Рабочий стол — святое место, не дай бог поставить на стол чашку или положить бутерброд. Много бумажных отходов, которые нельзя убирать, пока работа не сдана заказчику.

Все наши семьи выезжали много лет подряд каждое лето на дачу. В какой-нибудь деревне снимались по полдома, во второй половине жили хозяева. И жили всё лето своего рода колонией. М.В., или моя мама, или Ираида Ивановна Фомина время от времени уезжали в Москву в издательство, а нас, детей, как зайчат, кормили другие взрослые. Было зрелище, когда ехали на дачу. В то время всё возили с собой. Был полон грузовик, и сверху три собаки, к радости встречных. М.В. всегда держала собак. Долгое время у неё были две замечательные беспородные собачки, Бамка и Пундик, размером с такс, с длинной рыжей шерстью. Все подружки дружно помогали друг другу в работе в предпенсионные годы — с тем, чтобы каждой заработать максимальную пенсию.

Хорошее было время, и художники были хорошие. Подруги работали в разных издательствах, но главным для М.В. и моей мамы оставался «Детгиз». И здесь большую роль опять сыграл С.М. Алянский, занимавший в «Детгизе» должность главного художественного редактора. Детские книги моей мамы переиздаются и сейчас. В роли кого мне только не приходилось позировать! Ещё один интересный эпизод: в конце 1950-х, когда упал «железный занавес», в Париже была организована выставка детгизовских книг. Там были представлены и книжки с маминой фамилией. И на эту выставку пришли наши родственники, вынужденно эмигрировавшие из России в 1918 г., с которыми была полностью утеряна связь. Увидев фамилию Мунц, они подошли к руководителю выставки — главному художнику «Детгиза» Б. Дегтярёву — и спросили, хорошо ли он знаком с Н.О. Мунц? Он ответил, что Н.О. Мунц работает с ним много лет. И с тех пор была восстановлена родственная связь, утерянная больше 30 лет назад.

Самой «знаменитой» работой М.В. стало оформление альманаха «Тарусские страницы», который вышел в 1961 г. в калужском издательстве и наделал много шума. Альманах вышел по инициативе тогдашнего сотрудника Калужского издательства Николая Панченко, предложившего включить туда лучшие произведения, не принятые центральными журналами и издательствами. В альманах вошли стихи таких поэтов, как Марина Цветаева, Наум Коржавин, Николай Заболоцкий, Борис Слуцкий, Давид Самойлов, проза Булата Окуджавы и Надежды Мандельштам. Публикация книги без предварительной цензуры в Москве означала выход за пределы, дозволенные «оттепелью». Хотя сборник не содержал никакой критики советской жизни, издание его было признано ошибкой на уровне ЦК КПСС, главный редактор издательства был уволен, директор получил строгий выговор, секретарю Калужского обкома «поставили на вид». Выпуск тиража был остановлен, уже выпущенные экземпляры изъяли из библиотек. Я бережно храню экземпляры

Альманаха с дарственной надписью М.В.: «Сашок, дорогой! Поздравляю тебя со всеми хорошими событиями этого года, и не забывай, что у тебя есть очень нерадивая, но любящая тебя зам. Тася» (Тасей близкие называли мою маму).

Марианна Викторовна умерла в Москве в 1991 году. Все, что у меня оставалось от М.В. после её смерти — акварели, рисунки, оригиналы книжных обложек, — я отдал в музей, здесь, в Саратове. И я очень благодарен сотрудникам музея, давшим этим произведениям вторую жизнь.

Поездка в Красноармейск

Наконец, частично сбылась моя мечта, о которой я писал в предыдущей части этого очерка: я побывал в Красноармейске, бывшем Бальцере. Мне было 3 года, и я, конечно, мало что помню из тогдашнего своего пребывания в Красноармейске. По счастью, моя мама описала это в книге воспоминаний «Путешествие из Ленинграда в Москву с пересадками», и я снова использую отрывки из этой книги:

«... Мы жили в одном из брошенных этими немцами домов. Всё было особенное. Во-первых, необыкновенные для русских заборы. И на домах, и на магазинах они поражали размерами и солидностью. Подпол был страшно глубокий и благоустроенный.

... Потом — чечевицеобразные котлы, вмазанные сверху в печки и наполненные песком для сохранения тепла. В них же грели, говорят, воду для мытья. И ещё печь, высокая, квадратная, в центре дома, с дверцами на 4 стороны в 4 комнаты: очень удобно и странно. Мебель была деревянная, самодельная с претензией на какой-то стиль. А всякие брошенные молотки и другая утварь вызывали грусть и мысль о твоём собственном брошенном доме.

... Саша ни с кем не играл. А были в Бальцере два соседа, мальчишки-близнецы, рыженькие. Я уговорила Сашу играть

с ними, И вот вижу: мальчики играют, а Саша сидит на брёвнышке. Смотрит. Посидел, посидел, пришёл ко мне и говорит: “Я поиграл с мальчиками” <...> В общем, жизнь в Бальцере была отдыхом. И мне кажется, что она длилась гораздо больше месяца».

Я, конечно, ничего не узнал, не знал я и адреса, по которому мы жили, но само ощущение, что я находился здесь 75 лет назад, заставляло что-то шевелиться в душе. Особенно, когда пожилая тётя, уборщица из магазина, показала на двухэтажный дом и сказала: «Здесь живут ленинградские блокадники». Ведь и моя жизнь могла сложиться так, что я мог бы жить до сих пор в этом доме!

Я приношу глубокую благодарность за приглашение приехать в Саратов, участвовать в конференции и посетить Красноармейск, Н.С. Абрамовой, Е.С. Платоновой и Е.П. Селезнёву.

Тройная дата Тройницкого. О первом советском директоре Эрмитажа*

На стене в моей квартире висит портрет. Это портрет Сергея Николаевича Тройницкого. С.Н. был, несомненно, выдающейся личностью, а его судьба мне представляется знаменательной. О жизни, научной и общественной деятельности С.Н. Тройницкого написано немало научных трудов. Портрет попал ко мне от Марианны Викторовны Борисовой-Мусатовой (1905–1991), вдовы С.Н. — моей крёстной матери.

Излагаемый здесь материал построен на архивных материалах, научных статьях и на рассказах моей мамы Н.О. Мунц и моей крёстной М.В. Борисовой-Мусатовой, с которой я провёл последний год её жизни. Большинство литературных источников стали мне известны благодаря Елене Станиславовне Платоновой — самоотверженной сотруднице музея В.Э. Борисова-Мусатова в Саратове. Некоторые подробности о жизни в ссылке в Уфе получены от Н.А. Притвиц, которая тоже там жила с родителями «по тому же поводу», и от моей сестры Е.В. Мунц.

Как теперь принято говорить, информационным поводом для этой публикации стала тройная дата из биографии С.Н.: в 1908 г. он поступил на службу в Эрмитаж, в 1918 г. стал его директором, а в 1948 г. скончался. В 1948 г. мне было 9 лет, поэтому мои личные воспоминания о С.Н., конечно, детские и отрывочные, но наши семьи тесно общались и вместе снимали дачи, в том числе на Сходне, которая давно уже находится в черте Москвы, и там теперь никто не снимает дач. Из нашей дачной жизни помню, как в то тяжёлое, послевоенное время мои интеллигентные мама и крёстная ходили ночью на железнодорожные пути и таскали старые шпалы на дрова. И я хотел бы остановиться на моментах судьбы С.Н., которые мне кажутся особенно яркими.

* Материал полностью опубликован в альманахе «Словесность» за 2018 г.

До 1917 года

Итак, происхождение: С.Н. Тройницкий родился 19 августа 1882 г. в Вятке, в семье потомственного дворянина, действительного тайного советника, сенатора Николая Александровича Тройницкого. В 1904 г. он закончил Императорское училище правоведения. Это училище считалось одним из престижнейших учебных заведений в дореволюционной России. Многие его выпускники прославились не только как праведы. Среди них были П.И. Чайковский, И.С. Аксаков, А.Н. Апухтин и многие другие известные деятели того времени. К их числу я отнес бы и С.Н. Тройницкого. 15 сентября 1917 г. постановлением Временного правительства Императорское училище правоведения было подчинено Министерству народного просвещения, потом не раз переименовывалось, а с 2003 г. в здании Училища правоведения (наб. Фонтанки, д. 6) находится Ленинградский областной суд.

24 мая 1904 г. Тройницкий был зачислен в Министерство юстиции, в том же году переведён в Государственную канцелярию. В 1905 г. С.Н. отправляется в Мюнхен, где в местном университете слушает курс лекций. В том же 1905 году, после возвращения в Санкт-Петербург совместно с А.А. Трубниковым и М.Н. Бурнашовым открывает типографию «Сириус», которая долгие годы оставалась одной из лучших в Петербурге. Здесь печатаются такие популярные журналы, как «Старые годы», «Аполлон», «Русский библиофил», «Музыкальный современник» и др. В 1917 году типография была национализирована.

В 1908 г. приказом по Министерству Императорского двора С.Н. причислен к Государственному Эрмитажу. Следует отметить, что сначала он работал без жалования, сверх штата — видимо, настолько сильна была тяга к искусству. В 1909 г. был зачислен на штатную должность. В 1909—1911 гг. был в зарубежных командировках. В 1913 г. С.Н., опираясь на группу единомышленников — учёных и художников, — основал журнал «Гербовед». Этот журнал, выпускаемый

типографией «Сириус», сыграл выдающуюся роль в формировании русского гербоведения, в становлении научного геральдического знания, являясь основным центром дисциплинарных исследований. У меня дома остались 2 книжечки «Гербовед». Крайне приятно, что в 1992 г. журнал «Гербовед» возродился. Здесь в скобках следует отметить, что в Вятке, на малой родине С.Н. Тройницкого, с 2011 года проводится всероссийская конференция «Тройницкие чтения». При Президенте РФ существует Геральдический совет, а должность председателя совета — Государственного герольдмейстера — в настоящее время занимает Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа по научной работе, исследовавший в одной из публикаций деятельность Тройницкого-гербоведа.

Итак, уже до революции, к 35 годам С.Н. стал признанным авторитетом в области геральдики.

После 1917 года

Тут, как известно, сначала произошла Февральская революция, жизнь страны резко поменялась, и уже встал вопрос о государственной символике. С.Н. Тройницкий как член юридической комиссии при Временном правительстве по вопросу о государственных флаге и гербе вошёл в состав группы из 14 специалистов (среди которых В.К. Лукомский, Г.И. Нарбут, И.Я. Билибин и др.), разработавшей эскиз временной эмблемы России. Считая, что новую эмблему российского государства может утвердить только Учредительное собрание, они предложили использовать в качестве этого знака двуглавого орла эпохи Ивана III без атрибутов царской власти. Рисунок эмблемы, исполненный И.Я. Билибиным, был утверждён председателем Временного правительства, князем Г.Е. Львовым, и министром иностранных дел П.Н. Милоковым как образец для печати. Хотя официально

эмблема так и не была утверждена, она имела хождение до принятия Конституции РСФСР. На территории, контролируемой Белыми силами, эта эмблема использовалась и позднее. В 1918 году V Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов принял первую Конституцию РСФСР, которая официально утвердила первый герб страны. 20 июля 1920 года ВЦИК утвердил новый вариант герба, разработанный художником Н.А. Андреевым. Окончательно новый герб был узаконен Конституцией РСФСР, принятой XII Всероссийским съездом Советов 11 мая 1925 года. Про роль С.Н. в разработке государственного символа РСФСР я сведений не нашёл, но в одном из сохранившихся у меня выпусков «Гербовед» я в свое время обнаружил похожее изображение — но, конечно, без серпа и молота.

Избрание С.Н. Тройницкого директором Эрмитажа

О том, как С. Н. Тройницкий стал директором Эрмитажа, можно прочесть в книге Б.Б. Пиотровского «История Эрмитажа», а ещё прекрасно рассказано в фильме из авторской программы директора Эрмитажа, академика М.Б. Пиотровского «Директоры Эрмитажа. Директорский корпус (С.Н. Тройницкий и др.)». Я же коротко изложу основные тенденции развития музея в послереволюционные годы и освещу роль С.Н. как первого выборного директора Эрмитажа в этот драматический период нашей истории.

Одна из тенденций состояла в том, что предметы искусства, хранящиеся в Эрмитаже, многими деятелями нового искусства и власть предержащими воспринимались как часть «буржуазного искусства», что определило их судьбу в 1920-е годы (недаром революционный гимн «Интернационал» содержит строки «Отречёмся от старого мира»). Одно время в Эрмитаже

даже был устроен кинотеатр. А молодой республике нужна была валюта, и можно было кое-что продать на Западе.

Вторая тенденция состояла в том, что коллекция Эрмитажа стала расширяться в первую очередь за счёт национализации, а отчасти и за счёт того, что многие «бывшие», покидая Петроград, сдавали принадлежащие им предметы искусства в Эрмитаж на временное хранение. Видимо, они наивно верили, что эта «заварушка» скоро кончится. Кое-что, видимо, попадало в Эрмитаж из недоразграбленных усадеб. Ведь «добрые пейзажи» тащили по домам нужные в хозяйстве вещи — а на кой чёрт в хозяйстве какой-нибудь Рафаэль?

Третья тенденция состояла в естественных стараниях работников Эрмитажа вернуть экспонаты, эвакуированные в Москву, когда в сентябре 1917 г. возникла опасность, что немцы войдут в Петроград. А этих экспонатов было два железнодорожных эшелона, и Москва не спешила их отдавать, причём против возвращения коллекции Эрмитажу были не только некоторые искусствоведы, но и власти. К этому времени столица Советского государства была перенесена в Москву, следовательно, московские музеи должны были стать богаче. Заведовала в стране музейным делом, к слову сказать, супруга Троцкого, и все апелляции Эрмитажа попадали к ней.

Тут мне хотелось бы подчеркнуть очень важное обстоятельство: С.Н. был выбран Советом Эрмитажа, а это совсем иное, чем быть назначенным сверху, как было с несколькими его преемниками, проводящими «линию партии».

Роль С.Н. в отстаивании интересов Эрмитажа трудно переоценить. М.Б. Пиотровский отмечал, что художественная коллекция — это не склад, и её нарушение является преступлением. Поэтому в 1920-е под давлением властей при продаже музейных ценностей нужно было вести такую гибкую политику, чтобы не нарушать стройность экспозиции, а продавать предметы из т.н. «третьего ряда» — с этой сложной задачей долгое время с успехом справлялся Тройницкий. С.Н. принадлежит и ключевая роль в спасении серебряной раки Александра Невского, которую власти хотели пустить в переплав. То же самое можно сказать об осуществлённом

возврате эвакуированных предметов искусства из Москвы. Постановление Совета народных комиссаров утвердило принятие решения о реэвакуации предметов искусства в Петроград, а сам вывоз ценностей стал почти войсковой операцией. Недаром на банкете по случаю возврата коллекции был поднят тост за железнодорожные войска.

Можно считать, что С.Н. был одним из основателей научного подхода к музейному делу в России. В июне 1920 г. в Эрмитаже открывается факультет музейного дела, где читается курс лекций, программу для которого разрабатывает комиссия, в состав которой входит С.Н. В это же время в Эрмитаже организуется Музей придворного быта.

Ставя для себя приоритетом сохранение и приумножение музейной коллекции, С.Н. на протяжении всех лет, что находился на должности директора Эрмитажа, пытался сохранить национальное достояние. В годы директорства С.Н. Тройницкого Эрмитаж получил обширное пополнение из национализированных частных собраний, началось освоение Зимнего дворца, расширялась и перестраивалась экспозиция.

Неординарность личности С.Н., накопленные знания и творческий подход к работе делали Тройницкого незаменимым специалистом во многих областях. Подтверждением этому может служить серия портретов Тройницкого, выполненных в разное время известными художниками, в числе которых А.Н. Бенуа, П.П. Кончаловский, Б.М. Кустодиев, Г.С. Верейский.

При этом С.Н. приходилось вести войну на «два фронта»: и с властями, и с некоторыми членами Совета Эрмитажа, несогласными с его методами. В 1927 году С.Н. был снят с должности директора Эрмитажа, сохранив за собой должность заведующего декоративно-прикладным искусством. При этом он, являясь неопенимым экспертом, «спланировал» организацию, называвшуюся «Антиквариат» при Наркомвнешторге СССР. «Антиквариат» и занимался продажей предметов искусства за границей. Деятельность С.Н. в «Антиквариате» я сравнил бы с действиями Штирлица в известном сериале. Ученик С.Н. — В.М. Глинка — впоследствии написал:

«А теперь он (С.Н.) работал экспертом Внешторга по антиквариату, в каком-то качестве появлялся в пригородных дворцах, отбирая то, что отправлялось в Европу, проданное за иностранную валюту, необходимую, как объяснялось, для индустриализации страны. “Вот какой подлец — помогает разбазаривать наше национальное сокровище!” — возмущались многие. Но я, например, знал, что, приезжая в Гатчину, Тройницкий советовался с Серафимой Николаевной, что можно взять из запасов и чуть “разредить” китайскую галерею для удовлетворения требований Внешторга. Ну и что же тут позорного? Мы-то, работники пригородов, знали, что который год каждый квартал финорганы спускают во все дворцы план, на какую сумму надо выделить так называемых “госфондов” для продажи по весьма низким ценам всевозможных предметов царского обихода: сервизов, люстр, мебели, ковров — на внутреннее употребление, в основном, конечно, крупным советским чиновникам. И при этом никто не спрашивал, что об этом думают хранители. Я много раз слышал, как шипели на Тройницкого, будто взялся чуть не за предательство».

Аукционы производились в основном в Германии. Я точно не знаю, но могу себе представить такую сцену: выставляют на аукцион какой-нибудь сервиз, а тут является, предположим, уехавший граф Строганов и говорит: «Это мой сервиз! Я его никому не дарил!» Вдруг С.Н. с этим лицом знаком по прошлой жизни? В каком он оказывается положении? Знаю лишь, что в Германии были суды, но мудрые немецкие судьи принимали решения: «Это внутреннее дело русских. Пусть разбираются между собой».

Основные продажи из коллекции Эрмитажа начались, можно сказать, к счастью для С.Н., позже, когда он уже был снят с должности директора Эрмитажа, в период индустриализации, в связи с необходимостью получения валюты для закупки промышленного оборудования. Чтобы продать руду или уголь, надо их добыть, лес надо срубить и сплавить по рекам, а картину — всего лишь «снять с гвоздя». Тем не менее С.Н., хотя уже не нес всего груза ответственности

за разбазаривание коллекции, испытывал большие нравственные муки, да, видимо, и соблазны. М.В. Глинка вспоминает об этом: «Многим, и мне в том числе, было непонятно, как лица, санкционировавшие это увольнение, могли забыть, что десять первых лет существования советской власти Сергей Николаевич с честью возглавлял Эрмитаж. Что именно он в 1917 году провёл эвакуацию его коллекций в Москву, а в 1921 в ещё более трудных условиях руководил возвращением их в Петроград, размещением в прежних хранилищах и частично в ряде выставок, уже в залах Зимнего дворца, начав новую эру жизни Эрмитажа. И уж все знали, что если бы Тройницкий со своим блестящим знанием европейского искусства уехал в середине 1920-х годов за рубеж, как сделали Эрнст, Бенуа и другие, то жил бы там припеваючи. И вот не сделал же этого!»

В 1931 году С.Н., находившийся в должности заведующего отделом декоративно-прикладного искусства Эрмитажа, был окончательно уволен из музея. Н.Я. Мандельштам в своих «Воспоминаниях» пишет: «По сообщениям майских газет 1931 г., комиссия по проверке Эрмитажа выяснила, что “в числе сотрудников музея до самого последнего времени работали чуждые элементы”. Обвинения касались связи с белоэмигрантскими кругами (брали на хранение коллекции «бежавших белогвардейцев»). Сменённый раньше директор С.Н. Тройницкий прямо назывался «вредителем». Кампания совпала с проведением крупной экспортной продажи эрмитажных картин». А.Н. Бенуа в письме от июня 1931 года к М.В. Добужинскому резко высказывает своё мнение по поводу увольнения С.Н. «Вся Совдепия готовится наказать эрмитажных вредителей, и острие направлено против Тройницкого... Он с честью сохранил такое многое, он был единственным человеком, который с честью справился с такой для всякого другого непосильной задачей, который как раз своей энергией, своим административным талантом годами спасал Эрмитаж и был им (спасителем) не из чрезмерного усердия перед начальством ... » Я предполагаю, может быть, тут помогло и образование, полученное в Училище правоведения.

Надо сказать, что основным «демоном» продажи сокровищ Эрмитажа выступал А.И. Микоян как министр внешней торговли, а скажем, защитником был М.И. Калинин. Точку в этом деле поставил И.В. Сталин, фактически запретив распродажу национальных ценностей. Надо сказать, что в целом доход от этих аукционов оказался в масштабах страны ничтожным, да и спрос на Западе в связи наступлением кризиса 1930-х угас. Но тут подошёл 1934 год, убили Кирова, и началось т.н. «Кировское дело».

«Кировское дело». Ссылка в Уфу

1 декабря 1934 г. был убит С.М. Киров, и в числе «мероприятий» НКВД СССР 1935 г. была проведена операция «Бывшие люди» по чистке населения Ленинграда от «социально опасных элементов». С.Н. вполне подходил под это определение, и постановлением Особого Совещания при НКВД от 4 марта 1935 г. С.Н. Тройницкий и его жена М.В. Борисова-Мусатова были приговорены к ссылке в Уфу сроком на 3 года. Отметим лишь невероятную быстроту, с которой тогда все происходило. Следователь Лобков начал дело 1 марта и в тот же день его закончил, 2 марта подписано распоряжение об увольнении С.Н. с 7 марта, а уже 4 марта был вынесен приговор. С.Н. и М.В. раздали большинство вещей знакомым и с минимумом багажа уехали в Уфу. Кое-что из мебели и книг они получили обратно по возвращении из ссылки. Для меня остается загадкой, что стало с библиотекой С. Н., содержащей около 1500 книг. У меня сейчас стоят на полке три разрозненных тома русских родословных книг 1855 и 1895 г. и книга А. Селиванова «Фарфор и фаянс Российской империи. Описание фабрик и заводов», 1903 года.

В Уфе С.Н. Тройницкий работал в одном из музеев. Жизнь была, конечно, далеко не благополучная.

Ленинградские знакомые поддерживали С.Н. и М.В. по мере возможности и навещали. И я был в Уфе, находясь во чреве моей мамы. От того времени сохранились только фотографии деревянных домишек и ещё фото на пляже, на берегу реки Белая. Надо сказать, что выражения лиц С.Н. и М.В. на этих снимках довольно счастливые. Я это истолковываю таким образом: ссылка — далеко не худший вариант для тех лет. В Москве ряд знакомых, в том числе А.Н. Толстой, ходатайствовали о возвращении С.Н. и М.В. из ссылки. В 1939 г. они вернулись из Уфы, но уже в Москву, однако судьба С.Н. была сломана. Своего жилья не было. После ссылки чета поселилась в Кус-кове, которое в те годы тоже было Подмосковьем, и С.Н. проработал с 1939 по 1941 г. зав. отделом керамики в Музее керамики, где они и жили в одной из построек кусковского ансамбля, который, по иронии судьбы, называется Эрмитаж. В 1942 г. у С.Н. обнаружили туберкулёз. Хочу поделиться ещё одним соображением. В Москве у С.Н. было много высокопоставленных знакомых, среди которых авиаконструктор Мясищев; командующий Тихоокеанским флотом, адмирал Юмашев. Много лет спустя у меня возникло предположение о природе этих знакомств. Все эти люди привезли из Германии большое количество предметов искусства, им хотелось понять степень их ценности, а С.Н. был, несомненно, уникальным экспертом.

Несмотря на тяжёлую жизнь, весьма спартанский образ существования, С.Н. Тройницкий написал и защитил в МГУ в 1947 г. диссертацию на степень доктора искусствоведения «Европейский художественный фарфор XVIII века». После ряда поисков я обнаружил диссертацию в хранилище Ленинградской библиотеки в Химках. Диссертация хранится на стеклянных микрофишах; копии, видимо, сделаны не с первого экземпляра, читаются с трудом. Я сообщил о своей находке в Эрмитаж, и там рассматривают вопрос о публикации диссертации. Доктором наук С.Н. пробыл лишь несколько месяцев, он скончался в феврале 1948 года и похоронен на кладбище Даниловского монастыря в Москве, где лежит и его внук.

После его кончины М.В. пыталась покончить собой, но ее откачали, и она умерла в 1991 г. у меня на руках.

О значимости фигуры С.Н. говорит то, что, по признанию М.Б. Пиотровского, он создал школу музейного дела. В феврале 2018 г. в Эрмитаже прошла конференция по геральдике, посвящённая С.Н. Тройницкому — выдающемуся геральдисту и искусствоведу, первому советскому директору Эрмитажа с такой непростой судьбой.

Просмотрев ещё раз все сведения о С.Н. Тройницком, я подумал, что его судьба — прекрасный материал для кинематографистов или телевизионщиков. Во всех случаях я очень советую прочесть фундаментальный труд Б.Б. Пиотровского «История Эрмитажа», содержащий более 500 страниц, включающий огромное количество документов и фотографий.

Сергей Николаевич умирал в Москве, в Яузской больнице, расположенной в дворце Баташева, построенном в начале 19-го века, и всё восхищался сохранившейся на потолке росписью.

**«Путешествие из Ленинграда в Москву
с пересадками» Н.О. Мунц**

О Волжской рокаде

**Тройная дата Троицкого.
О первом советском директоре Эрмитажа**

Материал полностью опубликован
в альманахе «Словесность» за 2018 г.

Александр Олейников

**ИЗБРАННОЕ
2009 – 2018**

Дизайн, верстка Николай Кормер
Корректор Марина Алхазова